

Пётр Немировский

**НА МОСТУ
СВЯТОГО АНГЕЛА**

Итальянский дневник

Бостон • 2026 • Чикаго

ПЁТР НЕМИРОВСКИЙ

На мосту Святого Ангела

Итальянский дневник

PETR NEMIROVSKIY

On the Bridge of St. Angelo

Italian Diary

Copyright © 2026 by Petr Nemirovskiy

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1-970342-23-9 (softcover)

ISBN 978-1-970342-22-2 (hardcover)

Published by M•GRAPHICS | Boston, MA

☐ www.mgraphics-books.com

✉ mgraphics.books@gmail.com

Produced in conjunction with Bagriy & Company | Chicago, IL

☐ www.bagriycompany.com

✉ printbookru@gmail.com

Edited by Julia Grushko

Book Design by Yulia Tymoshenko

Cover Design by Larisa Studinskaya

Printed in the United States of America

Содержание

Часть первая. Венеция

Мисс Джен-Оленка	9
Вояка Олег	13
Венецианские утки	16
Как стать легионером Юлия Цезаря	18
Солнечный удар	21
Замок Дожей. Гениальный Казанова	24
Закат	29
Неспетая песня гондольера	31

Часть вторая. Флоренция

Чёрный сом в водах Арно	39
Великий авантюрист	49

Часть третья. Тоскана

Шторм	65
Ненормальный художник	68
Остров Эльба. Изгнание из рая	77
Странная тётя из Америки	92
Только ветер знает все тайны моря	104

В Пизе	114
Райские кущи для женщин	122
«Ла-на...»	133

Часть четвёртая. Рим

Из жизни императоров — бывших и нынешних	137
Чёрный день	148
А утром он проснулся	161
Где не ступала нога ни одного туриста	167
«Аве-е Мария-а...»	178
Лев из подвалов Колизея	183
«Мы не средневековые палачи»	192
Возвращение блудного Лео	201
Эпилог	205

Часть первая
ВЕНЕЦИЯ

Мисс Джен-Оленка

— **A**re you from Ukraine?

— Yes.

— What's your name?

— Lev. Leo. And yours?*

— Jenn. Мой родной язык английский, но я учу украинский и уже кое-что понимаю. Но говорю по-украински пока очень плохо. *Дуже погано*, — сказала она в подтверждение своих слов по-украински, с сильным акцентом. Затем снова перешла на английский.

Так они познакомились в кафе Нью-Йорка, куда Лео часто заходил после работы выпить капучино.

Джен — молодая обаятельная женщина лет тридцати — сидела за столиком и пила кофе. Она предложила Лео сесть к ней за столик.

— Я — американка, уже четвёртый год живу в Киеве, я там с самого начала войны, — сказала она.

— Интересно, как и почему случилось, что вы оказались в Украине?

— По профессии я журналистка, работаю спецкором в *US Today*. Перед самым началом вторжения России

* — Ты из Украины?

— Да.

— Как тебя зовут?

— Лев. Лео. А тебя?

в Украину я находилась в Польше, освещая международный форум по безопасности в Европе. Мой редактор предложил мне, раз я уже в тех краях, поехать в Киев на несколько дней, написать пару репортажей. Тогда никто в Америке точно не знал, нападёт Путин или нет, всё висело на волоске. Я согласилась. В Киеве меня и застала война. В первые же дни после бомбёжки я решила: «Остаюсь тут, буду передавать в газету новости прямо из горячей точки. Ведь это же такая журналистская удача!» Мой муж тогда находился в Америке, требовал, чтобы я немедленно вернулась в Штаты, но я отказалась. В то время я, как и многие, считала, что всё закончится очень быстро, максимум за месяц-два, с Путиным как-то договорятся, или Байден поведёт себя более решительно. Но увы. Вот уже три с половиной года я там.

— Как ты догадалась, что я из Украины? — спросил он.

— Очень просто. У тебя на руке жёлто-синий браслетик.

— А-а. Я совсем забыл про него, ношу его с самого начала войны. Ты будешь удивлена, узнав, что я из Киева, тоже одно время работал журналистом: сначала в Украине, а потом в Америке — уже в иммигрантской прессе. Когда-то я закончил филологический факультет киевского Университета.

— Надо же. Я живу неподалёку от университета, снимаю там квартиру, — она нашла на своём мобильнике и показала ему фотографии улицы возле университета и само здание, где после недавнего ракетного обстрела повыбивало стёкла на нижних этажах, поэтому окна там были закрыты листами фанеры. — Получается, у нас с тобой много общего. Ты давно живёшь в Америке?

— Уже двадцать лет. Правда, журналистом давно не работаю, филологию тоже больше не изучаю. Я теперь обычный QA — тестирую компьютерные программы в финансовой компании.

У него всё же слегка защемило в сердце: упоминание о Киеве его юности, студенческих годах в универе, работа в газетах... Всё это кануло навеки. Жаль, жаль. Впрочем, это было мимолётным сожалением, он привык к другой специальности, другой стране, другой жизни. А когда-то был неплохим журналистом, кстати говоря.

— Я недавно приехала из Киева домой — в Нью-Йорк, в отпуск. И, представляешь, уже скучаю по Украине, по войне... Смотри, какие у меня классные татуировки, — она оттянула рукав футболки до самого плеча, с гордостью показав несколько забавных маленьких татуировок: птички, подсолнухи, карикатурный козак в шароварах и папахе гонится за полуголой молодой женщиной. — А это моё новое украинское имя: OLENKA, — громко прочитала она, указывая на надпись с внутренней стороны предплечья. — Меня многие знакомые в Украине так и называют «Джен-Оленка».

— Хочешь зайти ко мне в гости? Я живу неподалёку отсюда, — предложил он.

— Я бы с удовольствием, но извини, сейчас не могу. С минуты на минуту должен прийти мой муж, и мы поедem домой паковать вещи. Завтра улетаем в Италию, в отпуск на три недели.

— Серьёзно? Мы завтра тоже улетаем в Италию, всей семьёй. Тоже на три недели.

Она едва не подпрыгнула на стуле:

— Невероятно! Эта встреча неслучайна! Наверняка кто-то ТАМ что-то замыслил, — она выразительно распрямила указательный палец, направив его вверх.

Они быстро установили контакт в «Вотсап» и сфотографировались вместе на прощанье. Договорились связаться уже в Италии. Это случайное знакомство действительно выглядело необычным и многообещающим.

— Всё, Оленка-Джен. *До побачення*, — сказал он по-украински, которым владел свободно так же, как и русским, и английским.

— Папа, это невероятно, это мистика. Тебя, а может, и всех нас ждёт какое-то чудо, — предположил восемнадцатилетний Марк, услышав рассказ отца про его случайное знакомство в кафе с американской журналисткой, которая сейчас живёт в Киве, пишет о войне и завтра так же, как и они, поедет в Италию.

Марк знал о журналистском прошлом отца, знал и про то, что значит для родителей война в Украине, которая последние годы занимает львиную долю их разговоров и переживаний.

А вот Лана — жена — хоть тоже удивилась рассказу мужа об этой встрече, никакого восторга почему-то не выразила и ничего чудесного от этого не ожидала.

Лео тоже успокоился, на «остывание» ему много времени не понадобилось, жизненный опыт быстро охлаждает необоснованные ожидания чудесного.

Мало ли на нашем пути случалось встреч и знакомств, суливших что-то необычное, но ни к чему не приводивших? Бóльшая часть нашей жизни состоит из вот таких встреч. Это только в романах или кино каждая случайность становится роковой и в конце концов меняет человеку судьбу. А в жизни такого нет и близко.

Вояка Олег

Ваэропорту было многолюдно. Понятно, лето, сезон отпусков. Все трое — Лео, Марк и Лана — сидели в креслах в ожидании объявления посадки.

«Привіт, друже. Пиши побільше своїх вражень, коли будеш в Італії. Не уявляєш, як ця йобана війна мне задовбала. Але що робити? Треба змогилювати кацапів.* Іншого варіанту немає»,** — писал ему через «Вотсап» Олег, его бывший однокурсник из университета. В студенческие годы они с Олегом общались мало, не имея ни больших взаимных симпатий, ни антипатий. Но война неожиданно их сблизила.

На третий день после широкомасштабного вторжения Олег взял свой сложенный вещмешок и ушёл воевать, попрощавшись с женой и дочерью, готовый к тому, что с ними уже никогда не увидится и живым не вернётся. Но до сих пор Бог его хранит. Ещё недавно Олег воевал на Курщине, а сейчас артиллерийский дивизион, которым он командует, перебросили на Сумское направ-

* В Украине кацапами сегодня называют россиян, которые поддерживают войну и страдают имперским шовинизмом, презирая другие народы (*прим. авт.*).

** Привет, друг. Пиши побольше своих впечатлений, когда будешь в Италии. Ты не представляешь, как эта грёбаная война меня задолбала. Но что делать? Надо умогиливать кацапов. Других вариантов нет.

ление. Уже во время войны, когда они с Лео сошлись поближе, Олег рассказал ему, что его деды воевали во Вторую мировую: один в Советской армии, погиб под Черниговом, другой в УПА против войск НКВД — попал в плен и после этого двадцать лет с недолгими перерывами сидел в советских лагерях. Как говорил Олег, «в истории моей семьи действительно всё неоднозначно: один дед спасал украинскую землю от фашистов, другой — от коммунистов, поэтому для меня они оба герои. А я продолжаю их дело — *умогиливаю кацапов*».

По наблюдениям Лео, Олег значительно изменился не только внешне, но и внутренне. Он вроде бы такой же, каким был всегда, ещё со студенческих лет: многое его интересует — и политика, и инженерия, и история. Однако теперь, после трёх с половиной лет пребывания на фронте, вся его жизнь подчинена главной задаче — *«умогиливать кацапов»*. Эта задача доминирует у Олега над всем остальным, это его мантра, смысл его жизни. «Чем меньше кацапов останется на земле, тем будет лучше для наших детей. Потому что нашим детям и внукам тоже придётся с ними воевать».

Надо сказать, что его старший сын уже давно живёт в Голландии, а младшая дочь в Украине.

«У многих моих киевских друзей юности и бывших однокурсников дети давно живут на Западе. Закончили там колледжи, работают. А их родители — в Украине. В своём большинстве они — родители — патриотически настроены, все за Украину готовы лечь костью, по крайней мере на словах. Но мало кто признаётся, что их дети давно из Украины благополучно свалили. Однако не моё это дело и не моё право — осуждать кого-либо. Я ведь тоже живу в Штатах», — думал Лео, то прокручивая в телефоне ленту ФБ, то перечитывая письма от

Олега с фронта. Сейчас в Украине поздний вечер, значит у Олега полно свободного времени, ему там скучно сейчас, на войне, — их дивизион выходит на позицию обычно ранним утром. А к вечеру, перед сном, Олегу часто нечем себя занять. Вот и пишет обо всём: о своих побратимах, о технических данных немецких самоходных гаубиц в их дивизионе, спрашивает Лео об американской жизни. По признанию самого Олега, ему эта переписка нужна как воздух, чтобы «интеллектуально не деградировать и спасти мозги от усыхания».

Олег высылает Лео огромное количество фотографий и видео, так сказать, «военную бытовуху», — как они с побратимами строят капониры и траншеи, чистят стволы орудий, заряжают их снарядами. Недавно, не выдержав стресса, в их дивизионе сошёл с ума молодой механик-водитель. А полгода назад хоронили побратима, заживо сгоревшего в машине. Ещё есть фотографии кота по кличке Рыжий, которого Олег подобрал перепуганным котёнком, когда они воевали под Бахмутом. Кот теперь несёт свою службу, отлавливая мышей в блиндаже.

«Добре, вояко, писатиму тобі про свої враження в Італії. Я їду до Італії вже втретє. До речі, вчора я познайомився з американською журналісткою, Джен-Оленкою, з US Today, вона зараз живе в Україні й пише про війну. Спробую вас зв'язати, щоб вона взяла в тебе інтерв'ю. Зараз вона теж поїхала до Італії, а звідти — в Україну».*

* Хорошо, вояка, буду писать тебе о своих впечатлениях в Италии. Я еду в Италию уже в третий раз. Кстати, вчера познакомился с американской журналисткой, Джен-Оленкой, из US Today, она сейчас живёт в Украине и пишет о войне. Постараюсь вас связать, чтобы она взяла у тебя интервью. Сейчас она тоже поехала в Италию, а оттуда — в Украину.

Венецианские утки

Причалил старенький катер. Длинная очередь туристов с большими чемоданами медленно продвигалась; забрав свой багаж в аэропорту, пассажиры садились в это морское такси, развозившее их по многочисленным островам Венецианской лагуны и, разумеется, в саму Венецию.

«Бух-дух-дух», — забухал мотор.

Поплыли.

Лео поднялся с со своего сиденья. Он был приятной наружности: среднего роста, спортивного телосложения; лицо мужественное, с правильными, хоть и немного мелкими чертами и непропорционально высоким лбом. Чёрные жёсткие волосы он зачёсывал назад и часто приглаживал их рукой.

Подойдя к борту, Лео смотрел на волны, оставляемые катером, на птиц, сидевших на каждом маяке и столбе в воде. Запах здесь был иной, хоть, по идее, запах этого моря не должен сильно отличаться от запахов других морей и океанов. Ан нет: каждый океан — будь то Тихий или Атлантический — имеет свой особый запах. И каждое море — Чёрное, Адриатическое или Карибское — короче, там, где Лео бывал и какой воздух навеки вдыхал в свои лёгкие, имеет свой особый запах. Так же, как и любой человек. К примеру, сын Марк имеет

свой, особый запах. И Лана тоже. Запах тела Ланы его по-прежнему волнует, хотя, по правде, в последнее время он (запах её тела) потерял для Лео своё первоначальное богатство.

Ах, какой приятный ветерок, как мило бухтит катер и плещутся волны.

— Папа, смотри, тут точно такие же длинношеие утки-нырки, как у нас в Нью-Йорке, — сказал Марк, подойдя к Лео и указав рукой на одну из чёрных уток, неподвижно сидевшую на столбе над водой. Утка раскрыла свои крылья для «просушки». — Интересно, они точно так же, как и наши, ныряют и плавают под водой на большие расстояния?

— Посмотрим. У нас будет достаточно времени изучить местную акваторию.

Как стать легионером Юлия Цезаря

После того как устроились в отеле, всей семьёй отправились на пляж. В надежде откупаться, отмыться и отдышаться после едва ли не суточной утомительной дороги. Шли по главной улице островка Лидо, превращённого в курортное место. Уже были открыты рестораны и пиццерии.

Марк сразу заявил, что голодный. Родители сначала не отреагировали. Состояние сына — постоянно голодный — Лео сильно раздражало. И тому была причина.

Одно из увлечений Марка — спортзал. Рядом с их домом в Нью-Йорке находится несколько фитнес-клубов, и Марк лет с пятнадцати, когда у мальчиков начинается период полового созревания, а следовательно, буйство гормонов и подростковых комплексов, — увлёкся спортом. Вернее, не столько спортом, сколько накачиванием мышц. Марк был рождён недоношенным, малюпусеньким. В роддоме, когда Лео принял его из рук акушера и понёс к весам, тот свернувшийся комочек почти уместился в отцовских ладонях. Лео положил младенца на весы и, задумчиво глядя на это существо, мысленно сравнил его со склизкой улиткой. Конечно, странно, ведь отца должна переполнять радость, ощущение нового поворота жизни, подаренного ему судьбой, надежда на достойного продолжателя рода — всё что угодно,

но только не смутная гадливость от вида этого комочка с мокрыми волосками.

Потом, по мере взросления, Марк долгое время отставал в росте и весе от своих сверстников, по своим физическим параметрам оставаясь на границе со слабо-развитыми и мало энергичными. Лео привык к такому «чахлому» сыну, не понимая, в кого он пошёл, — явно не в отца.

Но с пятнадцати лет Марк резко изменился: помимо посещения различных спортивных секций в школе, начал усиленно ходить в фитнес-клубы. И буквально на глазах, за пару лет, превратился в Геркулеса, в грудку мышц: плечи с широким разворотом, грудь, как у буйвола, мышцы перекачиваются под кожей стальными шарами. Изменилась и походка — не та, прежняя, лёгкая, неустойчивая, того и жди, что упадёт от первого порыва ветра. Теперь у Марка твёрдая походка античного героя. Соответственно, появилась и нагловатость во взгляде, и снисходительная усмешка на лице — характерные черты взрослеющего подростка.

Как результат, Лана за последние годы заметно улучшила свои кулинарные навыки, проводя у плиты куда больше времени, чем прежде. Главное, чтобы в холодильнике всегда было мясо — свинина, говядина и курица, в несметных казанах и кастрюлях. И пару дюжин яиц. Протеин, протеин, протеин. Пока ребёнок на ужин доедает последний стейк, Лана уже у плиты, разделявает только что принесённый из магазина шмат свежезарезанной свиньи или коровы...

— Я голодный, — повторил Марк громче, чем в первый раз.

— Сейчас мы тебе что-то купим, — откликнулась Лана, оглядывая ближайшие рестораны.

Они подошли к одному красивому ресторанчику, куда их ласково зазывал красивый официант, посмотрели на красивые цены в меню у входа.

— Знаешь, мой друг, — промолвил Лео, развернувшись и направив свой путь далее по улице, к пляжу, тем самым давая понять, что перекус откладывается. — Знаешь, как питались римские солдаты в армии Цезаря? Рассказываю: они несли с собой в походных мешках муку — чтобы на стоянках выпекать хлеб; растопленный свиной жир — чтобы добавлять его в муку для поддержания рациона жиров в организме; сосуд с оливковым маслом — чтобы меньше потеть в походе, предотвращая обезвоживание. Вот и весь их походный рацион. Вино они пили очень редко, а если пили, то обязательно разбавляя его водой. Запомнил?

Марк хмуро покосился на отца.

— Итак: мука, растопленный свиной жир, оливковое масло. В этой поездке мы постараемся сделать из тебя римского солдата в отборном легионе Юлия Цезаря. А то, гляди, разнесло, как буйвола.

— Кого? Бувало? — не понял Марк.

— Буйвола. Бизона. *Buffalo*. Понял? Но если не хочешь быть легионером Цезаря, мы превратим тебя в монаха Францисканского ордена. Те вообще ели по сухарю в день и запивали сырой водой. Так что, мой друг, выбирай: или легионер Цезаря, или францисканский монах.

Марк недовольно скривил лицо, лишний раз пожалев, что поехал с родителями в эту Италию, а не устроился на лето официантом в ресторане, заработал бы кучу денег. Лучше, чем римским солдатом или монахом.

Солнечный удар

Жара. Даже на пляже. Вода здесь, в Венецианской лагуне, — мелкая и тёплая, до неприязни. И заходить не очень хочется. Трудно представить, что на противоположном берегу этого же Адриатического моря, едва ли не по прямой — и совсем недалеко отсюда, расположен Дубровник: древний город-крепость на берегу (в составе нынешней Хорватии), который во времена Возрождения находился под протекторатом Венецианской Республики. Лео с семьёй там отдыхали в прошлом году.

Там, в Дубровнике, великолепное скалистое побережье, прохладная, но нежная, хоть и очень солёная вода. В такой можно плавать хоть час и без всякой усталости. Лео с Марком там быстро освоились, вместе с местными хорватами прыгали в воду с прибрежных скал, при отсутствии должного навыка шлёпались в волны то животом, то задом. Но то было купание, азарт, адреналин, учащённое громкое сердцебиение перед каждым прыжком. Лана сидела под скалой, в тени, смотрела снизу на подкрадывавшегося к краю скалы Марка перед очередным прыжком и крестилась...

Здесь же, напротив Дубровника, на Венецианском побережье Адриатики, скал нет и в помине, чего ожидал Лео и вся семья. Здесь на берегу — песочек в мелкой гальке, от берега можно брести долго, а вода всё по

колени. Рифов нет, лагун нет, русалок, тритонов, наяд — ничего этого нет. Зато много мамаш с детьми, да назойливые арабы и негры постоянно тычут тебе в лицо зонтики, африканские бусы и прочий хлам.

Марк, недолго поплавав, побрёл вдоль берега. Понятно, — отправился на разведку, разнюхать, есть ли тут рыба, и если да, то на какую наживку берёт. Марк привёз с собой из Нью-Йорка складной спиннинг и полчемодана рыбацких снастей.

Лео поглядел на удаляющуюся по песку фигуру Марка. «Трудно поверить, что этот амбал — мой сын. Беда с ним — человека ничего не интересует, только рыба и накачивание мышц. Слишком он простенький и без больших запросов. Благо в последнее время, как и многие его сверстники, увлёкся торговлей биржевыми акциями онлайн. А вот я в его годы был не таким — меня всё интересовало, всегда куда-то несло. Но что поделать? Детей нельзя переделать так, как нам того хочется. Наши родительские амбиции внушают нам мысль о нашем родительском всемогуществе. На самом же деле наши силы и возможности в этом отношении весьма ограничены». Мысленно повторив про себя эту мудрую сентенцию, Лео глубоко вздохнул и пошёл купаться.

Выйдя из воды, потряхивая головой с ещё мокрыми волосами, он остановился возле жены, лежавшей под зонтиком. На ней был странный купальник, по её словам, специально купленный для этой поездки: Лана зачем-то решила по-монашески замуровать себя в печальные чёрные шорты и не менее печальный блёклый лифчик с большими чашками, скрывавшими её бесподобные стати.

Она неподвижно лежала на животе, накрыв голову полотенцем.

— Синьора, ты жива? — спросил Лео, присев рядом у её изголовья.

Лана молчала.

— Свет-Ланик, ты окей? — он слегка потряс её за плечи.

— Здесь невыносимо жарко. И я очень устала от перелёта, — промолвила она тихо, не поворачивая головы.

Лео стянул с её головы полотенце и наклонился поближе. Лицо Ланы было совсем бледным, без единой кровинки, и на этой белизне кожи, словно бриллиантики, играли цветами капельки пота. Не говоря ни слова, Лео схватил полотенце и ринулся к воде. Через минуту он мчался назад, держа мокрое полотенце, с которого текла вода. Развернув полотенце, накрыл им жену, прижав ткань к её телу, затем поднял и стал выкручивать, как выкручивают мокрую тряпку. С полотенца на тело Ланы полилась вода. Лео сделал ещё несколько таких ходок с полотенцем к воде и обратно.

— У-ух, немного легче, — промолвила Лана, свободно задышав. — Ещё немного, и я бы наверняка потеряла сознание. Получила бы настоящий солнечный удар. Спасибо, Лёвик. Дякую. А где Марчик?

— Пошёл проверить, какая в Венеции водится рыба. Он ведь ехал сюда, в первую очередь, ради этого, — он погладил жену по спине. — Ты меня, пожалуйста, больше так не пугай.

Он сел рядом, достал из большой пляжной сумки свой мобильник. На иконке «Вотсап» кто-то оставил сообщение. Джен-Оленка! Американская журналистка из *US Today*.

«Как ты, Лео? Уже в Италии? У тебя будет время встретиться со мной? Ты мне понравился».

Замок Дожей. Гениальный Казанова

Великий Макиавелли в своих работах критично отзывался о Венеции и её славных жителях. По его мнению, венецианцев отличает редкая жадность, даже не жадность — а слепая уверенность в том, что только деньги решают всё. Именно такое ошибочное представление стало причиной того, что Венецианская республика не достигла того, чего могла. Да, Венеция времён Возрождения имела могучий флот и торговлю; небольшой город на островах заключал крупнейшие финансовые и торговые сделки с империями и королевствами по всей Европе, Азии и Африке. Венецианцы, задаривая и подкупая европейских королей и императоров, влияли на политику на всём материке, не без их тайного или явного влияния начинались войны и заключались перемирия между странами.

Однако, по мнению Макиавелли, экономический успех ослепил жителей Венеции, они посчитали, что финансовая мощь заменит им мощь военную. Как показал ход истории, одни только деньги войну не выигрывают, — враг может просто отказаться от предложенных денег и покорит тебя силой своей армии. Так оно и случилось: не имея своей надёжной сухопутной армии и полагаясь в основном на свои банки и торговлю, венецианцы потерпели ряд сокрушительных пора-

жений от своих недругов, солнце республики закатилось ещё до того, как великий город-остров-банк был захвачен Наполеоном практически без единого выстрела.

Макиавелли, хоть и флорентиец, был современником Венеции эпохи Возрождения, многие события происходили на его глазах, поэтому он так нелестно отзывался о венецианцах, считая их безнадёжными торгашами.

Лео же, будучи поклонником Макиавелли, прочитав много работ этого великого человека, опередившего свою эпоху на несколько столетий, не имел оснований сомневаться в правоте Макиавелли, поэтому принял его слова за правду, что венецианцы — всего лишь отпетые торгаши и барыги.

А как же карнавалы, маски, гондолы с поющими гондольерами, неповторимые росписи в храмах в венецианском стиле? Получается, что всё это — декорация, мишура, сверкающая золотистая пыльца на денежных банкнотах.

С такими представлениями Лео с семьёй вошёл в знаменитый Дворец Дожей. Гид начал свою экскурсию с посещения одиночных тюремных камер, где когда-то сидели самые опасные преступники. По словам гида, в ту пору так же, как и сегодня, вода с канала часто поднималась и заливала все помещения вниз. Несложно представить себе заключённого в такой камере, где по колено воды, без света, ночью, зимой...

Все нижние этажи знаменитого дворца — камеры, камеры, камеры. Каменные «кровати», окна с чугунной решёткой, маленькая форточка в двери, через которую заключённым давали еду, как собакам.

А повыше во дворце располагались органы власти Великой Венецианской Республики: суды, прокуратура,

секретные службы и высший государственный орган Республики — Коллегия Дожей.

Такая необычная планировка даёт обильный материал для размышлений: вот ты, скажем, член верховного суда или первый секретарь торговой коллегии. В залах проходят заседания, подписываются документы, замышляются крупные финансовые или торговые кампании. Всё чинно, благородно. А несколькими этажами ниже, если спуститься по узкой лестнице, в одиночных камерах замурованы особо опасные преступники, криминальные деяния которых тоже, в большинстве своём, были связаны с крупными финансовыми аферами — коррупцией, предательствами, изменой родине. В таком соседстве светлых залов с тёмными камерами, вероятно, достигался высокий воспитательный эффект. Суровое наказание за взятку, предательство, попытку госпереворота, измену республике для человека у власти становилось не гипотетическим, а очень конкретным. К тому же при таком бесчеловечном содержании заключённые преступники жили недолго, смертность была высока, поэтому любой высокопоставленный государственный муж, невзначай подойдя к окошку залы на верхних этажах, мог наблюдать, как внизу из здания выносят завёрнутый в чёрную ткань труп очередного изменника. Волей-неволей сделаешь правильные выводы.

В этом дневнике путешественника не место подробно описывать систему управления Венецианской республики. Тот, кому интересно, сам найдёт материалы. Но во Дворце Дожей приходит ясное понимание: той республикой-банком управляли очень серьёзные люди. Не политиканы, не демагоги, не популисты, как нынешние деятели во многих странах. Те выбранные венецианские

госчиновники в вопросах бизнеса были очень жёсткими, а если надо — жестокими. Но в отличие от нынешних, интересы дела и республики они ставили выше собственного обогащения и тщеславия. Разве могло быть иначе — если маленький город на островах с немногочисленным населением сумел стать едва ли не финансовым и торговым центром всей Европы и Азии? Это требовало не только финансового гения, но и чрезвычайно сильного национального характера.

Последним подтверждением этой мысли во время посещения Дворца Дожей становится Зал Правосудия. Здесь в просторном зале заседали три прокурора, которые же выполняли и роль судей. Здесь «пытали верёвкой». К высокому потолку была прикреплена толстая верёвка, которой связывали за спиной руки обвиняемого. По указу судей, если обвиняемый не хотел сотрудничать со следствием и признаваться, палач приступал к работе. Под скрип шестерёнок лебёдки человек со связанными за спиной руками отрывался от пола, а судьи продолжали допрос. Могу себе представить вопли, оглашавшие этот зал. (А в соседних залах, тем временем, заседало правительство республики, принимая важные решения о мире, войне и торговых сделках.) В Зале Правосудия во время пыток обязательно находился врач (вот они, проблески гуманизма!). Врач решал, или подозреваемый ещё держится и можно пытаться дальше, или его руки уже поломаны, сухожилия порваны и вот-вот разорвётся его грудная клетка. Тогда допрос прекращали. На время. Или уносили труп.

— Вот бы путина сюда на допрос, — мечтательно промолвила Лана. — Впрочем, нет, он даже войти сюда недостоин. Его нужно сразу пристрелить, как бешеную собаку.

А Лео подошёл к свисавшему с потолка канату. Заведя руки за спину, схватил его конец и попросил сына сделать снимок. Марк навёл на отца свой мобильник и нажал кнопку.

— Ну-ка покажи, — попросил Лео. Увидел на экранчике себя «перед началом допроса», с искривлённым от ужаса лицом.

— Последний интересный факт: здесь, во Дворце Дожей, судили знаменитого соблазнителя женщин — Джакомо Казанову, — радостным голосом сообщила гид. — Здесь его приговорили за мошенничество к пяти годам заключения. Казанова совершил отсюда побег, один из самых фантастических по изобретательности тюремных побегов, единственный за всю историю существования этой тюрьмы. Гениальный человек гениален во всём — и как совращать женщин, и как бежать из тюрьмы. Остальные преступники, как вы догадываетесь, покидали это здание в горизонтальном положении. Пройдёмте в одиночную камеру, где он сидел, и я вам расскажу подробности этой истории, — сказала гид, и группа туристов последовала за ней.

Закат

Это не так просто: спуститься к воде по каменным ступенькам набережной, чтобы изучить, что происходит в тонком слое мха и есть ли движение какой-либо живности в прилипших к камням ракушках. Нужно осторожно опустить руку в воду и медленно вести ладонью по камню, где только что проскочило некое мелкое морское существо. Цап! — и в твоём кулаке шустрый крабик, который через минуту будет нацеплен на крючок и уже в качестве наживки заброшен обратно в воду.

Изобретательность Марка в области рыбной ловли не знала пределов: к какому бы берегу они ни подошли, на каком бы море или океане ни очутились, через короткое время, глядишь — Марк уже стоит со спиннингом или самодельной удочкой и что-то ловит. По мнению Лео, Марк — парнишка простецкий, без творческой фантазии и инициативы, но, когда дело касается рыбалки, проявляет чудеса.

В последний раз за границей Марк ловил рыбу здесь же, на Адриатике, ровно год назад, тоже на острове — Локрум (неподалёку от Дубровника в Хорватии). Тоже где-то раздобыл крючки, в щелях прибрежных скал «нацапал» крабов и сидел на камнях под палящим солнцем в ожидании клёва. Пляжницы из местных хорваток, пожалев ребёнка, ему ясно сказали — в этом месте рыбу

уже давно не ловят, за последние годы здесь никто ничего не поймал. Марк всё это хмуро выслушал и... продолжал ловить.

— Плётка! Плётка! — закричала одна из пляжниц-хорваток, увидев, как Марк вытащил на камни рыбу, переливавшуюся серебром. Тут же собрался кружок прибежавших женщин — все почему-то были возбуждены этим событием и наперебой обучали Марка и его родителей, как «плётку» надо готовить и каким вином запивать.

Вот и сейчас, на побережье острова Лидо в Венецианской лагуне, несмотря на заверения местных итальянок, что рыбу здесь давно никто не ловит, Марк стоял, забросив в воду спиннинг. Ждал клёва, а заодно смотрел на закат.

Вдали ещё не исчезнувшее солнце, охваченное зыбким багровым нимбом, посылало миру прощальные лучи, отчего на воде возникала отражённая багровая полоса. А на противоположном берегу светился, вернее, плыл над водой прекрасный город Венеция, с его храмом Святого Марка, и Дворцом Дожей, и масками, и крылатыми львами, и карнавалами, и гондолами, и единственным сбежавшим из тюрьмы — на одной из таких гондол — Казановой.

— Красиво, — произнёс Лео после долгого молчания.

Он стоял неподалёку от сына, тоже наблюдая этот закат. (Лана, недолго постояв с ними, ушла в гостиницу. После солнечного удара она ещё чувствовала себя неважно.)

— Да, папа. Это самый красивый закат, какой я когда-либо наблюдал. О-о!!! — воскликнул Марк, потянув изогнувшийся спиннинг на себя. Его лицо стало серьёзным, сосредоточенным: — Сидит, красавчик...

Неспетая песня гондольера

Всё это время прощания с солнцем Лео слышал, как в его шортах часто возникает один и тот же знакомый звук — «ж-з-ж-з», кто-то присылал ему сообщения. Вероятнее всего, это вояка Олег сообщает о результатах прожитого дня. Когда день выдаётся удачным и их 155-миллиметровые снаряды «умогилили кучу кацапов», Олег необычайно рад, вернее, не рад, а как-то глубоко удовлетворён, даже, не побоюсь сказать, «по-христиански умиротворён». Он благодарит Бога, что Тот подарил ему такой прекрасный день. Значит, зла на земле стало меньше. Олег не убивает людей, он уничтожает зло. «Запомни, друже: если кто-нибудь тебе скажет, что военные на фронте испытывают жалость и сочувствие к врагам, что их порой одолевает чувство сострадания, то это полный бред и враки. Военный на фронте испытывает христианское чувство подлинного смирения только тогда, когда убивает врагов больше, чем обычно. Так это работает».

Оставив сына ловить рыбу, Лео побрёл вдоль набережной, всё ещё не в силах оторвать взор от города вдаль, залитого мистическим светом.

Наконец, достав мобильник, посмотрел на полученные последние сообщения. Лана в Мессенджере: «Чувствую себя больной и разбитой. Взяла две таблетки тайленола и иду спать. Если поймаете рыбу, пожалуйста,

не приносите её в номер, отдайте котам или кому угодно». Далее — университетский друг из Киева: «Привет. У Игоря с Ольгой сына загребли на фронт. ТЦК схватили пацана средь бела дня на автовокзале и уволокли. Позвони Игорю, когда будет время, он тебе расскажет подробности». В «Вотсап» — вояка Олег, из-под Сум:

*«Сегодня у нас целый день дождь. Туман. Хорошо, что в такую погоду дроны не висят над головой. Но сегодня мы не убили ни одного кацапа. День прожит зря. Печалька».**

Лео спрятал телефон в карман, собравшись идти в номер отеля.

«Ж-з-ж-з...» снова зажужжало в шортах.

Что?!

«Дорогой Лео. Как у тебя дела в Италии? Мои планы изменились. Я неожиданно очутилась в Венеции. Я здесь одна. Немного тоскливо. Моему мужу пришлось уехать в Рим на деловую встречу. Ты сейчас занят?»

Оленка-Джен! Сейчас в Венеции! Одна.

«Привет, Оленка. Хочешь, я приеду? Отсюда на катере двадцать минут».

Она тут же ответила, выслав адрес:

«Святого Ангела, 166».

Только очутившись на катере-такси, Лео задумался о том, как же найдёт нужную улицу — поздним вечером, в Венеции? Там и днём-то ни черта не разобраться в расположении тех улиц, изрезанных каналами. Одна надежда на GPS, лишь бы не было проблем со связью. Его американский провайдер связи работал здесь из рук вон плохо.

* Письмо было написано по-украински. Вся переписка Лео с Олегом велась на украинском языке, а с Джен — на английском (прим. авт.).

Сойдя с катера и очутившись на площади Святого Марка, Лео стал нервно нажимать на иконки мобильного в надежде, что телефон «схватит сигнал». Однако контакта не было.

— Синьору нужно куда-то идёт? — неожиданно спросил его на ломанном русском подошедший молодой худощавый мужчина лет двадцати пяти. Мужчина был в тёмном костюме и чёрной широкополой шляпе с золотистой бляхой.

— *Yes. Si.* Да, — ответил Лео на трёх языках. Он показал незнакомцу экран мобильного, где в последнем сообщении от Джен был указан адрес.

— А-а, понятно. Но проблема. Я могу тебя довозить.

— Ты отведёшь меня туда? — спросил Лео медленно, едва ли не по слогам. И, чтобы избежать возможной ошибки в коммуникации, изобразил для наглядности двумя пальцами идущие ноги.

— Но. Я тебя везти, — ответил незнакомец, изобразив ладонью плавное движение вперёд.

— Отвезти? Но как? На машине? Здесь же в городе нет машин.

— Иди за мной, — улыбнувшись, незнакомец направился к причалу, где на волнах покачивались гондолы.

— Сколько? — спросил Лео.

— Двести доллар.

— Двести долларов? Грабёж!

— Там, на углу, возле Дворца Дожей, банкомат, можешь там снять деньги, — невозмутимо сообщил незнакомец.

— А-а, чёрт с тобой, разбойник! — махнув рукой, Лео пошёл к банкомату.

...Это было неповторимое путешествие. Мелодично поскрипывало весло, после каждого движения руки гон-

дольера лодку слегка наклоняло то в одну, то в другую сторону. Днём многочисленные гондолы с туристами создавали повсюду заторы, зато сейчас, ночью, каналы были пусты и безмолвны. Гондольер правил лодкой, тихо напевая себе под нос какую-то песню на итальянском.

Лео чувствовал себя Петраркой на пути к Лауре. Голова его стала кружиться от запаха воды, мха, камней, насчитывавших сотни, а то и тысячи лет. Привязанные возле домов моторные лодки, арки мостов, тишина, прерываемая редкими вскриками чаек, запах домов, запах старой родной Европы проникал в его естество, пробуждая в нём, вернее, возрождая в нём Лео-европейца, о котором он давно забыл, живя в Штатах...

— Синьор откуда родом? — спросил гондольер.

— Из Украины. Но давно живу в Нью-Йорке.

— Значит, у тебя куча денег. Я тебе завидую, что ты живёшь в Америке.

— Откуда ты знаешь русский язык?

— Выучил от руски турист. Когда-то их сюда много ездил. Сейчас из-за войны их здесь почти нет.

— И слава богу.

Гондольер оказался хорошим рассказчиком и был знаком с историей города, знал, какие вопросы часто задают туристы и что их интересует. Конечно же, о чуме.

Смешивая языки, он рассказал Лео, как сотни лет назад, во время чумы здесь «валялись трупы по всему городу». Монахи-санитары подбирали их и свозили на набережную, где их сваливали в огромную кучу и после молебна сжигали. А потом, когда эпидемия заканчивалась, город быстро «выздоровливал», стряхивал с себя траур пережитых страданий и снова погружался в карнавал.

— Во время недавнего ковида у нас тут тоже было весело, правда, до того, чтобы сжигать трупы на набе-

режной, не дошло... А хочешь, спою тебе известную баркаролу? Если твой синьора услышит, она тебя будет любить ровно десять лет, гарантирую.

— А что будет через десять лет?

— Приедешь ко мне опять, и я тебя опять отвезу к синьоре под баркаролу. Сто евро за песню — и синьора твоя.

— Синьора будет моей и без знаменитой баркаролы.

— Но, бро. Мы так не договаривались. Я должен спеть баркаролу. И ещё ты должен купить мой шляпа, — мужчина снял с головы свою шляпу с золотистой бляхой. Посмотрел на неё, словно оценивая её стоимость. — Двести евро. Это очень хороший шляп моего деда, он тоже был гондольер. Плюс сто бакс за песня. Итого триста баксов, синьор, — одним движением весла он остановил лодку.

Лео сидел на широкой скамейке. А гондольер стоял перед ним. Как большинство венецианских гондольеров, он был хорошего сложения и мускулист, так как их работа требует немалых физических нагрузок.

«Вот они — настоящие венецианцы, достойные потомки своих предков. Не зря о них слывёт такая дурная слава — работать не хотят и не умеют, живут только за счёт обмана туристов. Ещё и грабители».

Лео медленно поднялся, но тут же понял, что совершил ошибку, — его рвануло в сторону от резкого движения весла в воде. С трудом удержавшись на ногах, он присел на корточки, ухватившись за борт.

Гондола находилась в центре мирно спавшего канала, почти все окна домов были погашены. Держась одной рукой за край лодки, Лео снова осторожно поднялся.

Они стояли друг напротив друга, как два петуха перед боем. Правда, Лео был в менее выгодном положении, так как у этого мерзавца было увесистое весло в руках.

— Лео! Эй! — неожиданно раздался женский голос откуда-то.

Лео не верил ни своим глазам, ни ушам. В одном из домов на втором этаже зажглось окно, из него выглянула женщина, закутанная в чёрную ткань. Женщина была в чёрной маске с длинным пером. Луна и фонари отражались в блёстках маски, колыхалось длинное перо, придавая женщине облик чёрного ангела. Но он сразу узнал её.

— Джен! — воскликнул Лео, сделав в её сторону неловкое движение, и перед тем, как выпасть за борт... проснулся.

До конца ещё не понимая, спит ли он или же это явь, он подёргал себя за мочку уха. «Нет, уже не сплю». Посмотрев по сторонам, он сразу узнал место и восстановил в памяти всю цепочку событий, как, оставив Марка на набережной ловить рыбу, поехал в морском такси и гулял по ночной Венеции. «Причалил» в этом ночном ресторане, стены которого были украшены масками, картинами гондол и карнавальных сценок. Пил вино и, слушая музыку, вздремнул.

Рассчитавшись с официантом, он вышел на набережную, чтобы ехать обратно. Уже светало. Гондольеры на причале готовили лодки к новому рабочему дню. Подойдя к ним, Лео любопытствовал, далеко ли отсюда улица Святого Ангела, дом 166.

— Такой улицы в нашем городе нет. Есть мост Святого Ангела, но это не в Венеции, а в Риме, — ответили ему.

Он сделал несколько фотографий с гондольерами на фоне лодок и отправил их Джен.

Часть вторая
ФЛОРЕНЦИЯ

Чёрный сом в водах Арно

— **С**овершенно с вами согласна. Конечно, я люблю Америку. Я родилась и выросла в Нэшвилле, училась в коллеже в Чикаго, работала в Лос-Анджелесе и в Нью-Йорке, словом, хорошо знаю всю страну, включая самые опасные районы. Америка — моя страна, но Италия... Это что-то другое, это... — Джен наморщила лоб и скорчила гримасу, пытаясь объяснить присутствующим, да и себе самой, что значит для неё Италия. — Я здесь уже не в первый раз, и в каждый свой приезд влюбляюсь в эту страну всё больше. Италия — моя слабость. Я давно мечтаю иметь здесь собственную квартиру. Не в Риме, а где-нибудь в Тоскане, чтобы близко и от Флоренции, и от моря. Где бы меня никто из местных не знал, не дёргал, и я бы могла хоть на время побыть наедине с собой. Собственно, это и есть главная причина нашего приезда в Италию в этот раз. Муж сначала возражал, считая это желание моим очередным сумасбродством. Он обычный американец — во всём ищет только выгоду. *Жльоб*, — произнесла она медленно и не без труда это слово, как ни странно, употребив его весьма удачно в данном контексте. — Всё-таки я его дожала, и он согласился. Хотите, дам вам телефон агентства по недвижимости в одном милом городке Тосканы? — обратилась она к Лане. — Я с ними уже связалась и соби-

раюсь туда поехать через пару дней, посмотреть, что они предложат.

— Не знаю, зачем мне?

— Не скажите. Может, сегодня не нужно, а завтра вдруг понадобится.

— Хорошо, давайте, — согласилась Лана.

— А в Венеции не хотите? — спросил Лео, хитровато прищурившись.

— В Венеции? — уголки губ Джен дрогнули. — Я никогда не была в Венеции, ни разу туда не доехала. Правда, могу легко представить себя там: в маске, встречаю ночью своего любимого, который едет ко мне в гондоле... — она знала, что Лео здесь был единственным, кто понимал подлинный смысл её слов. — Всё это, конечно, очень романтично. Венеция — город любви. Но стоит мне очутиться во Флоренции, как я теряю голову и уже никуда не хочу отсюда уезжать. Флоренция — город искусства. Вероятно, для меня искусство выше любви, — она перевела взгляд на Лану, сидевшую за столиком напротив неё. — А для вас?

— Для меня точно так же: нет на земле города, прекрасней Флоренции. Я уже несколько лет подряд читаю всё, связанное с Флоренцией эпохи Возрождения, особенно про семью Медичи. Чем больше узнаю об этом городе, о его нравах, об истории семьи Медичи, тем сильнее мой интерес к ней.

Лана стала рассказывать о Медичи, как этот семейный клан едва ли не со дна (основатель был обычным денежным менялой) поднялся и построил настоящую финансовую империю, фактически став одной из самых влиятельных фигур на политической и финансовой карте Европы. Увлёкшись своим рассказом, Лана незаметно переключилась на историю какого-то очередного тёмно-

го убийства членов другой олигархической семьи в замке мэрии, об отравлении какого-то отца, о повешении чьих-то двух сыновей, снова отравлении и отрезании рук, о побеге из тюремного подвала, короче, подробности рутинной жизни олигархов во Флоренции Возрождения, где обязательным порядком участвовал и Папа Римский, и французский король. Лану эти кровожадные истории почему-то волновали и вдохновляли, женщина чрезвычайно добрая, она, простите за грубость, *тащи-лась* от этой грызни за власть и деньги.

— В общем, дело ясное, что дело тёмное, — резюмировал Лео, перебив жену.

Он видел, что Джен уже только делает вид, что ей это интересно, а на самом деле ждёт не дождётся, когда же Лана закончит.

— Где же Билл? Сказал, что немного задерживается. Уже подают блюда, а его всё нет. Нет, звонить я ему не буду. *И чорт с ним, нам больше достанется.*

На Джен был лёгкий синий сарафан, без рукавов и с вырезом, открывавшим её загорелую грудь. Она часто поправляла свои коротко подстриженные каштановые волосы с кудряшками и одаривала своих новых знакомых за столом приветливым взглядом.

Именно она, а не кто иной, устроила сегодня эту встречу, написав Лео на «Вотсап», что она с мужем сейчас во Флоренции, планируют здесь оставаться ещё неделю, но в следующие дни их график будет чрезвычайно загруженным. Поэтому если они — Лео с Ланой — не возражают, можно где-нибудь сегодня пересечься на часик-другой, посидеть в ресторане и поближе познакомиться.

Лана, по правде говоря, не горела большим желанием встречаться с незнакомой, пусть даже и амери-

канской, журналисткой. И по-своему была права: чем сидеть с этой говорливой дамочкой, Лана лучше бы ходила по великолепному городу, где на каждой улице жили гении: Джотто, Донателло, Перуджио. Одни имена чего стоят! Имена Микеланджело, Рафаэля и Леонардо да Винчи она вообще старается не произносить всуе, как имена святых. Но Лео всё-таки настоял на встрече, уверяя, что это будет полезно и интересно для всех.

Наконец принесли их заказ: пиццу, пасту, прошутто.

— Пиздец как вкусно, — сказала Джен с детской непосредственностью, вылив из стеклянного чайника в блюдечко оливковое масло. Затем высыпала в то же блюдечко соль и из другого чайничка вылила туда же какую-то чёрную пахучую жидкость, которая растеклась в оливковом масле причудливой формой. — Теперь сюда нужно макать хлеб. Попробуй, это пиздец как вкусно, — предложила она Марку, и Марк послушал её совета.

Уж кто точно не жалел об этой встрече, так это Марк. Сейчас, в присутствии этой женщины, папа не ограничивал его в заказе блюд, не делал из Марка римского солдата и не смотрел недовольно на цены. Напротив, широким жестом папа передал сыну меню: «Выбирай, что хочешь, сынок», — причём сказал так буднично, так обыденно, будто бы делал так всегда.

Марк, понятно, *оторвался* по-настоящему, он чувствовал, что за пять дней, которые они уже провели в Италии, когда из него здесь стали делать легионера Юлия Цезаря, он похудел на пару килограммов, даже мышцы на плечах немного сдулись, не говоря о том, что мысль о еде теперь постоянно присутствует в его сознании. Особенно здесь, во Флоренции, где в каждой витрине ресторана, как назло, лежит на гриле или свисает на крюках золотистое свиное мясо, а с флагов с гербами,

блях и гипсовых барельефов на зданиях на тебя смотрит продолговатое кабанье рыло. Это мясо в любом виде — копчёном, жареном, тушёном — можно есть не переставая, это флорентийское мясо имеет странное свойство: его мало, даже когда очень много. Поэтому Марк всё это время, с момента, когда принесли заказ, находился на седьмом небе, работая челюстями, слыша ангельское пение и весёлое хрюканье, что даже проглоченная им свинья вырезка никоим образом не повлияла на его пребывание на небесах при значительном утяжелении его тела.

— Нет, друг, с таким аппетитом римский солдат из тебя не получится, — пошутил Лео, наблюдая, как Марк перегружает себе из принесённой официантом доски новые груды прошутто разных сортов. — Ты же не сможешь воевать за Цезаря, ты же просто не сможешь взобраться на коня.

— Ты уже идёшь в колледж? — спросила у Марка Джен.

— Да.

— На кого будешь учиться?

— На адвоката.

— Молодец. Наверное, торгуешь акциями на бирже онлайн? Сейчас все торгуют акциями. Мой муж тоже. Честно сказать, во многом благодаря его торговле акциями на бирже мы можем себе позволить так свободно жить. Тебе, Марк, нужно будет обязательно познакомиться с моим Биллом, он тебе расскажет, какие акции покупать, чтобы быстро разбогатеть, — сказала она. Подняв подбородок, снова провела ладонью по груди, будто бы смахнув с неё крошку. Взглянула на свой мобильник, лежавший перед ней, который весёлым теньканьем сообщил о полученном новом сообщении. — Ну

вот, я так и знала, Билл извиняется, что прийти не может. Босс требует его присутствия на другой зум-бизнес-встрече. Мне очень неудобно перед вами. Вы, наверное, уже хотите закончить наш пир и отправиться гулять по городу?

Лана мгновенно кивнула. А Марк пожал плечами. Ему хотелось уесть ещё хороший кусок копчёного мяса, застраховать себя от голода на несколько следующих дней. А ещё он рассчитывал, что эта женщина даст ему телефон её мужа, крутого специалиста в биржевой торговле.

— Зачем нам уходить? Мы можем посидеть ещё немного. Раздавить ещё бутылочку вина, — неожиданно предложил Лео, взглянув на Джен, которая уже сняла со спинки стула свою сумочку и, раскрыв её, стала там что-то искать — косметичку или портмоне.

— Вы хотите ещё немного посидеть? — спросила она, взглянув на Лео, и в её глазах вспыхнули огоньки. — Лично я не против. В таком случае, какое вино будем пить? — закинув ногу за ногу, она взяла в руки меню с напитками.

Вообще, такая подвижность её тела, мягкие движения, изгибы, наклоны притягивали к себе взор Лео с такой силой, что он едва справлялся с собой, чтобы переводить свой взгляд, хоть ненадолго, на что-то другое, хотя бы для вида.

— Предлагаю красное полусладкое. А можно и что-то покрепче, скажем, граппу, — предложил Лео.

— Нет, не согласна, — возразила Джен. — Виноградную водку итальянцы пьют на закуску перед тем, как закончить застолье. А я предлагаю... я предлагаю... Просекко! Итальянцы называют просекко вином любви. Лана, ты согласна с нашим выбором?

— Мне без разницы, — ответила Лана ледяным голосом. Она уже ненавидела эту сидевшую перед ней женщину до глубины души.

— Иди куда хочешь, хоть к своим Медичи, хоть к Рафаэлю — хоть наложницей, хоть натурщицей, мне всё равно! А я пойду в гостиницу. Я хочу принять душ и полежать. Или ты собираешься целый день таскаться по этому душному городу, где куча народа, толкотня, давка, кругом эти вонючие арабы, которые на каждом шагу суют тебе в рожу зонтики и воду, они меня просто *задолбали!* Или наш сын опять проголодался и хочет сожрать ещё одну свинью? — Лео гневно посмотрел на Лану и на сына и, больше не говоря ни слова, пошёл вдоль набережной.

Он был пьян, его всё вокруг раздражало.

Пройдя некоторое расстояние, он оглянулся. Увидел, что Лана и Марк остались далеко позади, что они не идут за ним, а стоят посреди улицы. Лео достал из кармана мобильник и, найдя имя Джен, написал по-русски английскими буквами:

«Ja hotchy tebya trahnyt».

Тут же получил ответ:

«Да! Да! Да! Немного подожди, мой гондольер. Я скоро сама тебе позвоню».

Потом вдогонку от неё другое сообщение.

«Ты рассказал своему другу на фронте обо мне? Пришли мне его адрес в „Вотсап“ и его фотографию. Мне уже пора готовиться ко встрече с ним».

Лео на миг остановился. Что-то его насторожило в её ответе — такие просьбы и такая лёгкая готовность отдаться ему, почти незнакомому мужчине, всё-таки вызвали некоторое подозрение.

Он подошёл к парапету на высоком холме над Арно. Посмотрел на переброшенные через реку мосты, на дома, построенные на самом берегу и поддерживаемые специальными бетонными подпорками. Трудно представить, что когда-то эта река выходила из берегов, затапливая город, на холмах гремели батареи пушек, здесь проходили настоящие водные сражения, тонули корабли, и убитые моряки шли на дно кормить рыб...

«Может, мы с ней были знакомы в прошлой жизни, в минувшие времена. Я в такое верю. Может, в эпоху Возрождения, она была дочерью какого-то уважаемого вельможи, или обычной проституткой, или ведьмой? Или занималась шпионажем, собирая секретные данные... — он на миг прикрыл глаза. — Я читал несколько её статей в *US Today* про войну в Украине — неплохие статьи. А-а, какая разница, кто она! Главное, что она будет моей».

Лео скопировал в телефоне фотографию своего приятеля Олега, несколько его видеороликов с фронта и всё отправил Джен.

Оставшись вдвоём с мамой, Марк досадливо вздохнул. Во время этой поездки с родителями что-то случилось. Правда, и в Нью-Йорке в последнее время они тоже жили не дружно и не замечали этого. Или делали вид, что не замечают. Но дома, по крайней мере, они так часто не спорили и не ругались, как здесь. Папа начал много пить. Вот-вот — и всё вообще пойдёт вразнос.

— Пойдём на мост? — предложила Лана.

Марк бросил последний взгляд вдаль, где возле каменного бордюра стоял отец. Марк ещё надеялся, что

папа там подождёт их. Но, увы, сделав несколько видových снимков, отец спрятал в карман мобильник и пошёл дальше, вскоре его фигура вовсе исчезла в толпе.

Они с мамой шли по мосту через Арно.

— Смотри, сом! — воскликнул Марк, указывая рукой куда-то вниз.

— Где? Не вижу.

— Вот там, возле островка с кустами. Неужели не видишь?!

— А, да, — ответила Лана, прищурившись.

Неподалёку от берега, у самой поверхности воды плыла, извиваясь длинным гибким телом, крупная чёрная рыба. Вдруг её хребет выглянул из воды, затем рыба резко ударила хвостом и скрылась под корягой. Мелкие волны от неё разошлись и вскоре успокоились.

А на соседней отмели возле куста замерла изящная серая цапля, как флорентийская принцесса. Подкарауливала лягушек.

— Марчик, откуда ты знаешь, что то был сом? Ведь отсюда, с моста, до того места в воде большое расстояние.

Марк пожал плечами. Он не знал, как объяснить маме очевидное — то был сом. Очевидное объяснить труднее всего.

— Не жалеешь, что поехал с нами? — спросила Лана, угадав его мысли.

— Да нет...

— Папа у нас немного нервный. Ему почему-то не нравится Флоренция.

Марк опасался, что мама сейчас начнёт ему рассказывать про Медичи. Но мама замолкла и погрустнела.

— Зато папе очень нравится та женщина, — сказал Марк тихо, но так, чтобы мама услышала.

— Какая женщина?

— Та, с которой мы сейчас сидели в ресторане.

— Ты так считаешь?

Марк уверенно кивнул.

Великий авантюрист

Посетили знаменитый Собор Святого Креста. Лео рассказывал сыну про покоившихся в тех саркофагах гениев.

А Лана следовала своим «маршрутом». Сама. Она всё ещё была обижена после вчерашнего, вернее, её захлёстывали волны ревности, гнева, тоски. Она не могла забыть и вчерашних слов Лео про «наложницу и натурщицу» — в этом Лана услышала скрытое оскорбление, прямой намёк Лео на её первое неудачное замужество, её первый муж был художником. Да, сейчас ей было больно. Лана делала всё, чтобы не выдавать этого. Но она предчувствовала, что если эти волны её накроют и в её сердце поднимется буря, тогда всем будет мало места...

После собора, гуляя по городу, вышли к «Золотому» мосту, где находились ювелирные магазины. В центре моста на высокой колонне был установлен бронзовый бюст какого-то бородатого мужчины с умным, мужественным лицом. От облика мужчины веяло внутренней силой и достоинством. Такие лица уже не встречаются в наше время, они принадлежат минувшей эпохе.

— Бенвенуто Челлини! Собственной персоной, — представил мужчину Лео.

Лана принялась рассказывать сыну:

— Этот человек был щедро наделён разными талантами. Он был и живописцем, и скульптором, и музыкантом. Но наиболее полно его талант проявился в ювелирном деле. Ему делали заказы и Папа Римский, и король Франции, и Медичи.

— Не забудь добавить, что ещё он был человеком необузданных страстей и редким авантюристом. Пил, дрался, путался со всякими тёмными личностями и сомнительными женщинами, надувал своих заказчиков на бриллиантах и дорогих металлах, интересовался чернокнижием и даже совершил убийство. Когда мы будем в Риме, сынок, я тебе покажу место на Цветочном рынке, где он совершил убийство, за что потом сидел в тюрьме. Обо всём этом он подробно рассказывает в своих мемуарах. Оторваться от этих мемуаров невозможно. Рекомендую почитать.

Рассказав сыну про ещё одного великого флорентийца, Лео и Лана пошли дальше. А Марк ненадолго остался — его словно притягивало к той скульптуре бородатого авантюриста. Ему вдруг почудилось, что мужчина... пристально смотрит на Марка и даже подмигнул ему!

«Приходи сегодня вечером в этот район, в бар „Персей“», — кто-то шепнул Марку в самое ухо по-английски с сильным итальянским акцентом.

Марк оглянулся по сторонам. Никого поблизости, кто бы мог ему сейчас это шепнуть, не обнаружил. «Почудилось ли мне это?»

Вечерело. На улицах ещё было шумно. На площади перед кафедральным собором началось выступление певцов, исполнявших известные оперные арии. Однако напряжение, пульсация, энергетика уже заметно шли на

спад, и по мере наступления темноты народу на улицах становилось всё меньше, шум и гам стихали.

Но в засыпавшем городе были места, где жизнь всё так же пульсировала, вернее, веселье только начиналось.

...Очутившись в отеле вместе с родителями, Марк приял душ, перекусил и взял лэптоп.

— Марчик, устал? — спросила Лана. — Отдыхай. Если сможешь, посмотри, не появилось ли расписание классов в колледже.

— Именно это я и собирался сделать, — Марк исчез в своей комнате.

С этой минуты время для него пошло совсем по-другому. Поначалу время едва ползло, пока родители в гостиной о чём-то разговаривали, а Марк лежал в кровати с полузакрытыми глазами в приятной полудрёме. Время зашевелилось после того, как родители ушли в свою спальню. Оттуда недолго до него долетали их голоса, кажется, они опять спорили. Марк дождался, когда голоса родителей смолкли, затем там погасли их настольные лампы.

К этому времени он уже был одет, как настоящий синьор: в стильных джинсах с дырками на коленях и футболке с надписью «Guns N' Roses». Волосы расчёсаны и умащены гелем, подмышки смазаны дезодорантом, шея обильно увлажнена одеколоном. Напоследок он бросил на себя взгляд в зеркало. «Крас-савчик». И бесшумно покинул номер.

Бар «Персей». Марк обратил внимание на этот бар ещё днём, когда проходили здесь с родителями: у входа в тот бар стояла копия знаменитой бронзовой скульптуры Челлини «Персей с головой Медузы».

В ночном баре всё было так, как и ожидало измученное сердце Марка: ведь родители положили на ребёнка

тяжёлые вериги послушания, и бедолаге Марчику довелось всё время поездки играть роль «пай-мальчика». Зато сейчас в баре он мог получить всё, чего желал нормальный американский подросток восемнадцати лет. А именно: пиво, аперитив, граппу. Мог послушать музыку и по-человечески *оттянуться*. По-человечески. Ведь он уже не ребёнок, чёрт возьми. Через два месяца идёт в колледж. У него уже с прошлого года растут волосы на лице, и по возвращении в Нью-Йорк он собирается отпустить усы и бородку. Ещё больше подкачать мышцы в фитнес-клубе. Деньги он уже зарабатывает: подрабатывает в ресторане официантом, а ещё торгует акциями на бирже, имеет свой банковский счёт и кредитную карточку. Водит машину (пока родительскую). Занимался любовью с Джуди, когда они встречались несколько месяцев и пока она, дрянь эдакая, его не бросила. Иногда покуривает травку с приятелями. В общем, живёт. А родители: «Сю-сю-сю. Марчик, Мусик. Мур-мур. Ты не голодный? Ты не устал? Ты сделал уроки?»

...Под грохот рока Марк допивал третий бокал спирта. На его сердце медленно снисходила благодать. Несмотря на расслабленность, Марк внимательно следил за всем, что происходило вокруг.

Он уже стал догадываться, что таинственный мужской голос на мосту неслучайно посоветовал ему прийти в этот бар. Имелись все признаки того, что ему сейчас пойдёт фарт, и вот почему: трое пацанов в баре, сверстники Марка, подошли поочередно к бармену, пытаются купить себе какой-то алкоголь. Но бармен сперва взял у каждого удостоверение личности и, проведя это удостоверение через специальный электронный детектор, возвратил подделки их владельцам, при этом сделав рукой красноречивый жест «No».

Пацаны по одному разочарованно отошли от стойки, но бар не покидали. Сидели, шныряя глазами вокруг, кто бы из присутствующих их выручил. Наконец один из них остановил свой взгляд на Марке, сидевшем за столиком неподалёку. Их многозначительные перемигивания и вращения глаз в сторону стойки бара служили для переговоров лучше всяких слов. Теперь, когда намерения сторон стали понятны, оставалось утрясти финансовые вопросы. Усевшись тесным кружком вокруг Марка, хлопцы быстро познакомились. Все трое — итальянцы, двое из Флоренции, а третий — из Пизы, то ли их приятель, то ли его родители приятели родителей этих ребят. Как бы то ни было, сейчас они все втроём здесь в баре, и всё было бы хорошо, если бы не одна проблема — им по семнадцать лет, а в баре алкоголь отпускают только с восемнадцати. Марк заказывает себе алкогольные напитки, значит, проблем с возрастом не имеет.

— Американи, помоги, — обратились они к Марку (ребята, узнав, что Марк из Америки, сразу прозвали его «Американи».)

— Окей, — ответил Марк. — Но за каждый купленный дринк вы мне будете платить три евро, в качестве посреднических, — выдвинул он условие.

Переглянувшись, ребята о чём-то переговорили между собой на итальянском. Один из них владел английским хорошо, второй — средне, а третий — совсем плохо. Тот, который был «полиглотом», объяснил своим приятелям условие Марка, и они обсудили это предложение.

— Мы согласны по два евро за дринк, — выдвинули они встречное предложение.

— Нет, гайз, ниже трёх не будет. Мы не на базаре, а я не *fucking* араб, торгующий на улице китайскими зонтиками. Давайте работать серьёзно, — добавил он для со-

лидности, интуитивно ощущая своё превосходство в опыте жизни и финансовых делах перед этими «мальками».

Ребята снова стали громко переговариваться между собой на итальянском. Марк тем временем потягивал через трубочку холодный аперитив с таким видом, будто разговор этих ребят не имеет к нему ни малейшего отношения. Как биржевик, несколько раз удачно перепродавший биржевые акции, он уже знал, что в бизнесе нельзя спешить, нужно иметь выдержку, сохраняя железное спокойствие даже при самом сильном сердцебиении.

Итальянские пацаны сделали ещё несколько попыток снизить цену, но когда неуступчивый Марк невзначай взглянул на часы, будто собираясь скоро уходить по делам бизнеса, ребята поняли, что пора соглашаться.

— Как вы мне будете платить? Кэш? — спросил Марк, почувствовав, что в карманах его джинсов образовалось свободное пространство для денег.

«Сегодня я заработаю на этих малолетках... думаю, долларов сорок, а то и все пятьдесят. Всё зависит от того, сколько они смогут выпить. А деньги мне понадобятся позарез и очень скоро».

Дело в том, что сегодня утром Марк получил из Нью-Йорка письмо от своей бывшей одноклассницы Николь. Она писала, что бросила Стива, и спрашивала, нравится ли Марку в Италии. Как бы между делом сообщила, что в августе она никуда не уезжает и будет целый месяц в Нью-Йорке. В общем, письмо было многообещающим, Николь — девушка «не за рубль сорок» (так говорит мама), и Марк понимал, что для предстоящего романа с Николь он должен быть в отличной финансовой форме.

...Прошёл ровно час. Все четверо — «Американи» и трое итальянских «мальков» — ещё сидели в том баре, пили пиво, заедая оливками. Марк получал от них деньги

за посреднические услуги, исправно ходил к стойке бара, заказывая у бармена новые «дринки». Бармен делал вид, что не замечает «бутлегерской» деятельности Марка, ему было всё равно, ведь формально всё было по закону. К тому же Марк, уже и сам хорошо окосевший, с каждым заказом оставлял бармену щедрые чаевые, порой даже не обращая внимания, что чаевые превышают выручку.

— Гайз, вы случайно не знаете место, где можно купить хорошую траву? — обратился Марк к своим новым приятелям.

Все уже были хорошо *поддатыми*, поэтому понимали друг друга с полуслова, независимо от языка. Ребята стали размахивать руками, называли какие-то названия улиц и до того расшумелись, что Марк — на правах старшего — призвал их к порядку, по-командирски приложив указательный палец к своим губам:

— Ш-ш-ш!

Ребята, какими бы пьяными ни были, утихли, чувствуя за Марком силу и власть командира.

— На улице Данте! Там в одном ресторане официант продаёт траву, очень крутая трава.

— Тогда погнали к Данте.

— У меня уже нет денег, — признался один из парней, высунав из кармана купюру в пять евро. — Это последнее.

— Не переживай, брат. Я позабочусь о деньгах, — заверил его Марк.

Потом они курили траву, действительно купленную у официанта в ресторане на улице Данте. Потом опять пили пиво в другом баре. Марк уже потратил все имевшиеся у него наличные деньги и стал расплачиваться кредитной карточкой.

«Какие чудесные люди — итальянцы. Какие умные и смелые, настоящие древнеримские солдаты, с такими

можно идти в любой бой». Понятно, Марк уже успел пригласить всех троих в Нью-Йорк, где он возьмёт их на рыбалку, поведёт на Уолл-Стрит и на концерт «Guns N' Roses», сейчас среди американской молодёжи это самая популярная группа, и, конечно, устроит им прогулку по ночным барам «столицы мира».

— Пацаны, а погнали на вокзал, — предложил один из парней, понизив голос.

— Зачем на вокзал? Ты что, пьяный?

— Там у сонных пассажиров можно легко украсть сумку или портмоне.

— Гениальная идея! На вокзал!

— Ш-ш-ш! — Марк снова приложил указательный палец к своим губам, оглядывая свою банду.

После травы, смешанной с алкоголем, его сознание стало, можно сказать, просветлённым, мир вокруг заиграл новыми красками, раскрывая свои до сих пор закрытые двери.

И вот юные грабители пошли на вокзал. Миновали Собор Санта-Мария-дель-Фьоре, возле которого стоял патруль вооружённых карабинеров рядом с военным джипом.

«Какие в Италии красивые и крепкие полицейские — поджарые, подтянутые. На фоне этих красавчиков копы Нью-Йорка напоминают раскормленных свиней». Марк поделился этим своим наблюдением с новыми друзьями, и все расхохотались.

Карабинеры-красавчики молча поводили взглядом стайку весёлых подростков, пока те проходили мимо них через площадь и свернули на улицу, ведущую к вокзалу.

Вид карабинеров вместо того, чтобы призвать к осторожности и законопослушанию, вызвал в душе (пьяной

голове) Марка противоположную реакцию. «Я подарю Николь золотые серёжки с алмазами. Она тогда влюбится в меня по уши. Синьор Бенвенуто Челлини сейчас понял бы меня как никто другой».

— Стоп! — неожиданно произнёс Марк, и все послушно остановились. — Мы не пойдём на вокзал. Если уж рисковать, то нужно поднять ставки, — Марк выразительно поднял над головой руку с распрямлённой ладонью. — Мы должны поднять ставки. Поняли?

— Ты о чём, Американки?

— Вы знаете «Золотой» мост? Там нас ждёт Бенвенуто Челлини, возле ювелирных магазинов. Мы проникнем в один из тех магазинов.

— Вот это идея! — поддержали его двое, которые тоже были очень пьяны, как и Марк.

Но третий, тот, кто потрезвее и поэтому потрусливее, что-то залепетал о видеокамерах и системе электронной охраны.

Марк бросил на паникёра суровый взгляд:

— Не переживай насчёт кодов и охраны. Я об этом позабочусь.

Он произнёс это с таким видом, что не оставалось ни малейших сомнений — этот парень знает, что делает. Супермен. Настоящий американец.

Лео проснулся и, поднявшись с кровати, пошёл в кухню. Во рту после вчерашнего спиритца и вина сильно сушило. Ему было хорошо знаком этот ненавистный «сушняк» — последние несколько лет, пока он практически не пил спиртного, он не просыпался с таким пересохшим ртом и неприятным запахом, исходившим откуда-то из желудка. За годы трезвости он успел забыть это состоя-

ние. И вот, пожалуйста, — стоило неделю попить вина, как всё стало возвращаться. «Перейти на виски, что ли?»

Выпив холодной воды из холодильника, пошёл обратно. На всякий случай приоткрыл дверь в комнату сына и... Подойдя к кровати, помял одеяло, накрывавшее одежду Марка и скомканное специально так, чтобы создать впечатление, будто под этим одеялом кто-то лежит.

«Где он? Половина четвёртого ночи».

Лео вернулся в прихожую, где Марк обычно оставлял свой спиннинг. Спиннинг стоял на своём месте в углу. Нахмурившись, Лео вошёл на цыпочках в комнату, где спала Лана. Взял свой мобильник и, выйдя на кухню, позвонил.

«Пожалуйста, оставьте своё сообщение после сигнала».

Написал ему: «Где ты??? Позвони мне немедленно!!! Возьми телефон, чёрт возьми!!!»

Однако, несмотря на количество вопросительных и восклицательных знаков, Марк не отзывался. «Надо идти его искать».

Лео ходил по улицам ночной Флоренции, этой спящей красавицы, охваченной сомнительным светом витрин и освещённых мостов, где всё так же, как и сотни лет назад, на площади возле Уффици на бронзовом коне скакал основатель великого рода Медичи — Козимо, где римские мужчины уже тысячу лет похищали сабинянок, а крепкий, стройный Персей триумфально держал за волосы только что отрубленную голову Медузы Горгоны. Помимо воли, Лео замечал красоты и мистику города, и эта его очарованность странным образом смешивалась в его душе с гневом на сына.

«Вот гад! Пошёл куда-то шататься, наверняка пить в бар. Ничего никому не сказал, думал, что никто не узнает. Конспиратор — ещё и положил под одеяло

вещи. Он скрытный, всегда себе на уме. Зато хорошо умеет притворяться паинькой. В тихом болоте».

В его душе поднялись давнишние отцовские недовольства и разочарования, даже злоба из-за того, что он не понимает сына, что они — как чужие. Когда-то после рождения Марка у них и с Ланой кардинально изменились отношения, — Лана просто помешалась на ребёнке. Но в те времена Лео крепко любил её, и только поэтому они не развелись...

Вдруг зазвонил его мобильник.

«Марк? Наконец-то. Ты где? Ну я тебе сейчас устрою, у-ух!» — едва не сорвалось с его языка ещё до того, как он достал телефон из кармана.

Однако на экранчике мобильного вместо имени сына высветилось название на итальянском, которое Лео даже не успел прочитать.

— Синьор Лев Корсун? Вы говорите по-итальянски? Английский? Окей. Это капитан Петросино, из участка полиции. Марк Корсун ваш сын?

— Да.

— Мы его арестовали за попытку ограбления ювелирного магазина. Вы можете сейчас к нам приехать?

Вскоре Лео был в полицейском участке, где на скамейке под стенкой сидел его Марк, а с ним трое каких-то подростков. Увидев отца, Марк вначале обрадовался, но вскоре сник и виновато опустил голову.

Как выяснилось, эти четверо попытались взломать секретные коды электронных замков в ювелирном магазине на «Золотом» мосту. Сработала система электронной защиты оповещения полиции, и юные преступники были благополучно арестованы.

Об этом сообщил офицер полиции в форме, пригласив в отдельную комнату Лео, а вместе с ним двух других

мужчин и двух женщин, которые выглядели не менее перепугано, чем Лео. Это были родители незадачливых взломщиков. Полицейский всё это объяснил сначала на итальянском — родителям ребят, а потом на английском — Лео. Полицейский был красив, плечист и очень строг. Родители ребят зашумели, одна из женщин с криками выбежала из комнаты. Сквозь приоткрытую дверь Лео видел, как женщина дала своему сыну пару оплеух и хорошенько потягала его за волосы. А отцы сохраняли завидное спокойствие. Задавали капитану полиции какие-то вопросы и, судя по всему, даже начали шутить, так как их разговор уже сопровождался редкими усмешками.

«Может, всё обойдётся? Может, его отпустят?»

Снова зазвонил его мобильник.

«Лана. Понятно, обнаружила, что ни мужа, ни сына в номере нет. Материнское сердце чувствует беду».

Лео отменил звонок и отключил в телефоне звук.

— Вставай. Завтра пойдёшь в церковь и поставишь свечку своему святому за то, что тебя, дурака, спас от тюрьмы.

Лео взял Марка за шкирки, а когда тот поднялся, толкнул его к выходу:

— Сколько ты выпил? От тебя разит, как от бочки с вином!

— Много.

Они пошли в гостиницу.

— Почему ты весь мокрый? — спросил он сына.

— Когда нас вели в участок, я попытался убежать. И мне это как будто удалось. Я сбежал по ступенькам набережной, хотел прыгнуть в воду и уплыть. Я знаю, там

ямы в реке, я видел там сомов. А сомы любят прятаться в глубоких ямах, где прохладно и темно.

Чуть сбавив шаг, Лео притормозил. Размахнулся и... вдруг врезал Марку кулаком по челюсти!

— Это тебе за сомов! И за ювелирный магазин! И за враньё!

От сильного неожиданного удара Марка рвануло в сторону, он едва устоял на ногах. Распрямившись, он метнул на отца дикий взгляд. Сжал кулаки. На пьяном раскрасневшемся лице задёргались желваки.

«Сатир, пьяный наглый сатир,— подумал Лео.— Пришибу его сейчас».

Так они стояли, казалось, вечность, друг напротив друга, сверкая глазами и гневно сопя, готовые ринуться один на другого, как два заклятых врага.

— Я тебя ненавижу, ненавижу с детства, ненавижу всю жизнь,— произнёс Марк. Затем показал отцу распрямлённый средний палец (*“fuck you”*) и, развернувшись, ушёл.

А Лео побрёл по улицам, уже без всякой цели. Снова очутился возле Арно. Облокотившись на край каменного бордюра, долго смотрел на уснувшую реку, над которой поднимался едва заметный предрассветный туман. На одном из островков в траве уже копошились утки. А чаек ещё видно не было, ещё спали где-то. Ни спортивных лодок, ни прогулочных кораблей. Тишина...

«Бам-м... Бам-м...» — над городом поплыл гул от ударов колокола.

И Лео не спеша направился в кафедральный собор Санта-Мария-дель-Фьоре (купол Брунеллески). Знаменитый храм уже был открыт, там служили мессу. На скамейках сидели немногочисленные прихожане, внимая словам священника. Лео сел на одну из скамеек, попы-

тался вслушаться в молитву. Но молитва была на латыни, и он не понял ни слова. Однако ему было хорошо здесь.

— *Pater noster, qui es in caelis, sanctificetur nomen tuum...* — вещал святой отец.

— *Nome-en tuu-um...* — повторяли за ним прихожане, и этому многоголосью вторило густое эхо.

— *Et ne nos inducas in tentationem, sed libera nos a malo...*

Бессонная ночь брала своё, и Лео прикрыл глаза. Припомнил, как когда-то давно, ещё в Киеве, с друзьями юности напились и пошли избивать прохожих «на районе». Такие у них были тогда забавы. В ту ночь они жестоко избили несколько невинных человек, одного ещё и ограбили, сняв у того дорогие часы и вытащив бумажник с деньгами. Всех под утро арестовали. На беду, ограбленный прохожий оказался шишкой в мэрии, поэтому за ограбление судья не поспешил на приговоры. Лео тоже участвовал в тех драках, но в ограблении (по случайности — «отошёл до ветру») участия не принимал. Он отделался лишь годом условно, а друзья получили большие сроки в тюрьмах. Потом Лео поступил и закончил университет, работал в прессе, а друзья вышли на волю законченными уголовниками. Они ещё кое-как общались, но между ними уже было мало общего, и со временем их связь окончательно оборвалась.

Сейчас в храме Лео то размышлял о превратностях судьбы, то слушал молитву. Неожиданно пришёл к простому выводу. «На заре своей туманной юности я был не меньшим, если не бóльшим шалопаем, чем мой Марк. Всё-таки зря я на него так набросился. Зря».

Часть третья
ТОСКАНА

Шторм

Волновалось, шумело Тирренское море. Волны, вскипая, катили снежными валами из неведомого далёка и разбивались у самого берега. По словам старожиллов, такие штормы бывают здесь раз в году, глубокой осенью, и то не всегда. А тут — неожиданно, в июле, в самый разгар лета.

Необычная картина: белая движущаяся пена от берега и до самого горизонта. Как будто бы это не морская пена, а мрамор — вдруг ожил, пришёл в движение, пытаясь сам из себя создать произведение искусства, какую-то гигантскую скульптуру, подлинное чудо света. Кто это будет? Венера? Апполон? Разгневанный Нептун?

Чайки расхаживали по пустынному пляжу, выискивая, чем поживиться. Вдоль берега стояли ряды поставленных друг на друга шезлонгов, возле которых лежали сложенные большие зонты.

«Бу-у-у!.. Ах-ха-а!..» — шумело Тирренское море.

— Жаль, конечно, такой сильный шторм, что некупаешься. Зато какая красота! — сказала Лана, покрепче прижимая к груди наброшенный на плечи широкий платок, который пытался сорвать с неё ветер.

— Да, красиво, — согласился Лео.

— Левко, ты уверен, что должен сейчас плавать? — спросила она, увидев, что муж всё-таки раздевается.

— Да.

Однако, войдя в воду, он сразу понял, что из-за таких сильных волн поплавать не удастся. Трудно человеку бороться со стихией. Вскоре он вылез из воды, обсох, и они снова побрели вдоль берега.

— В Италии всё красиво — и штормы, и закаты, и горы. Будто Бог собрал на земле всю красоту специально в одном месте, чтобы её показать людям в надежде, что они изменятся, — заключила Лана, охваченная художественным восторгом.

— Как поживают твои в Канаде? — поинтересовался Лео после недолгого молчания.

— У них всё нормально, ничего нового, — (Украинская семья Ланы — её родители и старший брат — давно жили в Канаде.) — Они мне рассказали про моего двоюродного племянника в Киеве: он здоровый лоб, недавно купил себе инвалидность и уехал в Германию.

— Значит, он дезертир, вернее уклонист — *ухьялнт*. Сколько сейчас в Нью-Йорке крепких молодых мужиков, недавно приехавших из Украины, сбежавших от войны. А сколько их в Европе! Можно собрать целую армию. Не хочется никого осуждать, но есть такие вещи, на которые трудно закрывать глаза.

— У нас, как и в каждом народе, есть все: и герои, как твой Олег, и *ухьялнты*, как мой племянник.

Лана пошла вперёд, нахмурившись, потому что Лео уже не слушал её, а повёл с кем-то переписку в телефоне. Лана подозревала, вернее догадывалась, а ещё точнее — была совершенно уверена, с кем он сейчас переписывается.

«Почему ты ещё не связалась с моим другом? Он хочет обсудить с тобой заранее будущее интервью для газеты».

«Я отправила ему письмо, но он не ответил. Наверное, ему сейчас не до меня. Или он не получил моё письмо».

«Странно. Я у него спрошу».

«Вчера мы с мужем были недалеко от вас, в одном городке Тосканы, смотрели там квартиры. Хотели познакомиться с вами, но мне было неловко вас беспокоить».

«Перестань. Мы всегда вам рады. Моя жена от тебя в восторге. Кстати, мы можем встретиться и без твоего мужа, и без моей жены. Надо только выбрать день и место».

«Зачем откладывать? Можно хоть завтра». И «улыбчивое личико» внизу, под письмом.

Оторвавшись от переписки, Лео посмотрел вокруг и, к своему удивлению, обнаружил, что Ланы рядом нет. Он окинул взглядом весь пляж и даже море, мало ли что? — но и там, в пенистых волнах, жены не было.

Он вошёл в бар на берегу. Посетителей сейчас там не было. Барменша подметала пол, напевая какую-то песенку. Подойдя к нему, спросила, чего синьор желает. Он заказал себе виски.

«Завтра мы с Джен встретимся — наедине, и не во сне, а наяву. Наконец-то! Нужно придумать интересный маршрут „с сюрпризом“». Он залпом осушил принесённую рюмку виски. Затем «по-наполеоновски» подошёл и замер перед висевшей на стене картой островов архипелага, решая, где именно и как провести завтрашний день с Джен.

Ненормальный художник

Алана, покинув пляж, шла по Сан-Винченцо — курортному городку Тосканы, где они теперь остановились. Здесь, на главной улице, среди бутиков, пиццерий и ресторанов, было приятно и спокойно, и трудно было поверить, что в десяти минутах ходьбы отсюда бушует стихия, творится нечто немыслимое, и великий Нептун чем-то разгневан.

Лана была привлекательна: овальное лицо с правильными, хотя и несколько крупными чертами выдавало в ней натуру экспансивную, но вместе с тем волевою, с характером. Чувственные губы красивого рисунка, умные серо-голубые глаза — чуть насмешливые, с широким разрезом, над которыми колыхались светлые прядки волос. Она была худощава, но грациозна, движения чрезвычайно мягкие и плавные.

Сейчас Лана чувствовала, что её душевные силы на исходе. Она не знала, в чём виновата и почему их семья разваливается.

«Никогда не могла предположить, что кризис среднего возраста у мужчин протекает столь бурно. Моему мужу просто сорвало крышу».

Она уже была готова к тому, что по приезду в Нью-Йорк между ними произойдёт объяснение, которое будет иметь тяжёлые последствия, если не для обоих, то

для неё точно. Она поёжилась, словно от холода, хотя холодно вовсе не было: лишь приятный бриз овевал её лицо.

Остановившись возле бутика, она посмотрела на вывешенные на витрине купальники. Красивые купальники, в яркой расцветке, и закрытые, и бикини, и для синьорин в почтенном возрасте, и ниточки для девчонок. Правда, по её наблюдениям, преобладающее большинство итальянских женщин носят бикини независимо от возраста. Лана решила войти в магазин — и в самом деле, нужно обновить свой пляжный гардероб, сменить свой «монашеский» купальник (как его называет Лео) на что-то поинтереснее.

Однако дверь в магазин была заперта. Сидевший внутри парень указал ей пальцем вверх на часы на стене, жестами давая понять, мол, сиеста, приходите позже.

Кивнув, Лана продолжила путь. Войдя в квартиру, она рассчитывала увидеть там Марка, который после происшествия во Флоренции — с арестом из-за попытки взлома ювелирного магазина, с последующим разбирательством с отцом (и рукоприкладством последнего), стал замкнутым и молчаливым. Как Лана ни пыталась после этого вызвать сына на откровенность, получить от него нечто, подобное чистосердечному раскаянью, но, кроме формального обещания «больше так не делать», ничего не услышала.

Понятно, ребёнок переживает, пытается разобраться в себе. А всё из-за чего, вернее из-за кого? Из-за отца, во всём виноват отец — бесчувственный чурбан, эгоист, никогда не любил своего сына. Ну, и ещё надо учитывать: возраст у Марка опасный, хочется всего попробовать, всё испытать. Мальчик. Однако, по сравнению со своими сверстниками, он золотой ребёнок. Разве есть

на земле ребёнок лучше Марка? С первой минуты его появления на свет Лана не перестаёт благодарить Бога за этот подарок и не понимает до сих пор, за что Бог её так любит, одарив её самым родным на земле человеком. После родов акушер признался ей, что за многие годы своей врачебной практики никогда не видел такой короткой пуповины. И предсказал Лане, что она будет навсегда с сыном как одно-единое существо. Так и получилось.

Но сейчас Марка дома не было. Спиннинга тоже не было. «Значит, пошёл ловить. В такой шторм? Какая рыбалка?» Её сердце тревожно забилося. «Неужели опять куда-то полез?..»

— Сынуля, ты где?

— На рыбалке,— голос Марка в телефоне звучал нечисто, слышался какой-то треск, прерываемый сильным шумом.

— В такой шторм?

— Да, мама. Решил попробовать. Я на волнорезе, на камнях.

— Пожалуйста, будь осторожен. И смотри, чтобы кроссовки не намокли.

— Не переживай, я об этом позабочусь.

Материнское сердце верно подсказывало ей, что сын уходит из дома и избегает контактов с родителями не только ради рыбалки, но и с целью побыть одному.

«Ему нужно подумать над всем, что произошло, и сделать правильные выводы».

Походив по квартире и не зная, чем себя занять, Лана расчесалась, сменила платье на короткие джинсовые шорты и футболку и снова вышла на улицу.

...На небольшой площади перед мольбертом сидел художник. Возле него стоял деревянный ящичек с ки-

стями, палитрой, бутылки с водой для разведения красок. Он был худощав и, скорее всего, высокого роста, утверждать это было трудно, поскольку сидел, широко расставив волосатые ноги с тощими коленями. Он имел картинный вид — в широкополой тёмной шляпе, защищавшей его от солнца, из-под которой на плечи ниспадали чёрные волнистые волосы. Особую прелесть его лицу с твёрдым, строгим подбородком придавали длинные ухоженные усы.

Некоторые туристы подходили, разглядывали его работы, вывешенные рядом на деревянном стенде. Лана также остановилась возле него, смотрела, как его кисть наносит мазки на лист, и там возникает приморский пейзаж. Обычные милые картинки, которые туристы покупают на память о месте отдыха. Впрочем, сделаны со вкусом. Изредка работу художника прохожие прерывали вопросами, справляясь о цене уже завершённых картин, и чаще всего, услышав ответ, отходили, но некоторые, поторговавшись, покупали.

— *Трабио мучиа вита, синьора?* — спросил он её по-итальянски, заметив, что эта молодая женщина стоит возле него уже довольно долго.

— Я не говорю по-итальянски. По-английски, пожалуйста.

— А-а... Вам нравятся мои работы? — спросил он уже по-английски с сильным акцентом, слегка приподняв полу шляпы, чтобы получше рассмотреть стоявшую перед ним женщину в джинсовых шортах, с очень красивыми, стройными ногами.

— Да, нравятся. Но я бы цвет этих холмов немного приглушила, чтобы усилить контраст с морем, — сказала Лана и, дабы убедиться, что её поняли правильно, приблизилась к мольберту и объяснила ещё раз, сопро-

вождая свои слова указанием деталей на картине, о которых шла речь. — Холмы. Сделать темнее.

— Это? Затемнить? Нет, нет.

— Да! Да! — она не сдавалась, снова стала тыкать указательным пальцем на картину, повторяя, что следует изменить.

— А-а... Хах-ха! — мужчина присвистнув. Наконец, он понял, что её совет имеет художественный смысл.

Между тем во время их разговора он изучал фигуру этой синьоры — надо сказать, очень хорошую, тонкую и гибкую, во вкусе пост-рафаэлитов.

— Как вас зовут? — спросил он.

— Лана. Моё оригинальное имя Светлана, но я изменила на Лана.

— Вы из России?

— Нет, из Украины. Я украинка, — повторила она.

— Печально слышать о том, что происходит в вашей стране. Это ужасно, что там вытворяют русские.

— Да, россияне — варвары, достойные потомки монголо-татарской орды. Один только Бог знает, как я их ненавижу... Но я уже давно живу в Америке, в Нью-Йорке. А вас как зовут?

— Маттео, — он вытер о футболку руки и протянул Лане правую — для пожатия. — Вам нравится Италия?

— Ещё бы, мне кажется, я здесь родилась, — она высвободила свою руку, которую, как ей показалось, синьор Маттео слегка задержал в своей широкой и, безусловно, крепкой ладони. Лана невольно вспомнила крепкую мужскую кисть «Давида», когда они пару дней назад были в Академии во Флоренции. Лана тогда смотрела на мраморные руки «Давида», и её посетило странное желание, вернее фантазия, чтобы эти ладони поладили её. Она себе поклялась, что никому никогда

не признается в этом смешном желании, хотя была уверена, что она не первая женщина, испытывавшая подобное желание возле этой скульптуры великого Микеланджело.

— Вы здесь одна?

— Нет, с семьёй. С мужем и сыном.

— Замечательно, — отозвался Маттео, не переставая улыбаться и смотреть, вернее, рассматривать её пытливым и каким-то похабно-бесстыжим взглядом.

Он так искренне обрадовался, что синьора здесь не одна, а с семьёй, что Лана в глубине души даже немного расстроилась. Ей показалось, что она ему понравилась как женщина и что он сейчас начнёт к ней *лепиться*, и она, разумеется, его сразу *отошьёт*. Но, судя по всему, он и в мыслях этого не имел. «А жаль...»

— Вы тоже художник? — спросил он, снова взяв её ладонь и ненадолго замерев с таким видом, будто хочет что-то почувствовать в её руке. Её тепло? Её желания? Её боль?

— Нет, я работаю финансовым аналитиком в компании, связанной с медстраховками, вам про это слушать будет наверняка скучно, — она умолкла. Он всё ещё держал её руку в своей, и Лана из-за этого стала испытывать некоторую неловкость, не знала, как же её высвободить. — Вы здесь, в Сан-Винченцо, живёте?

— Не совсем. Я здесь до конца октября. А в ноябре здесь становится сыро и ветрено, делать здесь нечего, тогда я уезжаю в Рим, — наконец он выпустил её руку.

«Какой-то он странный всё-таки. Впрочем, ничего удивительного — художник».

— Приходите сюда ещё, я на этом месте почти каждый день, — сказал Маттео, оглядываясь по сторонам.

Возле них уже стояло несколько прохожих, ожидая, когда задушевная беседа художника и этой синьоры закончится, и они смогут узнать, сколько стоят его картины, вывешенные на стенде.

Попрощавшись, Лана ушла. Она уже приближалась к перекрёстку, чтобы свернуть на улицу, где находился их дом.

— Синьора, подождите! — услышала за своей спиной. Перед ней снова стоял Маттео. — Вы не хотите прийти ко мне в студию? Я покажу вам свои настоящие серьёзные картины, а не эти фантики.

— Я? К вам домой?

— Да. Вы тонкий ценитель искусства, я это вижу. Можете прийти с мужем и сыном.

— Спасибо за приглашение. Я, право, не знаю. Я подумаю.

Он протянул ей свою визитную карточку:

— Приходите в любое время вечером, после семи, даже без предупреждения. Всегда буду вам рад.

— *Grazie*, — поблагодарила Лана по-итальянски, пряча визитку в карман шортов. Снова ощутила, как взгляд этого мужчины буквально впивается в её тело, скользит по её шее, груди, бёдрам, заныривает в её глаза, в её рот, гладит, щупает её подмышки так, как мясник ощупывает ещё не обработанную тушу или конюх — свою любимую лошадь перед выездом.

Она вернулась в квартиру. Одного взгляда на бытовые мелочи ей хватило, чтобы понять, — ни муж, ни сын за время её отсутствия сюда не приходили. Однако у неё немного полегчало на душе после случайного знакомства с тем странным порывистым художником, у которого такой наглый похотливый взгляд. Промолвила тихо:

— Синьор Маттео. Не исключено, что вы талантливый художник. Но, по-моему, вы гей. Впрочем, это неудивительно: Микеланджело, Леонардо да Винчи, Караваджо, Донателло — почти все они, великие, были геями. Это нормально. Так что к вам в студию я могу идти со спокойной душой и чистой совестью. Если, конечно, очень этого захочу.

«Лёвка, привет. Сегодня ночью кацапы ударили по нам КАБаами. Пид...асы. Блиндаж разнесло в клочья, джип возле блиндажа тоже. Слава Богу, все живы, только мех-вода сильно контузило — он блевал до самого утра, отвезли его в медчасть. Пушки целы. Мы перебрались в другую посадку, будем там копать новые капониры и строить блиндаж. Придётся немного напрячься. Позже накидаю тебе фоток и видео, чтобы ты посмотрел, какой у нас был рок-концерт ночью — полный трэш».

Дочитав письмо, Лео вздохнул глубоко так, что поднялись и опустились его плечи. Затем вышел на балкон, где Лана за столиком пила чай.

— Олег с фронта прислал письмо. К ним прилетело, они перебрались на новое место и будут строить новые блиндажи. Отправлю им денег. Не возражаешь?

— Зачем ты спрашиваешь? Конечно, отправь.

Лана вдруг подумала о том, что она была бы совсем не против, если бы он сейчас оказался где-нибудь там, в Украине, в окопе, даже под обстрелами. Подальше от неё. А она немного от него отдохнёт. И займётся живописью. «Решено: приезжаю в Нью-Йорк, покупаю краски и кисточки и начинаю рисовать. Напишу и шторм на море, и этот чудесный закат, и главную улицу этого го-

родка с усатым художником в шляпе перед мольбертом. Иначе сойду с ума».

— Кстати, Ланчик, я завтра должен буду уехать.

— Интересно, куда же?

— Во Флоренцию. Мне позвонили оттуда из полиции, по делу нашего шалопая, — Лео кивнул в сторону комнаты, где на диване лежал Марк, что-то разглядывая в телефоне. — Они требуют, чтобы я, как его отец, явился туда и подписал обязательство, что наш сын не появится во Флоренции в течение трёх лет.

— Ты серьёзно? — голос Ланы из холодного и готового к атаке тут же сменился на тревожный и растерянный.

— Да, у них здесь, в Италии, такое практикуется. В Америке ему наверняка вклеили бы пару лет тюрьмы, а здесь всё гораздо гуманнее.

— Тогда я поеду с тобой.

— Не надо. Вы идите на пляж, обещают, что к завтрашнему утру шторм утихнет. А я постараюсь быстро смотаться туда и обратно. Я уже взял билет на утренний поезд.

Лана бросила на мужа испытующий взгляд, всё же не будучи до конца уверена, что он говорит правду.

Остров Эльба. Изгнание из рая

Ранным утром, как и обещал жене, Лео отправился на железнодорожную станцию. Дождался поезда на Флоренцию. Но вместо того, чтобы сесть в этот поезд и отправиться решать проблемы своего непутёвого сына, Лео... остался на платформе.

— Привет, мой свет! — она улыбнулась, подставив ему для поцелуя загоревшую щеку.

— Привет, — он легонько обнял её.

— Мы успеваем? — спросила она, не переставая улыбаться. По всему было видно, что она в чудесном настроении. И было отчего.

— Да. Но всё-таки лучше пошевелиться, — ответил он, взглянув на часы.

— Тогда пошли.

О чём-то непринуждённо болтая, они направились к причалу, где на волнах раскачивался корабль.

— Осторожно, — сказал он, пропуская Джен вперёд и бережно поддерживая её за руку, когда она с причала переступала на борт корабля.

— Ах! — она слегка покачнулась, словно бы для того, чтобы почувствовать и убедиться, насколько надёжно поддерживает её рука Лео.

Они уюстились в сиденьях, как и другие пассажиры.

— Ты когда-нибудь там бывал?

— Нет, еду туда в первый раз, как и ты. У нас на сегодня большая программа. Сначала пойдём к Наполеону — в дом, где он жил во время своей первой ссылки. Потом перекусим где-нибудь, а потом... — он снял с головы солнцезащитные очки и, пригнувшись к ней со своего сиденья, шепнул ей в самое ушко: — тебя ждёт сюрприз.

Он уловил пьянящий запах её тела, усиленный сладковатыми духами.

— Обожаю сюрпризы, они напоминают о том, что наша жизнь полна неожиданностей и случайностей, которые невозможно предусмотреть. Поэтому я даже не буду выпытывать у тебя, что за сюрприз ты мне приготовил.

«Р-р-д-дуух!...» — ревнул мотор катера.

И они поплыли на Эльбу.

— Я уже видела твою жену и сына. Теперь расскажи, кто твои родители? Где они? Тоже в Америке? Или в Украине?

— Родители? Мать была профессором, преподавала историю искусств в Киевском художественном институте. Она была украинкой. Умерла от рака семь лет назад, сильно мучилась перед смертью...

— А отец?

— Отец — еврей, работал мастером по ремонтам квартир. С мамой они жили плохо. Я был ещё подростком, когда он встретил другую женщину и, оставив нас, уехал с ней в Израиль. Мы с ним практически не поддерживаем связь. А кто твои родители?

— У меня с предками настоящий коктейль: по линии отца — скандинавы, по материнской — венгры и евреи. Не исключено, что в каком-то далёком поколении мы с тобой родственники. Посмотри, может, найдёшь схожие черты, — она выпрямилась в кресле и, установив

голову строго вертикально, держа ровно подбородок, замерла.

Красивый профиль: высокий, чуть покаты́й лоб, обрамлённый коротко подстриженными кудрявыми коричневыми волосами, нос — небольшой, с тонкими ноздрями. Широкие карие глаза, не глаза — пылающий огонь, окружённый густыми ресницами. Лицо — не для скульпторов и художников классической школы. Но лицо очень привлекательное, живое. И сама Джен — очаровашка. Её лёгкая бежевая футболка с коротким рукавом открывала её загоревшие плечи и шею.

— *Красуня*, — сказал он по-украински.

— Что это значит?

— Ты прекрасна. Минутку.

Он взял свой мобильник, переключил на селфи и, став рядом с Джен, наклонился, приблизив к ней своё лицо. Направив на обоих объектив телефона в вытянутой руке, сделал несколько фотографий. Снова поцеловал её в губы, и Джен ответила на его поцелуй движением своего гибкого язычка. Они посмотрели друг другу в глаза и прочитали там полное взаимное согласие.

Однако Лео почему-то не мог избавиться от чувства, что эта женщина всё же испытывает некоторую насто-рожённость с ним, даже недоверие к нему, её искренность в чём-то ненатуральна. «Вероятно, стыд. Ей стыдно изменять мужу». Он ничего не спрашивал Джен о её муже. Быть может, её муж (точно так же, как и его Лана) ещё спит в кровати и видит сны, беспокойно ворочаясь.

— Вчера получил плохую новость от своего друга с фронта, — сказал он, возвращаясь в кресло. — *Кацаны* их выследили и нанесли по ним удар. Разбили их блиндаж и машины. К счастью, никто не погиб, но двое раненых. Ох, блядь, эта война...

— *Yes, bliat*, — повторила она за ним, произнося это ругательство совершенно правильно, вероятно, потому что часто слышала его в Украине и постигла его смысловое богатство.

— Поэтому твой друг мне не отвечает. Ему сейчас не до меня.

— Ну-ка подожди. Сейчас мы всё устроим.

Включив свой телефон, Лео прикрепил к адресату только что сделанную фотографию с Джен и отправил Олегу на фронт, сопроводив короткой надписью:

«Это я с Джен-Оленкой. Скоро ты её увидишь».

Не успел Лео положить в карман свой телефон, как тут же снова раздался «диньк». Приятель Олег прислал ему свою фотографию. *«А це я. Покажи їй».*

— Смотри, вот он, — Лео повернул телефон экраном от себя. — Три с половиной года воюет, представляешь? Он наверняка этого не замечает, но я-то хорошо вижу по фотографиям, насколько он изменился за это время. Полголовы седой, глаза потухшие, взгляд пустой. Сразу видно, человек смертельно уставший, выпотрошенный душевно и физически. А ведь он мой ровесник.

Она взяла телефон из рук Лео и, слегка прищурившись, посмотрела на фотографию, затем стала пальцем водить по экрану, рассматривая и другие фотографии и видео, которых там за годы переписки, учитывая ещё и насыщенность событиями и страсть Олега к фото- и видеосъёмке, набралось несметное количество.

— Ого, сколько здесь материала, хватит на целый фильм. Можно я посмотрю?

Лео задумался. В их переписке с Олегом не только очень много матюгов и признаний сугубо личного характера, но и разной информации: названия населённых пунктов, дислокация дивизиона, которым он

командует, технические данные оружия, которое они получают, и так далее. Эти подробности Лео мало интересовали, но он отдавал себе отчёт, что они могут иметь и секретное значение.

— Зачем тебе? — спросил он.

— Зачем? Во-первых, полезно для моей работы. А во-вторых, просто интересно. А в чём, собственно, дело? — спросила Джен, завидя его колебания. — Ты что, мне не доверяешь? Ты серьёзно мне не доверяешь? Я пишу о войне в Украине уже несколько лет, меня там пропускают даже на огневые точки, а ты... — она задышала так глубоко, что заволновалась её грудь. — В таком случае, я уже жалею, что вообще приехала сегодня к тебе. Я пошла на всё, изменяю мужу, а ты... — она поднялась, как будто желая уйти. Но вдруг вспомнила, что находится не в машине, а на плывущем корабле. Села обратно в кресло, плотно сомкнув губы и всё ещё сердито сопя. — Знаешь что? Ты говоришь, что они попали под обстрел и теперь будут строить новый блиндаж? Ты собираешься отправить им туда деньги? Вот и замечательно, я тоже хочу поучаствовать. У тебя есть Пейпал? — узнав у него реквизиты, быстро ввела данные в свой телефон. — Готово. Двести пятьдесят долларов — от меня.

То, с какой лёгкостью, практически не задумываясь, она сейчас пожертвовала деньги, причём не так уж и мало, развеяло его сомнения.

— Окей, смотри, сколько хочешь, — он оставил ей свой мобильник.

Усевшись поудобней, Джен принялась рассматривать картинки в его телефоне, «военную хронику» сорокавосьмилетнего украинского старшего сержанта с поседевшими волосами и глазами старика. А Лео вышел на палубу.

Корабль рассекал носом волны. Порой его поднимало-подбрасывало над водой, лёгкие падения сопровождалось шлепками днища о воду, отчего в стороны разлетались тяжёлые брызги. Несколько чаек летели за ними эскортом, изредка приближаясь, в надежде, что кто-то с корабля бросит им поживу.

А вдали невысоким тёмным холмом над водой возвышался остров Эльба, казавшийся пустынным, безлюдным и диким.

На самом же деле остров оказался огромным и на диво живописным. Нет, не живописным — потрясающей красоты.

Лео и Джен спросили у велосипедиста, как попасть к «Наполеону», и отправились в путь. Иногда они сбивались с дороги и спрашивали прохожих. Туристы не знали, но каждый из местных жителей, услышав имя «Наполеони», тут же радостно кивал и жестами объяснял, как туда дойти.

Лео увлечённо рассказывал Джен, что знал о первой ссылке Наполеона на Эльбу, при каких обстоятельствах тот здесь очутился и как совершил отсюда побег.

— Фу-ух, жарко, — Джен сняла солнцезащитные очки и вытерла рукой взопревший лоб.

И вправду было жарко. А идти становилось всё труднее по мере того, как они поднимались по неровным булыжникам мостовой, к самой вершине горы.

— Давай минутку передохнём, — Джен увела его в тень стены какого-то средневекового крепостного вала.

— Уже жалею, что потянул тебя сюда, — признался он.

— Перестань. Ты так интересно рассказываешь, ты столько знаешь из истории. И вообще... У меня такое ощущение, что я очутилась в девятнадцатом веке, сейчас мне навстречу выйдет Наполеон собственной персоной и скажет: «Бонжур, мадам». Впрочем, зачем мне Наполеон, если у меня есть ты... — она взяла его за руку и притянула к себе. После долгого поцелуя деликатно отстранила Лео от себя, чтобы тот сильно не увлекался. — Окей, теперь можно идти дальше. Мне уже самой интересно увидеть его виллу и какая там мебель.

К их большому разочарованию вилла Наполеона была на реставрации, о чём свидетельствовала скромная табличка на высоком заборе. Не оставалось ничего другого, как, выругавшись на местный бардак и полное неуважение к туристам, пойти обратно. Правда, спустаться было куда легче и приятней, тем более они теперь могли сами выбирать удобный для себя маршрут.

Остров — со своими видами, упоительным густым воздухом с запахами цветов и моря, — пьянил и уводил в своё старинное очарование. Они спускались по узким мощёным улочкам, петлявшим между домов, ненадолго останавливаясь в тени лимонных и гранатовых деревьев. Повсюду на каменных заборах, на верандах домов и подоконниках стояли горшки с цветами, над которыми порхали большекрылые бабочки. Привстав на цыпочки, Джен дотягивалась рукой до ветки фруктового дерева и наклоняла её к самому лицу. Лео делал фотографии, как она подносит свои ладони к персику на ветке, сама — такая же — персиковая, такая же сочная, со сладкой томящей мякотью под тонкой кожицей, покрытой нежным пушком...

Потом они перекусили в ресторане устрицами под белым вином. Джен всё так же мило улыбалась, но уже

было видно, что в этой улыбке сквозит и некоторая досада. Биография Наполеона и устрицы — это, конечно, хорошо. Но где же обещанный сюрприз?

А сюрприз ожидал на причале. Сюрприз раскачивался на мелких волнах. Сюрприз был белого цвета, с мощным мотором, штурвалом и очень мягким красным покрытием на корме, будто бы специально сделанным для того, чтобы там заниматься любовью.

...Они носились на катере по лазурному морю, огибая многочисленные островки. Сначала управлял Лео, потом он отдал штурвал Джен, обучая её искусству штурмана под её дикий хохот и восторженные визги. Повсюду в море, точно так же, рассекая волны, в разных направлениях курсировали другие парусники и катера.

Через некоторое время они остановили катер неподалёку от скалистого пустынного островка с гротом. Бросили там якорь. Сняв солнцезащитные очки, Джен, в бикини, легко поднялась на палубу. Лео смотрел на неё с капитанского сиденья, открыв новую бутылку пива.

— Идём со мной! Присоединяйся! — позвала она его за собой. — Я буду тебе чудесной женой. Я рожу тебе замечательного сына. Мы будем с тобой отдыхать в Италии каждый год.

Звонко засмеявшись, она подошла к самому краю носа катера и прыгнула головой, ненадолго скрывшись под водой.

Наплававшись вволю, подплыла к катеру и взобралась наверх.

— Боже, какая красота.

...Они переплелись, как два тритона, два спрута. Он целовал маленькие татуировки птичек, подсолнухов и смешные фигурки на её руках и груди. Она была напоена солнцем и солью Эльбы. Он пил её — и не мог на-

питься, вдыхал — и не мог надышаться, нырял глубоко, как мог, — и не мог достать дна.

Над ними пролетали чайки, роняя то ли ликующие, то ли возмущённые крики.

Впоследствии, когда Лео будет вспоминать этот эпизод, ему будет смешно, но тогда ему было неловко. Одна из пролетавших над ними чаек опорожнила свой птичий желудок, наполненный переработанными крабами, рыбками и крекерами, которыми её щедро подкармливали отдыхающие. Тёплая, склизкая, дурно пахнущая сероватая масса шлёпнулась сверху на его спину. Сначала он не понял, что произошло, но вскоре руки Джен, крепко прижимавшие его к себе, стали какими-то неприятно склизкими и шершавыми. Они оба недоуменно посмотрели друг на друга, пытаясь понять, в чём дело.

— Нас обкакала чайка, — заключила Джен, брезгливо посмотрев сначала на свои руки, а потом, подняв голову, на небеса. — Vliat.

— Не беда. Море лучше всякой ванны смоеет с нас всю грязь и возвратит нам утраченную чистоту.

Поднявшись, абсолютно голые, они вместе взобрались на нос катера и, балансируя с помощью раздвинутых рук, подошли к самому краю.

— Раз-два-три!

И одновременно прыгнули в воду: Лео — головой, а Джен — «бомбочкой», обхватив руками поджатые к животу колени.

Он начал её преследовать. Подплывал к ней совсем близко, хватал её за ноги и за руки. Взвизгивая, она выдёргивала свои конечности. Он давал ей возможность недалеко отплыть, затем снова настигал и хватал за пятки. Когда Лео заметил, что Джен устала, он поднырнул, оказавшись под ней, предлагая себя в качестве перевоз-

чика — дельфина или морского коня, которого Джен мгновенно «оседлала», обхватив обеими руками его шею. Громко фыркая, широко отгребая руками, с бесценной наездницей на спине, он направился к берегу.

— Никогда в жизни не была в таком гроте, — сказала Джен, когда они, осторожно ступая по каменистому дну, вышли на берег.

Берег был устлан мелкими белыми гладкими камешками, лежащими вокруг каменных расколотых глыб. Ветры, вода и время за тысячелетия вырезали в скале огромное углубление. Внутри грота на поверхности скалы были видны волнистые слои-прожилки разных цветов, открывавшие различные породы в многолетние периоды истории. Несколько чаек, сидевших на больших камнях, потревоженные визитом незваных гостей, сорвались с места и улетели куда-то.

— Мы с тобой — как Адам и Ева до изгнания из рая, — сказала Джен, прохаживаясь по гроту и осматривая его. Прикладывала ладони к холодной неровной поверхности.

Здесь звучало эхо.

— А! — вскрикнул Лео, чтобы проверить эффект.

— А-а... — слабо отозвалось эхо по всему гроту.

— А! — промолвила громко Джен, и эхо тоже ответило ей.

— Love!

— O-ve...O-ve...

Лео тоже осматривал пещеру, поглядывая на Джен. Отметил про себя, что сейчас его вовсе не смущает тот факт, что он совершенно голый перед ней, и она — тоже абсолютно нагая перед ним.

— Как странно. Мне совсем не стыдно ходить перед тобой обнажённой. Чувствую себя свободно и абсолют-

но комфортно, — призналась она, будто угадав его мысли. — А-а!!! — закричала вдруг и отпрянула, указывая дрожащим пальцем на что-то перед собой.

Из узкой расщелины скалы наполовину выползла небольшая серая змейка. Быть может, пришедшие потревожили её полуденный сон. Нижняя часть её туловища была внутри скалы, упираясь хвостом в твёрдую основу, а верхняя висела в воздухе, едва шевелясь. Плотно сжав челюсти, змейка смотрела перед собой.

— Она ядовитая, она может ужалить, — предупредила Джен, подойдя к Лео и, на всякий случай, встала за его спиной.

Он осторожно приблизился к тому месту. Стоял молча и неподвижно, будто бы изучая её. А змея изучала его. Одним резким движением Лео неожиданно схватил змейку за шею у самой головы и сжал в кулаке:

— Ага! Попалась! — он дико расхохотался, и его хохот, подхваченный эхом, прогремел в этом гроте раскатами грома.

Змея стала извиваться, оплетая руку Лео своим гибким телом, высовывая язычок.

— Не бойся. Она не ядовитая. И она ещё очень маленькая, совсем бэбичка, — успокоил Лео Джен. Он вертел свой кулак в разные стороны, внимательно разглядывая древнюю рептилию. — Возьмём её с собой? — пошутил он и усмехнулся своей шутке.

Одолеваемая любопытством, Джен сделала несколько робких шажков и, скорчив боязливо-брезгливую гримасу, тоже рассматривала змею в руке «героя».

Вскоре Лео вышел из грота, разжал кулак и буквально струсил змейку с руки.

Упав на землю, она тут же уползла, скрывшись между камней.

— Вот и всё. Змий побеждён, — промолвил он. — Пора возвращаться.

Впереди, напротив грота, раскачивался на волнах их белый катерок.

— А-а-а!!! — раздался новый истошный вопль Джен, и через мгновение она пулей вылетела из грота. Ринулась в воду и поплыла.

Лео оглянулся. Ему хватило секунды, чтобы понять: нужно спасаться, и немедленно. Большой чёрный змей выполз из другой щели в скале и, спустившись на землю, пополз к Лео.

Лео схватил с земли первый попавшийся под руку камень, швырнул в змия и, не дожидаясь дальнейших разбирательств, тоже ринулся в воду. Поплыл следом за Джен, оглядываясь, нет ли за ними преследования. Доплыли до катера. Лео первым залез на корму, помог взобраться и Джен. Она вся дрожала, как от холода. Подёргивались её плечи, она гладила свои дрожащие руки, повторяя:

— Pizdets. Pizdets.

Лео протянул ей открытую бутылку пива — чтобы успокоилась. Потом вытащил якорь, завёл мотор и на всех скоростях помчал обратно на Эльбу. Тем более, они уже задержали возвращение катера фирме на полтора часа.

Уже смеркалось, когда Лео и Джен вышли на берег в Сан-Винченцо, откуда утром отправились в это путешествие. Здесь, в тихом курортном городишке, всё было по-прежнему, обыденно: ещё работали магазины, отдыхавшие прогуливались по улицам, сидели в кафе и барах. Им обоим — Лео и Джен — было странно видеть,

что с тех пор, как они утром покинули этот городок и сейчас вернулись сюда, для всех этих людей за день не произошло ничего примечательного. А вот они — Лео и Джен — прожили сегодня словно тысячу лет.

До поезда ещё оставалось время, чтобы выпить капучино.

— Слушай, всё хочу тебя спросить: почему ты работаешь каким-то занюханым QA, тестирующим компьютерные программы? Ты — такой башковитый, со знаниями истории и искусства.

— Так получилось. Когда мы приехали в Америку, я недолго поработал в русскоязычной прессе и на телевидении, но ушёл, чтобы не оставаться в иммигрантском болоте. Для американской журналистики я тогда не был пригоден: не имел ни опыта американской жизни, ни пристойного английского, ни связей. Ничего лучшего тогда для себя не нашёл, как эту нудную специальность. Думал, что на время. Но, как видишь, завяз по уши. Обычная иммигрантская история.

Она понимающе кивала. Неожиданно предложила:

— Поехали ко мне. Я сейчас одна.

— К тебе?.. Нет, не сегодня.

— Но почему?

— Извини, но я тебя очень мало знаю, чтобы просто порвать со своей семьёй. Ты сегодня здесь, завтра улетаешь в Украину. Потом ещё куда-то.

— Ты можешь поехать в Украину вместе со мной. Ты ведь так переживаешь о том, что там происходит. Какая у тебя жизнь в Америке? Думаешь, я не догадываюсь, что ты давно не любишь свою жену и живёшь с ней исключительно ради сына? Мне тебя от души жалко. А я смогу тебя устроить в нашу газету, будешь в нашей команде журналистов-спецкоров, ты владеешь двумя,

вернее, тремя языками. Правда, в газете денег будешь зарабатывать меньше, чем у себя в фирме. Зато это будет работа, которая тебе нравится и тебя достойна.

— А как же твой муж? Куда мы денем этого красавца?

— Муж? Муж... Нет у меня никакого мужа. Извини, я должна была тебе это сказать с самого начала. Такая вот я стерва. Мы с Биллом расстались перед самой поездкой: в Италии должна была состояться наша помолвка, но он пожалел денег на кольцо, которое мне понравилось. Меня это взбесило, и я сказала ему, что он *fucking жльоб*, и послала его к чёрту. Однако поездка уже была запланирована, билеты куплены, и я поехала без него. И правильно сделала, потому что... встретила тебя.

— Во как? Спасибо за правду, — промолвил он, продолжая задумчиво поглаживать подбородок. — Мне надо подумать.

— Окей, думай, время ещё есть. Я не тороплю. Война в Украине тоже завтра не кончится. А закончится эта, скоро где-нибудь обязательно начнётся новая. Такой сейчас в мире расклад. Поэтому мы, военные спецкоры, работой на ближайшие десятилетия обеспечены, гарантирую, — взглянув на часы, она облизнула с губ белую пенку и поднялась. — Всё, мой Наполеон, мне пора.

Они вышли на платформу, где ждал поезд. Привстав на цыпочки, Джен поцеловала Лео и исчезла в вагоне.

После душа, в трусах, Лео вошёл в спальню, где в кровати лежала жена. Подключил телефон к зарядке.

— Как дела? — спросил так, будто ничего не произошло.

— Дела в порядке, дела просто замечательно, — ответила Лана, с серьёзным видом рассматривая что-то

в своём мобильнике. Затем отложила телефон, посмотрела на мужа в упор и спокойным голосом спросила: — Так что, возвращаемся в Нью-Йорк и разбегаемся?

Спокойный тон жены, с каким она задала этот вопрос, его сильно разозлил, даже возмутил до глубины души. Засопев, он лёг. А Лана, упёршись локтем в подушку, нависла над мужем, ожидая от него ответа.

Наконец он ответил:

— Да, разводимся. Это будет правильно.

Он долго не мог заснуть, ворочался с боку на бок. Размышлял над ситуацией, в которой очутился, вспоминал сегодняшнюю поездку на Эльбу, белые камешки, устилавшие побережье, грот, где «сражался» со змеями. И как их обгадила чайка, когда они с Джен занимались любовью на катере... Эти воспоминания сменялись приливами гнева на жену, на её безразличие, с каким она только что предложила ему развестись. Взяв с тумбочки телефон, он нашёл имя Джен и написал:

«Я согласен».

Странная тётя из Америки

Проснувшись рано утром, Лана быстро привела себя в порядок. В ванной тщательно и с наслаждением смазала себе лицо, шею и кисти рук кремами, купленными во Флоренции в знаменитой аптеке, где кремы и духи изготавливаются по рецептам средневековых флорентийских монахов. Втерев мазь в кожу на руках, поднесла ладони к лицу и уловила лёгкий эфирный запах. От этой простой процедуры её настроение сразу чуточку улучшилось и уверенности в себе прибавилось.

Перед уходом из дома она заглянула в другую комнату — Марчик там спал без задних ног. Вышла, бесшумно закрыв за собой дверь.

О том, что она утром на полдня отлучится, Лана сообщила только сыну, впрочем, не посвящая последнего в подробности. Мужа она вообще не предупредила — а зачем? Они ведь всё равно разведятся, и она — свободная женщина — не должна отчитываться ему в своих действиях. Довольно. Она теперь будет за всё отчитываться только перед Богом и своей совестью.

Выпив капучино в кафе, Лана направилась к железнодорожной станции.

Точно так же она шла к этой станции вчера утром. Но была существенная разница: вчера утром она кралась, как шпионка, за мужем, потому что всё-таки не верила

в его историю о том, что он якобы едет во Флоренцию в полицию «по делу шалопа-Марка». К тому же вчера перед своим уходом из дома Лео положил в свой рюкзак плавки и взял с собой купленные накануне брендовые солнцезащитные очки, хотя солнцезащитные очки почти никогда не носил. Даже эти мелочи послужили для Ланы достаточным сигналом, чтобы устроить за мужем небольшую слежку. Кралась за ним по улицам, припадая к столбам и прячась за углами домов. Выпила до дна свою чашу позора и горечи: сначала увидев, как муж встретил на платформе эту «кудрявую мымру», а потом — как они в обнимку пошли с вокзала на причал, где сели на корабль и уплыли на острова...

Банальная история. Он встретил другую и потерял голову. И двадцать с лишним лет супружеской жизни — коту под хвост. Да, Лана была с ним счастлива, не надо кривить душой, он тоже её когда-то любил, она в этом не сомневается. Но... «лодка любви разбилась о быт», как писал поэт. Они постоянно решали непростые жизненные задачи: работа, карьера, воспитание сына, и всё это в чужой стране. Кто-то из великих сказал, что Любовь даётся человеку просто так — падает с неба, но потом за неё нужно постоянно бороться. Всё верно, а они — боролись сначала за быт, потом за комфорт, который всегда хочется улучшать, потом друг с другом. И вот — приплыли...

Что ж, сейчас для неё главное — не раскисать, не сломаться. Понятно, она потрясена, у неё ощущение падения в пропасть. Но она справится. Лана чувствовала, как с нарастанием кризиса растёт её сопротивление.

Очень важный вопрос: как их развод повлияет на сына? Однако ответ на этот вопрос, который Лана задавала себе уже не раз, возникал мгновенно, ответ один и тот

же: «А никак не повлияет». Ведь Лео никогда не любил сына, а Марчик никогда не любил отца. Просто и ясно. Да что там говорить? — между Лео и Марком с первого дня появления Марка на свет чувствовалась непонятная ей скрытая вражда (а Лана, положа руку на сердце, вольно или невольно подливала масла в тот огонь). Лео вообще не хотел иметь детей, спрашивал: «А зачем? Ведь нам и вдвоём с тобой хорошо». Ей с трудом удалось упросить его, чтобы согласился хоть на одного.

Но сегодня всё это уже неважно. После инцидента во Флоренции, когда Марчик попытался ограбить ювелирный магазин и Лео в сердцах его ударил кулаком по лицу, они вообще не разговаривают. Сын будет только рад, узнав, что родители расходятся. Марчик, конечно, останется жить с мамой, а папа уйдёт. Куда? Куда хочет. К той «толстозадой кудрявой мымре в татуировках».

Размышляя над всем этим, Лана купила в автомате билет. Вскоре к платформе подъехал поезд.

В девять часов она уже шла по улицам Чечины — небольшого приморского городка в Тоскане. Городок уже просыпался. Лана прошла мимо какого-то памятника и фонтана на центральной площади, заглянула в церковь, побродила по улицам. В назначенное время стояла возле невысокого здания под вывеской «Лучшее агентство по недвижимости в Тоскане».

На её звонок вышел стройный итальянец лет пятидесяти:

— *Бонжорно!*

Галантно подав ей руку, мужчина повёл её внутрь помещения, где за столами уже сидели работники, делая первые телефонные звонки и что-то рассматривая на

компьютерах. Мужчина пригласил Лану на второй этаж. Там в просторном зале за круглым широким столом сидела ухоженная женщина лет сорока пяти и парень лет двадцати.

Привстав, они поприветствовали Лану и предложили ей кожаное кресло. Потом все уселись поудобнее. Представились.

— Меня зовут Лучиано. Если не секрет, как вы узнали о нас? — спросил мужчина, он здесь был боссом.

— Одна моя знакомая из Америки дала мне ваш телефон, посоветовав к вам обратиться. Она сейчас тоже здесь, в Италии, тоже ищет себе квартиру.

— Её зовут Джен?

— Да, именно так, — подтвердила Лана.

Они продолжали знакомство. Единственное, что усложняло этот разговор, — язык. Босс и его жена по-английски говорили крайне плохо, поэтому каждый раз приходилось обращаться к их сыну Роберто, который тоже был не бог весть каким лингвистом, тем не менее мог переводить с английского на итальянский и обратно на приемлемом уровне.

— Признаюсь, ваша знакомая Джен мне понравилась. Американцы сегодня покупают себе недвижимость в Италии, как никогда прежде. Для меня это неудивительно. Мир по-новому влюбился в Италию.

«Чем меньше фирма, тем больше понтов», — подумала Лана, улыбнувшись ему в ответ.

— Угощайтесь, — Лучиано подвинул ей пиалу с шоколадными конфетами. — Хотите кофе? Мой сын вам сварит отличный кофе.

— Нет, спасибо. Давайте поговорим о деле.

— Окей. Сразу видно, что вы из Америки: бизнес — это главное. Что ж, тогда приступим, — он повернул

большой монитор компьютера так, чтобы было видно всем сидящим за столом. — Что вас к нам привело и чем конкретно мы вам можем помочь?

Лана отлично знала, зачем она здесь. Если они с Лео разведутся, а к этому, судя по всему, идёт, то ей уже сейчас нужно подумать о том, как сохранить деньги и выгодно их вложить. Вероятно, им предстоит бракоразводный процесс, придётся нанять адвокатов, чтобы делить имущество. Она, конечно, ему верит, знает, что он человек порядочный, но когда речь заходит о деньгах, люди меняются. К тому же кто знает, как себя поведёт его «кудрявая шлюшка»? И вообще: стоит ли проявлять сейчас повышенную щепетильность, если они расходятся? Она теперь свободная женщина, должна думать только о себе. О себе и о сыне. Поэтому почему бы не рассмотреть вариант покупки однокомнатной квартиры в Италии? В Тоскане, на берегу моря. Деньги у неё для этого найдутся, если поскрести по её банковским сусекам и инвестиционным фондам. Марчик будет сюда приезжать летом или осенью, в бархатный сезон. Сам или с девушкой. Прекрасно. Она тоже будет сюда приезжать в отпуск, — сама или с кем-то. А в остальное время будет квартиру сдавать. И никто, включая, Лео, об этом не узнает. Да и зачем ему это знать? У него скоро появится новая жена, пусть она и покупает ему квартиры в Италии.

Тем временем они за столом обсуждали деловую часть сделки, подсчитывая возможные расходы и доходы. Лане не очень понравилось, когда в подсчётах босс — умышленно или нет — допустил несколько ошибок. «Можно ли им верить? Говорим о сделке на двести тысяч, а они уже пытаются обмануть на десять долларов».

— Надеюсь, в общих чертах картина вам ясна, — сказал синьор Лучиано, откинувшись в кресле. — Интуиция мне подсказывает, что мы с вами сработаемся. Вы очень умная женщина. Но за всё это время ни одну шоколадную конфету так и не съели. А наш шоколад — лучший в мире, между прочим. Не хотите? А я одну возьму.

Он взял из пиалы конфету. Всё это — и разворачивание разноцветной шелестящей обвёртки с последующим погружением конфеты в рот, и её пережёвывание — он проделал весьма элегантно, как артист.

«Лучший в мире шоколад. Лучшие в мире дизайнеры. Лучшие в мире мужчины. Ах, понты, понты».

— Вы, наверное, хотите посмотреть квартиры? — спросил Лучиано.

— Да, хочу.

— Могу показать вам две, выставленные на продажу, — Лучиано взглянул на часы. Затем обратился по-итальянски к своему сыну. Они о чём-то переговорили между собой, к разговору подключилась и мать Роберто. — Извините, у нас с женой запланирована ещё одна деловая встреча. Нам нужно идти, а квартиры вам покажет мой сын. Было очень приятно с вами познакомиться.

— Взаимно.

Они попрощались.

Роберто взял у отца связку ключей и указал Лане на ступеньки к выходу:

— Прошу, синьора.

Роберто учится в колледже, в соседней Пизе, а сейчас, во время летних каникул, приехал домой к родителям и подрабатывает в их агентстве.

— В последнее время к нам и вправду приезжает много американцев, такого раньше не было. *Fucking crazy*, — сказал он, употребив ругательство, давая понять Лане, что не лыком шит и что он весьма современный молодой человек, знакомый с американской субкультурой.

Роберто был среднего роста, худощав, гармонично сложен. Но что в нём сразу выделялось, что в этом юноше могло привлечь взгляд любой женщины, — это чёрные, с отливом вороньего крыла, густые волосы, расчёсанные на прямой пробор, за которыми он, без сомнения, трепетно ухаживал. А ещё — чёрные, острые, будто два вороньих пера — брови, под которыми горели тёмно-карие глаза.

«Неужели все итальянские мужики смотрят на женщин с такой неприкрытой наглостью? Есть что-то крайне неприятное, отвратительно-хамское в таком их взгляде. Смотрят на тебя так, будто ты уже отдалась, а они ещё думают, брать тебя или нет. Будто бы все они потомственные бароны и графы, а ты дешёвая девка, их недостойная. Но... перед таким взглядом трудно устоять».

— А вы не настоящая американка. Вы украинка, не так ли?

— Да, я украинка. Как ты угадал?

— У нас в колледже с недавних пор появились украинцы, бежавшие от войны. Хорошие ребята. Некоторые студентки-украинки похожи на вас.

— Понятно, — Лана вздохнула. «Проклятая война, раскидала наш народ по всему свету, как древних евреев когда-то».

Они прошли несколько улиц и остановились у подъезда четырёхэтажного дома.

— Сначала посмотрим однокомнатную квартиру здесь, потом двухкомнатную в соседнем доме. Входи-

те, — сказал Роберто, отворив наружную дверь и пропуская Лану вперёд.

К её удивлению, квартира превзошла её ожидания: хорошая планировка, высокие потолки, светлая, ещё и с балконом. Всё целое, хоть и не новое. Модерновый душ в ванной. Уютная спальня. Хоть сегодня въезжай и живи.

— Всё исправно, всё в рабочем состоянии, — сказал Роберто, не сводя с Ланы наглых насмешливых глаз, когда она открывала дверцы кухонных пеналов. — Кстати, месторасположение этого дома тоже очень выгодное: отсюда до моря пятнадцать минут ходьбы, а до центра — пять. Тихо, спокойно, комары не кусают. Райское место.

— А русских здесь много?

— Русских вообще нет.

— Тогда действительно райское место.

— Хотите выпить просекко? — неожиданно предложил он.

— Да, не возражаю. Но только немножко, самую капельку, — согласилась вслух, а про себя отметила: «Вот сопляк. Он мне в сыновья годится. А туда же».

Парень достал из холодильника бутылку вина, взял с полки два бокала:

— Синьора, не переживайте, они чистые, я их недавно мыл, — сказал он, загадочно улыбнувшись.

Лана не поняла смысла этой шутки, вызвавшей у него улыбку. Подойдя к раковине, она всё-таки помыла два бокала и, вытерев их бумажным полотенцем, поставила на столик:

— Наливай!

«Пш-ш-шш-ш...» — зашипело в его руках полившееся в бокалы прозрачное игристое вино.

— Пожалуйста, — он подал Лане полный бокал.

— Спасибо, — ответила она учтиво, изобразив вдобавок нечто, похожее на книксен.

— Нет такой женщины, которая бы не любила просеcco, — сказал Роберто со знанием дела. При этом глуповато улыбнулся. И наконец в этом важном, не по возрасту деловом юноше с его не по возрасту похотливыми глазами промелькнуло что-то простенькое и живое, от мальчика провинциального городка Тосканы. — Выпьем за то, чтобы сделка состоялась.

— Окей. *Домовились*,* — добавила Лана по-украински.

Они легонько сдвинули бокалы, и она неспешно поднесла свой к губам.

— Да, приятное вино. Очень приятное, — похвалила она с улыбкой, поставив пустой бокал на стол. «Фу. Какая кислятина. Как такое можно пить?»

Тем не менее от вина по всему её телу быстро потекло благодатное тепло и даже слегка зашумело в голове.

— Ваша подруга из Америки, хоть и американка, очень любит Украину, как и вы. Поэтому она работает в Украине журналисткой, рискуя жизнью. Показывала мне свои смешные украинские тату. Но она мне призналась, что её татуировки не настоящие, а временные. Зато у меня настоящая, — он задрал рукав футболки, обнажив плечо, покрытое художественной татуировкой единорога. — Нравится?

— Да, неплохо.

— А у вас есть какие-нибудь тату?

— Нет, пока нет. Похвастаться нечем.

— Ваша подруга тоже смотрела эту квартиру. Сказала, что мечтает свить здесь себе гнёздышко, чтобы ворковать в нём со своим голубком. Сказала, что эта квар-

* Договорились.

тира ей в целом понравилась, правда, нужно будет здесь сделать ремонт и обставить шикарной мебелью. Но прежде, чем принять окончательное решение, она хочет приехать сюда со своим бойфрендом, чтобы тот тоже посмотрел.

— Она мне не подруга. Она случайная знакомая моего мужа, — уточнила Лана. Последние услышанные слова поразили её. Откуда-то снизу, с самой утробы, начала подниматься волна обиды и ревности. И дикой острой боли. — Ты с ней тоже здесь пил вино? — спросила Лана напрямую, пристально посмотрев ему в глаза.

— Да, — ответил он, не моргнув, и снова уставился на Лану наглыми глазами. — Хотите ещё вина?

— Ты меня спаиваешь. Признавайся, это твоя цель?

Он молча кивнул, разливая вино по бокалам.

— Я так и поняла.

Она осушила второй бокал до самого дна. И тут её прорвало:

— А знаешь, дружок, я куплю эту квартиру. Куплю, назло всем врагам. А ей с её бойфрендом — вот что, — Лана скрутила дулю и показала её кому-то невидимому в углу потолка. — Вот что ей достанется. Всё-таки я не зря сюда приехала! Не зря! Выследила её! Я ей устрою гнёздышко. А вот тебе, *bitch!* — закончила она свою пылкую речь, в этот раз показав тому же — неведомому и ненавистному в углу потолка — распрямлённый средний палец. — Вот!

Роберто недоуменно смотрел на эту женщину, опасаясь, что у неё галлюцинации или что-то типа того:

— По-моему, вы очень сердитесь на свою знакомую.

— Ты прав, сержусь, ещё и как! Потому что я тоже мечтаю здесь свить себе гнёздышко со своим голубком. Но это долгая запутанная история.

Роберто больше не пытался вникнуть в то, о чём она сейчас говорила. Отставив бокал, он неожиданно приблизился к ней и, медленно наклонившись, поцеловал её в губы.

«Это уже забавно, что-то новое. Не успела развестись, как обзавелась любовником... Неужели они с моим мужем уже занялись покупкой квартиры? Какая пруть. И какое бесстыдство. А я, щепетильная дура, решаю для себя, что можно, а что нельзя, что хорошо, а что плохо. Всё можно».

Весь этот поток рассуждений протекал в сознании Ланы своим чередом, как бы сам собой, и за ним устремилось её внимание. А то, что в это время Роберто обнял её за талию и, целуя её в шею и губы, вёл её к дивану, это как бы проходило без её участия, будто не с ней.

Он уже начал укладывать её на диван, прижимаясь к ней своим юным стройным телом.

— Синьора, мисс, мы дадим вам хорошую скидку... Вы прекрасны. Я люблю вас... — шептал он, не умолкая.

Лана, к своему удивлению, нашла себя уже в положении лёжа, со спущенными ниже колен трусами. Когда Роберто стал раздвигать ей ноги, в то же время расстёгивая ремень своих джинсов, Лана вдруг спохватилась, как хозяйка, которая в последнюю минуту вспомнила, что у неё на плите сейчас выкипит молоко. Она расхохоталась, причём так громко и дико, что Роберто опешил.

Сконфуженный, мальчик сполз с этой странной тёти и отошёл в сторону, не зная, что сие означает и как ему быть.

Время шло, а Лана судорожно била ногами. Она то смеялась, то кричала, то выла:

— Ы-ы-ы...

Потом её словно тошнило, казалось, её сейчас вырвет. Наконец села, мотая головой и вытирая слёзы с глаз и носа. Повторяла невнятно: «Нет, нет...» Достала из своей сумочки мобильник, позвонила куда-то, но никто не отозвался. Оставила сообщение какому-то Лео, умоляя, чтобы тот ей перезвонил.

Поднявшись, Лана подошла к зеркалу и, не обращая внимания на сконфуженного мальчика и совершенно не стыдясь его, будто его сейчас и вовсе не было в этой квартире, кое-как привела себя в порядок. И, всё ещё всхлипывая, вышла.

Только ветер знает все тайны моря

Обнаружив, что Ланы дома нет, и после короткого разговора с сыном («Мама куда-то уехала, сказала, что вернётся к обеду»), Лео поначалу был удивлён. За годы супружеской жизни он привык, что Лана всегда ему сообщает о своих планах заранее и согласовывает с ним. И вдруг — на тебе: «уехала куда-то, до обеда». Такое своеволие жены ему, разумеется, не понравилось. Он даже было решил высказать позже ей своё недовольство. Но вспомнил об их вчерашнем разговоре и об их обоюдном согласии развестись по возвращении в Нью-Йорк. А здесь, в Италии, они «отбудут» свой отпуск, оставаясь супругами как бы формально, раз уж так случилось.

«Что ж, по сути, она вправе распоряжаться своей судьбой, не спрашивая меня», — признал он. И хотя такой вывод был верен с точки зрения логики, в глубине души Лео всё же не был ему рад, вернее, это было непривычно — замашки «собственника-патриарха» быстро не ломаются, во всяком случае, не за одну ночь.

Выйдя на балкон и удостоверившись, что погода замечательная, он бросил взгляд на лежавшего в кровати сына с уже включённым телефоном в руках:

— Ты что, собираешься целый день проваляться в кровати с телефоном? Ну-ка, вставай. Пойдём на пляж. Шлевелись, по-солдатски, чтобы через пять минут был готов.

Марк что-то пробурчал насчёт «поесть», но Лео перебил:

— Потом поешь, с голоду не умрёшь.

После того инцидента во Флоренции, когда Лео вывел Марка из полицейского участка, отчитал, а потом произошла сцена, к счастью, закончившаяся не настоящей дракой, а лишь одним отцовским ударом, отношения между сыном и отцом стали ещё хуже, чем были прежде. Правда, они уже кое-как общались — но по самым простым бытовым вопросам.

И вот они на пляже.

Два дня назад был такой шторм, что, казалось, вот-вот из мраморной пены образуются табуны несущихся к берегу гигантских коней! Зато сегодня утром Тирренское море — как ласковый котёнок. Первые пляжники уже купались и загорали. Лео с Марком быстро перекусили в открытом баре на берегу, заняли лежаки и пошли купаться.

Оба — отец и сын — плавали хорошо, можно сказать, даже очень хорошо. Марк в школе одно время посещал секцию плавания, освоил технику и самостоятельно усовершенствовал её. А Лео научился плавать ещё в Киеве на Днепре, продолжая свои заплывы в Атлантическом океане.

Выйдя из воды, Марк потряс головой с мокрыми волосами, надел солнцезащитные очки и, улёгшись на топчан, взял в руки какую-то книгу, привезённую из Нью-Йорка. Тем временем Лео, сидя на топчане, глядел вдаль, размышлял о своём новом положении «холостяка с любовницей».

«А ведь Джен права: всё это время, особенно последние годы, я не жил — прозябал и в семье, и на работе.

Покрывался пылью. Поэтому и начал пить, между прочим. У каждого человека, тем более у мужчины, есть своя миссия на земле. Эта миссия может заключаться в работе, в любви к единственной женщине, в каком-то поступке, который приводит мужчину на новую дорогу. Вот, к примеру, приятель Олег: мужик всю жизнь непонятно чем занимался, торговал прошлогодним снегом, если работал по специальности, то за большие бабки писал всякую рекламную муру в пресс-центрах во время выборов. Но началась война, *москаль* пришёл насиловать и убивать, — Олег отправился на фронт защищать свою страну, как бы пафосно это ни звучало. Теперь его жизнь наполнена глубочайшим смыслом, а вся та ерунда, которой он занимался до этого, ему спишется. И всем, кто воюет за Украину, и тем более, всем, кто погиб, всё спишется — ТАМ...

А мне судьба даёт редкий шанс: работа в американской газете, поездка в Украину, где война, и... такая необычная женщина, ради которой можно идти в огонь и воду. Если упущу такой шанс, буду круглым идиотом. Только не надо! Не надо утверждать, что это ребячество, что взрослые люди так себя не ведут, ведь мы с Джен практически не знакомы. Е-рун-да! Бывает, что люди встречаются пять дней, женятся и потом счастливы в браке всю жизнь. А другие встречаются пять лет, женятся, и через неделю друг друга терпеть не могут».

Зазвонил его мобильник. Джен!

— Привет.

— Привет.

— Ты где сейчас?

— В Сан-Винченцо. На море. Думаю о тебе. А ты где?

— Всё там же — во Флоренции, у себя в гостинице. Только что приняла душ и не знаю, чем себя занять.

Я тоже постоянно думаю о тебе, мне часто кажется, что ты рядом. Между прочим, после нашей поездки на Эльбу и встречи с теми ужасными змеями я всю ночь не могла заснуть, одна в номере... Когда мы встретимся?

— А когда ты свободна?

— Для тебя — круглосуточно, семь дней в неделю. Приезжай ко мне завтра, с утра пораньше. Сможешь?

— Договорились. Чем ты будешь заниматься сегодня?

— Пока не знаю. Наверное, смогаюсь в Пизу, посмотрю на Пизанскую башню, как она падает.

— Тогда до завтра.

Отключив телефон, Лео посмотрел на уснувшего на топчане Марка с раскрытой книгой на груди. Вспомнил слова Джен, которая в своей манере полушутя-полувсерьёз пообещала ему родить замечательного сына. «Вот и хорошо. Я заслужил испытать в жизни и радость отцовства тоже».

Он побрёл вдоль берега. Удалился в относительно малолюдный участок, где отдыхали молодые итальянцы. Трудно было не обратить на них внимание: женщины — черноволосые, загоревшие, стройные, многие без лифчиков; мужчины — тоже смуглые, подтянутые, полные энергии. «Красивая нация, не поспоришь».

Остановившись, Лео вошёл в воду по колено. Всё это время, с самого утра, он присматривался к одной колонне вдали на тёмном крохотном островке. С берега, правда, было не разглядеть, колонна то или скала. Этот островок находился довольно далеко, чтобы туда плыть.

У Лео и не было таких планов. Да и зачем ему совершать такие подвиги? Он сделал ещё несколько шагов вперёд. Мелкие камешки на дне закололи стопы, и когда песчаное дно сменилось каменистым, Лео нырнул.

Вода в Тирренском море на Тосканском побережье летом заслуживает самых высоких оценок. В меру солёная, но не режет глаза. В меру тёплая, но бодрит. В такой воде трудно устать от плавания и так же трудно замёрзнуть. В такой воде можно устанавливать мировые рекорды по плаванию любым стилем, вода сама регулирует работу твоего тела, синхронность движений всех его членов и дыхание. Такой воде нужно просто отдать себя — своё тело и своё дыхание, и тогда ты рыба, дельфин.

Лео заплыл от берега на приличное расстояние. До его слуха уже не долетали ни крики и смех пляжников на берегу, ни музыка из бара. Были только слышны бесконечные шлепки мелких волн рядом, изредка до его уха доносился писк пролетающих неподалёку чаек.

Он всё ещё не собирался плыть к тому островку. Но, к своему удивлению, заметил, что приближается к нему намного быстрее ожидаемого и с малой, почти незаметной затратой сил. Оглянувшись, увидел берег, где люди выглядели малоподвижными жучками. К берегу ещё можно было легко вернуться, берег был всё-таки ближе, чем островок впереди. К тому же возвращение на берег — всегда надёжнее, спокойнее, всегда есть уверенность — ведь путь назад проверен.

Но такая замечательная была вода! И так чудесно ощущало себя тело в этой воде, каждая его косточка и мышца. Лео охватила дикая радость оттого, что он сейчас здесь, один, что жизнь ему когда-то была дарована, что ничего не может быть ценнее, прекраснее и дороже этой жизни. Он закричал и засмеялся, громко так, чтобы хорошо услышать свой смех. «Йя-я! Ай-я!» И поплыл вперёд, даже несколько раз перекувыркнувшись под водой. В какой-то миг ему подумалось, что он родился в воде и что может в ней жить. Он плыл вперёд, сначала

ла чередуя брасс и кроль. И островок всё так же быстро приближался к нему.

Единственное, что Лео не учёл, так это неизбежный эффект аберрации, искажённое восприятие расстояния до предмета, часто возникающее у пловца. Это случается по нескольким причинам. Во-первых, человек не учитывает того факта, что это расстояние нужно преодолеть в воде, а не пешком. А во-вторых, в открытом море отсутствуют зрительные ориентиры, по которым можно судить, насколько в действительности далека цель и какова реальная скорость движения. Одним словом, через некоторое время Лео стал чувствовать, что плыть кролем ему уже трудно, а дыхание начало сбиваться. Здесь, далеко от берега, вода была не такой тёплой и по мере удаления становилась холодней. Его тело затрачивало уже гораздо больше энергии.

Он занервничал. Сначала едва заметно — всё же старался сохранять спокойствие. Но вскоре сердце стало часто стучать уже не от физической работы, а от испуга. Так сильно, что казалось, буквально ударяет в грудную клетку. Шум моря становился всё ощутимее, потому что волны здесь были не такими мелкими и слабенькими, как у самого берега, а посильнее и повыше. Он боялся оглядываться, чтобы не видеть, насколько далеко заплыл. Самое неприятное заключалось в том, что в его ногах стало тянуть жилы, а это было явным признаком начавшегося переохлаждения, что могло закончиться судорогами.

«Идиот! Когда-то, будучи подростком, я едва не утонул в Днепре. Мало, что ли? Но ведь не утонул же! Спокойно. Спокойно».

Он старался овладеть собой и не предаваться панике. «Паника — самое худшее, самое опасное, что может случиться. Паника может тебя утопить».

Он вспомнил, как несколько раз был свидетелем, как тонули люди в Нью-Йорке, на полудиких пляжах. Как они заплывали очень далеко, потом звали на помощь, но не всегда удавалось их спасти, они уходили на дно раньше, чем к ним доплывали спасатели. Потом вызывали команду водолазов, над местом утопления кружили вертолёты, ограждая пространство огромными надувными оранжевыми шарами по периметру в том месте. Но чаще всего там уже никого не находили, сильные подводные течения быстро уволокивали утонувшего неизвестно куда.

«Поэтому я не буду звать на помощь. Я заплыл слишком далеко, всё равно уже не успеют... Какой же я кретин! А час назад так мудро рассуждал о смысле жизни и миссии мужчины на земле!.. Если я утону, это будет просто глупо. Погибнуть не от пули врага, не спасая кого-то от насильника или грабителя, даже не от болезни. Утонуть по глупости, по своей собачьей глупости. По пьяне, по случайности бессмысленно тонут миллионы людей».

Всё это время, чтобы сдерживать свой страх, он размышлял о бессмысленности жизни и смерти, продолжая плыть, максимально экономя силы, стремясь не делать ни малейшего лишнего движения. Он уже нахлебался солёной воды, от чего начало мутить в животе.

«Это же так страшно — быть одному в море. Одному. И никого рядом. Некому тебя спасти. Это непостижимо для человеческого разума — совершенное одиночество человека в огромном море...»

— Ох-о-ох... Х-кхо.. А-а.. а-а... — со стонами, тяжело дыша, он выполз на заветный островок, раздирая в кровь колени о камни. Лёг животом на холодные камни. Всё его тело содрогалось. — А-а... К-хар-р...

Он стонал, обнимая камни обессилевшими руками и целуя их уже бесчувственными от холода и соли губами.

Сидевшая на камне чайка, сорвавшись, улетела с недовольным криком.

Через некоторое время он приподнялся. Придерживаясь рукой за камни, чтобы не поскользнуться и не упасть, оглянулся. Берег далеко. Как он теперь понимает, — очень далеко. Хотя кажется — опять-таки — совсем рядом: пять минут на машине по шоссе или полчаса быстрой ходьбы.

Он подошёл к колонне, установленной в центре (всё-таки это была колонна, а не скала, как казалось с берега). Невысокая светлая колонна, когда-то поломанная сверху после падения или мощного удара. Она была погружена в сделанное между камней углубление, закреплена, а потом снова привалена камнями. Стояла прочно, не шелохнулась и после того, как Лео сильно надавил на неё рукой. Кто-то из посетителей, как водится, увековечил своё пребывание здесь. Скорее всего, это был не один «художник», и прибывали сюда не вплавь, как Лео, а на лодках и катерах. Снизу, поближе к воде, рисунки были совсем блёклыми, словно размытые волнами во время приливов и штормов. Зато вверху сохранились хорошо: граффити с изображениями крестов, якорей, ангелов и какие-то надписи на итальянском. В щелях между камней валялись пробки от бутылок. Ещё раз обойдя этот крохотный островок и больше не найдя здесь ничего примечательного, Лео сел на камни, прислонившись спиной к колонне, и стал смотреть вдаль. «Отдохну, полюбуюсь видами и поплыву обратно».

Вдали темнели острова архипелага. Там вон — Эльба, чудесная Эльба, кусочек рая, где они были с Джен. Они

оба запомнят этот день навсегда. А правее, далеко за Эльбой — другой остров — Корсика. А за Корсикой — едва видимый, остров пиратов Монте-Кристо. Да...

Шумели, хлюпались волны, разбиваясь о большие камни. Несколько чаек, набравшись смелости, приземлились здесь и стояли неподалёку от спавшего человека, прислонившегося спиной к колонне и свободно вытянувшего ноги вперёд.

Он улыбался во сне, вернее, не спал, а как бы грезил наяву. «Вот бы когда-нибудь в урочный час умереть так — свободным, в открытом море, где только волны, чайки и ветер. А тело пусть потом сожрут рыбы и птицы...» Он видел то порхающих над цветами бабочек, то глубоководных рыб, то колонны древних дворцов...

Вдруг кто-то легонько потряс его за плечо. Он всё ещё не раскрывал глаза, пребывая в блаженном полубытии. Но кто-то его похлопал ладонями по щекам уже достаточно сильно. Лео раскрыл глаза и поначалу не понял, проснулся ли он или продолжает грезить.

Перед ним стоял Марк, взволнованно наклонившись к нему:

— Папа, проснись. Папа, ты окей?

Лео окончательно пришёл в себя:

— Сынок, ты как сюда добрался? Почему ты здесь? — он поднялся.

— Я проснулся, а тебя нет. Стал искать тебя на пляже, нигде не нашёл. Твой телефон остался на шезлонге, — объяснил Марк, ещё тяжело дыша после долгого плавания. — Потом я увидел, что какой-то мужчина сидит на островке. Я понял сразу, кто это. Я за тебя испугался...

Лео замер. «Что?! Он же мог утонуть из-за меня!» Наклонив голову, он сильно, до боли стал сдвигать кожу на лбу. Ему открылось то, что всегда было у него перед

носом, чего он, слепец, не видел и не понимал, что было очевидным всем, кроме него.

А Марк стоял над ним, пытаясь догадаться, что сейчас происходит в душе отца. Интуиция ему подсказывала — нечто очень важное.

— Папа, ты в порядке?

— Да-да, всё в порядке...

Некоторое время они смотрели друг на друга. Не говоря больше ни слова, Лео неожиданно обнял Марка за плечи и крепко, как мог, прижал к себе...

Улыбаясь после таких крепких и приятных — таких отцовских — объятий, Марк сел на камни. Дыхание его ещё было прерывистым, тело изредка вздрагивало. Согнув ноги, он начал поглаживать коленные чашечки.

— Болят? — спросил Лео. Присев перед сыном на корточки, он стал массировать Марку мышцы на ногах и на плечах, в то же время будто бы ощупывая его, желая убедиться, что перед ним сын, его родной сын...

Вернувшись на берег, они смыли соль под душем с пресной водой и пошли в открытый бар на берегу. Заказали полный стол, устроили настоящий пир. Ели, пили и разговаривали обо всём, что взбрело в голову.

В Пизе

Тем временем Лана, покинув тот дом в Чечине, где её столь сильно возжелал юный риэлтер по имени Роберто, ждала на вокзале поезда, чтобы ехать обратно. Однако на электронном табло появилось объявление, что поезд в Сен-Винченцо в связи с предстоящей забастовкой железнодорожников задерживается на два с половиной часа. Зато, если верить информации на том же табло, несколько поездов сменили свои маршруты и расписание и пойдут безостановочно через Пизу. Иными словами, выбор у Ланы был невелик: либо околачиваться два с половиной часа на вокзале, либо поехать в Пизу и краешком глаза посмотреть на Пизанскую башню и на город в целом, а оттуда уже прямым ходом вернуться в Сан-Винченцо. Лана выбрала последнее. «Жаль, что Марчика нет со мной, поехали бы в Пизу вдвоём».

Вскоре она ходила по улицам старинного города. Конечно, посмотрела на знаменитую Пизанскую башню. Любопытно, что наклон этой башни хорошо открывается с определённых мест, в зависимости от угла обзора. Скажем, если стоять лицом напротив входа, то её наклон почти не заметен. Стоит же отойти влево — тогда и вправду возникает впечатление, что гигантское строение вот-вот грохнется наземь.

Времени у Ланы было предостаточно, и она решила прогуляться по улицам Пизы. Прогулки по городу Лану всегда успокаивали. Даже в Нью-Йорке, городе небоскрёбов, от которых у нормального человека возникает ощущение подавленности, Лана находила тихие кварталы, где дома с интересной лепкой, узорчатыми коваными оградами и причудливыми рамами. Осматривание таких домов было одним из её любимых занятий, чего никогда не разделяли с ней ни муж, ни сын, поэтому со временем Лана устраивала такие успокоительно-познавательные прогулки в одиночку для себя самой и во время ланча, и после работы. Это в Нью-Йорке. Что же тогда говорить о Пизе, где на каждом повороте — часовни и замки, где европейская история рассыпана на каждой улице, отпечатана в каждом камне?!

Лана старалась забыть об утреннем происшествии, когда ею едва не овладел наглый юноша, воспользовавшись её минутной слабостью. И это бы произошло, не случись с ней настоящая истерика. Прогулка по Пизе вернула ей душевное спокойствие, её врождённое эстетическое чувство взяло верх, подавив накопившийся в душе негатив. Лана мысленно перенеслась на века назад...

Здесь для чуткого уха и проницательного глаза ещё раздавался звон сабель, громы пушек и конский топот. Повсюду стояли виселицы с повешенными разбойниками и предателями, и на церковные кладбища вереницы телег свозили умерших от чумы. В этом городе некогда стоял со своей армией Чезаре Борджиа, захвативший Пизу и оккупировавший другие города Тосканы, угрожая Флоренции. Его армия состояла из кондотьеров-наёмников, горстки преданных ему командиров и примкнувших к ним банд разбойников-головорезов.

Чезаре пытался захватить побольше территории и сломить сопротивление Флоренции, чтобы потом диктовать условия Риму и Венеции. Но для этого ему нужно было справиться с Медичи, что было весьма непросто даже для такого расчётливого политика и жестокого полководца.

Медичи, Чезаре Борджиа, Сфорца — Король Миланский, все они тогда непрерывно воевали между собой, воевали за власть, за деньги, за королевства. Они истощили друг друга в междоусобицах, но ни у кого из них не хватило сил, чтобы стать единовластным правителем всей Италии. Однако какими бы они ни были, но, по мнению Ланы, эти люди принадлежали к типу настоящих личностей: они постоянно брали на себя ответственность и рисковали своей жизнью, зная, что в любую минуту их могут убить на войне враги или отравить «свои же». Поэтому от них требовалось постоянно принимать решения — решения, совершать поступки — поступки, а не бесконечно телепать языком и по-хулигански изгибаться в реверансах, как это делают всякие Макроны, Стармеры, де Веверы и три дюжины им подобным европейских лидеров, меняющих свои взгляды каждые полчаса с единственной целью — ничего не менять по сути.

«А что же не лидеры, но обычные европейцы, так сказать, правнуки славных прадедов Возрождения? Смотрю я на всю эту красоту, на эти счастливые лица итальянцев, французов, немцев. Как все они здесь красиво пьют вино в ресторанах, смеются, шутят, ходят в храмы и музеи, короче, наслаждаются жизнью. Потом смотрю новости из Украины или разговариваю со своими подругами в Киеве. И после этого мне хочется, чтобы на их города — на Париж, или Мадрид, или даже на эту

Пизу — упала хотя бы одна русская ракета. Да, хорошая российская ракета, выпущенная с какого-нибудь российского самолёта или корабля. И чтобы взорвалась с такой силой, чтобы рухнула не только Пизанская башня, но и содрогнулся весь город. Может, тогда они проснутся, эти изнеженные европейцы? Перестанут красиво говорить, а начнут что-то делать? Или их уже не разбудит даже это?»

Печально вздохнув, Лана посмотрела на часики. Пора было завершать прогулку и идти на вокзал. Она миновала очередной открытый бар, где за столиками сидели посетители, но какая-то сила заставила её остановиться и оглянуться.

Неизвестно, сколько времени прошло, пока две женщины — одна сидевшая за столиком в баре, другая — стоявшая перед ней, не проронив ни звука, смотрели одна на другую. Но их молчание гремело громами.

— *Good evening, Jenn. Добрый вечер*, — наконец сказала Лана сначала на английском, потом на украинском. Голос её был ровен и приветлив.

— *Добрый вечер*, — ответила Джен. Её голос был ровен, так же, как и у Ланы. Правда, брови едва заметно вздрогнули от удивления.

Перед Джен на столе стоял столовый прибор и большой бокал апельсинового сока, в котором плавали кубики льда. А в тарелке лежал разрезанный на ровные дольки стейк.

Лана не шевелилась. Она буквально ощущала всем нутром, как гнев, смешанный с обидой и ревностью, и радостное предвкушение мщения — эта гремучая смесь заклокотала в её сердце.

— Не возражаешь, если я ненадолго составлю тебе компанию? — спросила Лана сахарным голоском и, не

получив ответа, села на пустой стул. — Как поживаешь, дорогая?

— Всё хорошо, всё окей. Наслаждаюсь Италией. А ты как?

— У меня тоже всё превосходно, лучшего нельзя пожелать.

— Как дела у твоего мужа? — спросила Джен невинным голосом.

— У него тоже всё прекрасно, — с лица Ланы наконец сошла притворная вежливость.

Слегка подав корпус вперёд, она промолвила, понизив голос, но чётко артикулируя каждое слово:

— Я хочу открыть тебе один твой секрет. Ты не журналистка по имени Джен Моррисон.

— Во как? — с лица Джен тоже сошло притворное добродушие. Она отложила нож и вилку. — Я очень люблю раскрытые секреты. Почему же, по-твоему, я не журналистка Джен Моррисон?

— Её последний репортаж об Украине в *US Today* был написан три дня назад, я его читала, а ты в это время была в Италии.

— Бог ты мой, открытие! Ты ничего не смыслишь в журналистской кухне. К твоему сведению, большинство статей «с места событий» сегодня пишутся, не выходя из офиса, который может находиться в другой стране. А ты что, собираешься вывести меня на чистую воду? Ну-ну.

Джен весело подмигнула ей. Взяв бокал, беззаботно потянула сок через трубочку.

Подошёл официант, спросил у Ланы, желает ли синьора что-либо заказать.

— Если можно, только стакан воды со льдом.

Кивнув, официант удалился.

— Всё равно, ты вся лживая, сверху донизу, до самых трусов, вся соткана из лжи. И даже украинские наколки у тебя временные, а не настоящие. И мужа у тебя нет, это очень легко распознать, замужем женщина или нет. Ты опасная авантюристка. А мой дурак тебе верит. Он потерял голову... Отойди от него, оставь его мне. У меня семья, ребёнок. Всё равно он перебесится и вернётся ко мне.

Джен пристально смотрела на Лану, легонько барабанила пальцами по столу. Сказала наконец:

— А вот не уступлю. Он мне тоже нужен. Я люблю твоего мужа, поняла?

Снова возникла долгая пауза. Обе женщины понимали, что ещё одна такая возможность встретиться тет-а-тет и так поговорить им скоро вряд ли представится, если представится вообще.

Пришёл официант, поставил перед Ланой стакан воды со льдом и удалился.

— Если не секрет, как ты узнала, что мои татуировки временные? — Джен нарушила молчание. Почему-то её заинтересовал этот чепуховый вопрос в данной ситуации, когда речь шла о судьбах нескольких людей.

— Мне про них рассказал сын хозяина агентства по недвижимости в Чечине, я там сегодня смотрела квартиру. Мальчика зовут Роберто, помнишь такого? Очень скромный мальчик. Тебе нужно меньше пить просекко с незнакомыми мужчинами и не шляться по чужим домам, как шлюха, тогда будешь держать свой язык за зубами.

— Во как? Значит, ты следишь за мной? А ты не такая простушка, как мне показалась вначале. До сих пор жалею, что дала тебе адрес этого агентства, дёрнул же меня чёрт... Впрочем, мне совершенно безразлично,

кто и какие гадости обо мне рассказывает. Ты просто не знаешь, что придумать, чтобы отомстить мне за своего мужа. Что поделаться, дорогая? Ты ему надоела, как смерть, он сам мне об этом говорил. Запомни: настоящая женщина должна уметь удерживать мужчину возле себя, она должна для него всегда находиться в центре, иначе он уйдёт. А ты этого не умеешь, — Джен снова игриво подмигнула Лане. — Всё, бесплатная женская консультация закончилась. А теперь — пошла вон, поняла? Ты мне портишь приятный день.

— Ах, какие мы нежные! Я тебе порчу день? А ты мне испортила всю поездку! Больше того — всю жизнь! Ты толстозадая мерзость! — недолго думая, Лана схватила со столика стоявший перед ней полный стакан воды и движением опытной хозяйки плеснула его содержимое прямо в лицо Джен.

— Ах ты *fucking bitch!* — Джен вскочила со стула, оглядывая свою футболку в тёмных пятнах и вытирая мокрое лицо. Метнув на Лану молнию, покрутила пальцем у виска и громко членораздельно произнесла по-русски: — Ман-да-вош-ка-из-пи-зы.

— *Що?!* — лицо Ланы покраснело, как свёкла. И вдруг бурным потоком из неё хлынули украинские проклятия, которые она часто слышала в детстве от родной бабушки. — *А щоб ти, стерво, впала з моста! Щоб у тебе пір'я в роті поросло! Щоб тебе качка копнула!..*

Посетители в баре устремили взгляды на двух очаровательных женщин, осыпавших друг дружку ругательствами на непонятном языке и готовых вот-вот вцепиться одна другой в глотку. Некоторые из сидевших за столиками достали мобильники и начали съёмку, чтобы заснять весь эпизод, от начала до конца, каким бы этот конец ни был.

Кто знает, не закончилась бы эта словесная перебранка настоящей дракой (а женские драки бывают очень жестокими), если бы выбежавшие на крики официанты не вмешались и не развели соперниц в стороны.

В поезде по дороге домой Лана дала себе клятву больше не следить ни за своим мужем, ни за его любовницей. «Пусть делают, что хотят. Бог им судья».

Райские кущи для женщин

— Я немного опоздал. Хотел ехать поездом, но у них сегодня на железной дороге профсоюзная забастовка, многие поезда не ходят. Пришлось взять в аренду машину, — объяснил Лео, выйдя из серебристой «Тойоты».

Они быстро поцеловались, так, как будто это уже было их давней традицией — целоваться при встрече.

— К бардаку в Италии нужно всегда быть готовым. — Ты будешь со мной целый день?

— Да.

— Замечательно. Тогда план таков: припаркуем где-нибудь машину и сначала пойдём ко мне в гостиницу. Я так по тебе соскучилась, — она ласково прижалась к его руке.

— Окей. Садись.

Джен запрыгнула в машину, и они стали кружить по городу в поисках парковки.

— Твоя жена, случайно, не говорила тебе что-либо обо мне?

— Что она могла мне сказать о тебе?

— Мы с ней вчера случайно встретились в Пизе. Посидели в кафе за столиком и обменялись любезностями. Она стала меня упрашивать, чтобы я тебя уступила ей, даже предлагала деньги. Представляешь?

— Впервые об этом слышу. К твоему сведению, мы с ней практически не разговариваем. Более того, мы решили развестись.

— Это правда? Ты меня не обманываешь?

— Чистая правда.

— Боже, я сейчас умру от счастья... — промолвила Джен. Она откинулась на сиденье и закрыла глаза. Через мгновение по её щеке покатились слезинка...

Они припарковали машину на малолюдной улочке и, обнявшись, пошли в гостиницу. В номере всё происходило, как и предполагалось: они смеялись, шептали друг другу на ушко ласковые слова, короче, ворковали, как два голубка. Единственное, что Лео слегка раздражало, так это манера Джен не выпускать мобильник из рук и отвечать на сообщения даже во время оргазма.

И надо ж было такому случиться, что их забавы снова были прерваны, как и недавно на Эльбе: только тогда на Эльбе на них испражнилась пролетевшая над катером чайка, а сейчас кто-то постучал в дверь. Сначала стук был лёгким, едва слышимым — мелкой дробью пальцами, но вскоре дробь переросла в настойчивые негромкие удары. Переглянувшись, они подозрительно посмотрели на дверь, за которой явно кто-то стоял и не собирался уходить, пока ему не откроют.

— Кто там? — громко спросил Лео.

— Откройте, пожалуйста, — раздался пискливый голос, принадлежавший — непонятно — мужчине или женщине.

— Гм-м, — Лео поднялся. Наспех обмотав свои бёдра широким полотенцем, направился к двери, в которую некто продолжал настырно стучать.

— Подожди ты тарабанить, — недовольно пробурчал Лео по-русски, повернув рычажок замка.

Перед ним на пороге стоял неопределённого возраста азиат — то ли филиппинец, то ли таиландец, коротко-стриженный, сухощавый, невысокого роста, в одних шортах. Лицо его было гладким, без единой морщины, редкие брови аккуратно подведены чёрным карандашом. Азиат держал в руке бутылку вина и улыбался во весь рот.

Некоторое время оба — Лео и гость — стояли в полном замешательстве друг против друга, часто моргая.

— Вы к кому, синьор? — наконец, выдавил из себя Лео.

— К вам.

— Мой друг, ты ошибся адресом, видать, промахнулся этажом или перепутал номер, — Лео был готов расхохотаться, даже немного сочувствуя в душе этому незадачливому путешественнику, который так непростительно рассеян.

— Меня позвала... она, — пропищал мужчина, кивнув в направлении комнаты, где в кровати лежала Джен, прикрыв себя по грудь простынкой. — Она написала мне, чтобы я сейчас пришёл сюда с бутылкой вина. Что она меня ждёт, — он поднял в руке бутылку как убедительное доказательство правдивости своих слов.

— Ты в своём уме? — голос Лео с добродушно-шутливого сменился на серьёзный. — Или ты немного того, с приветом? Иди отсюда.

— Что значит «иди»? Я говорю правду. Сегодня утром во время завтрака мы с ней познакомились в буфете гостиницы, и она попросила мой номер телефона. Только что написала мне, чтобы я к вам пришёл, что вам нужен третий, — азиат снова широко улыбнулся, обнажив мелкие сахарные зубы. Затем сделал недвусмысленные непристойные движения высунутым языком.

— Что это за заморское чудо? — Лео повернулся к Джен, указывая на гостя. — Ты его знаешь?

Джен поднялась с кровати и, обернувшись белой простыней, как ожившая античная статуя, направилась к ним, шлёпая босыми ногами по кафелю. Лео показалось, что на её губах сейчас блуждает едва заметная улыбка.

— Ты что, и вправду его позвала сюда? — спросил Лео, не обращая внимания на мужчину, который имел нахальство проскользнуть в номер без приглашения, как та ящерица, и стал около стола.

— Ты спрашиваешь, кто этот узкоглазый? Я его тоже впервые вижу, как и ты, — ответила Джен. — Ты чего сюда припёрся? Кто тебя звал?

— Ну-ка, парень, выметайся отсюда подобру-поздорову. Иначе я тебе сейчас устрою и на троих, и на пятерых, — сказал Лео. Придерживая одной рукой полотенце на своих бёдрах, другой он крепко взял незваного гостя под руку и повёл к выходу.

Гость не оказывал ни малейшего сопротивления, только повторяя:

— Она меня пригласила к вам быть третьим... Если вы не хотите, то я извиняюсь.

Лёгким толчком Лео выпихнул азиата в коридор и хлопнул за ним дверь. Отряхнул руки:

— Настоящая кукольная комедия, как говорила моя покойная мама в таких случаях.

— Когда он вошёл в наш номер, стал напротив тебя, ещё и поднял бутылку, угрожая тебе, у меня сердце ушло в пятки. Ты же знаешь, какая я трусиха. Слава богу, он тебя не ударил, — Джен подошла к нему и, подняв руки, стала заботливо осматривать его лицо и ощупывать его голову, как сестра милосердия. Простыня медленно

сползла с её тела, но Джен не обращала на это внимания...

— Наконец-то мы смогли по-человечески побыть вдвоём, — сказала Джен, томно потянувшись. Она сползла с кровати, налила из бутылки апельсиновый сок и подала стакан ещё лежавшему в кровати Лео. — Прошу, синьор.

Он молча принял стакан и сделал пару глотков. Несмотря ни на что, его всё-таки не покидала смутная, нехорошая мысль — не подстроила ли пару часов назад Джен эту дурацкую сцену с азиатом? Вопрос был настолько неприятным, что Лео не хотел его себе задавать. Тем не менее он возникал сам собою.

— Ты чем-то недоволен? Что-то не так?

— Всё нормально... Послушай, не ты ли устроила эту кукольную комедию с узкоглазым извращенцем? Не ты ли и в самом деле пригласила его сюда?

Застигнутая врасплох прямым вопросом, Джен на миг смутилась.

— Я! Я! Ну и что? Я думала, что моё безобидное дурачество тебе понравится, что это будет смешно. Значит, я ошиблась.

— Да, я действительно немного чувствую себя дураком.

— У меня и в мыслях такого не было. Честное слово, я не хотела...

— Окей, проехали.

— Вот и хорошо. Не будем портить себе день из-за какой-то ерунды, — сев на край кровати, она стала ласково гладить Лео по щеке, не сводя с него лучистых влюблённых глаз. — Знаешь, куда мы сейчас пойдём? Никогда

не догадаешься. Я покажу тебе своё любимое место во Флоренции.

Толпы туристов с разных улиц города бурными ручьями втекали на Золотой мост, перекинутый через Арно.

Вид этого моста вызвал у Лео воспоминания о том, как совсем недавно они всей семьёй гуляли здесь по городу и остановились на этом мосту возле памятника Бенвенуто Челлини. И что произошло потом.

— На прошлой неделе мой сын напился в ночном баре и попытался на этом мосту ограбить ювелирный магазин. Слава богу, всё обошлось. Шалопай.

— Ничего себе. Ну и сынок у тебя, твоя кровь, — сказала Джен, улыбнувшись и бросив на своего ухажёра восхищённый взгляд сверкавших глаз. Её тёмно-карие глаза действительно имели редкое свойство сверкать, а сегодня это почему-то было заметно вдвойне. — Правда, будь я его матерью, я бы не хотела, чтобы мой сын вырос вором и грабителем.

— Больше никогда так не говори о моём сыне, — твёрдо сказал Лео с нотками вспыхнувшей сильной злобы в голосе. — Запомнила?

Джен нахмурилась, но промолчала. Вероятно, чутьё ей подсказало, что она заигралась, назвав сына своего любовника «вором и грабителем». Взяла Лео за руку и легонько её пожалала, что означало: «извини, виновата».

Они приблизились к уже знакомому бронзовому бюсту Бенвенуто Челлини. Опасаясь, чтобы Лео не стал ей сейчас рассказывать про очередную знаменитость, Джен опередила его, воскликнув:

— Мы у цели! Именно здесь находятся настоящие райские кущи для женщин! Подожди меня, ладно?

Я недолго, — и скрылась за дверью одного из ювелирных магазинов, как русалка под водой.

Прошло около получаса, но Джен не выходила, и Лео устал ждать. Он вошёл в тот магазин. Женщины возле зеркал примеряли различные украшения, причём выражение их лиц, осанка и позы постоянно менялись, как у драматических актрис. Продавцы обслуживали покупательниц в высшей степени обходительно и серьёзно. Впрочем, было о чём поговорить и что серьёзно обсудить — цены на эти побрякушки были с таким количеством нулей, что едва умещались на маленьких бирках.

Возле одного стола собралась группа из трёх чернокожих парней лет двадцати пяти-семи, в которых Лео сразу легко признал своих соотечественников из Америки. Все ребята были крепкого сложения, плечисты, говорили громко, используя выражения и сленг негров из гетто. Они тоже выбирали себе крупные золотые цепочки, прикладывая их к широкой груди в чёрных футболках, и намеренно громко и нахально, чтобы их все слышали, обращались к продавцу:

— Эй, бро, мне нравится это дерьмо. Я ср...ть хотел на всё остальное здесь. Бро, сколько это стоит?

От них исходил крепкий запах табака, травы и специфических благовонных масел, которыми часто пользуются негры в Америке.

«Нью-йоркские наркочилеры, ни дать ни взять. Приехали специально сюда, во Флоренцию, покупать себе золотые цепи. Потом будут бахвалиться перед своими бро в Гарлеме», — заключил Лео, проходя мимо них и остановив свой взгляд на Джен, стоявшей у одной из витрин.

Она едва дышала, то наклонялась к самому стеклу так, что чуть ли не касалась его носом, то меняла угол

наклона своего тела, чтобы не мешали отсветы на стекле от ярких ламп. Лео подошёл к ней и взглянул, что она там, за стеклом, рассматривает.

— Это божественно, божественно. Такое вижу впервые в жизни. Девушка, можно посмотреть, — обратилась Джен к продавщице. — Да, вот этот, за пять тысяч.

Дрожащими руками, с прерывающимся дыханием, она надела на безымянный палец левой руки кольцо из белого золота, инкрустированное мелкими бриллиантами в виде лилий и крестиков. Поднесла его поближе к лицу, раздвинув все пальцы. Ей на глаза почему-то навернулись слёзы, казалось, ещё мгновение, и она рыдается.

— Синьора, вам света достаточно или добавить? — спросила продавщица, изменив угол лампы на высоком штативе. — Так лучше?

Неизвестно, сколько прошло времени, Лео казалось, лет десять, с того момента, как он вошёл в этот чудесный магазин, а Джен, по всему, и не собиралась оттуда выходить.

Он снова вышел наружу. Слушал итальянские песни под гитару, облокотившись на перила, и смотрел на реку. Всё решал для себя, должен ли он связывать судьбу с этой женщиной.

«А внизу, под мостом, в реке — ямы, там водятся сомы. Сомы любят ямы и прохладу... А как же быть с Марком, моим маленьким героем? А-ах!» Так вот бывает: одним своим поступком человек тебе вдруг откроется до самых своих глубин, и ты его крепко полюбишь на всю жизнь. Тем более, если речь идёт о родном сыне.

Лео снова вошёл в тот магазин, где неожиданно для себя нашёл Джен заводившей знакомство с теми тремя

чернокожими. Они о чём-то переговаривались и громко смеялись. Даже зачем-то обменялись телефонами.

— Мне не совсем понятно, что у тебя с ними общего? — недовольно спросил Лео, когда Джен попрощалась с этими парнями, которые пошли к выходу с купленными золотыми цепями на груди и золотыми перстнями на пальцах. — Обычные наркодилеры из криминального чёрного гетто.

— Во-первых, мне было интересно узнать, из какого они города. И я не ошиблась — они из Чикаго. А во-вторых, я считаю, что не нужно пренебрегать любыми знакомствами, ведь даже самый бесполезный, на первый взгляд, человек может оказаться тебе полезным. Такое у меня правило.

Лео молча пожал плечами, найдя такое объяснение по крайней мере странным. Через некоторое время он в третий раз вошёл в этот магазин уже с твёрдым намерением утянуть Джен оттуда. Видимо, Джен и сама догадывалась, что её время вышло, поэтому уже стояла возле кассы с каким-то неказистым браслетиком в руках.

— Решила себя хоть чем-то побаловать, — объяснила она подошедшему к ней Лео. И бросила на него взгляд, в котором Лео прочитал глубочайшее женское разочарование.

— Мисс, можно вас на минутку, — вдруг обратился Лео к продавщице, стоявшей неподалёку за столиком с бриллиантами. — Я хочу своей невесте купить одно колечко, идите за мной, я вам покажу, какое именно. Вот это, за пять тысяч.

— Лео, ты что, серьёзно? — залепетала Джен. — Перестань, не надо. Я прошу тебя, это же безумие. Мне неудобно, мне стыдно. Это же сумасшедшие деньги, мы

ведь с тобой так мало знакомы, подари его своей жене, она будет счастлива, она тебе всё простит. Я не смогу, не смогу принять от тебя такой подарок, я себя буду потом за это казнить. Что ты делаешь? Ты настоящий похититель, похитил меня, как древний римлянин сабинянку. Боже, как хорошо, что я бросила своего Билла, никогда ему не прощу его жлобство. А ты настоящий мужчина, у меня таких ещё никогда не было, ты пиздец какой крутой и секси, как Наполеон, Казанова и Бред Питт вместе взятые...

Уже был поздний вечер. Они стояли в малолюдном месте, вблизи аллейки, слабо освещённой фонарями. Возле кустов, воркуя, ходили голуби. Джен то и дело смотрела на своё новое кольцо, сверкавшее даже в темноте. А Лео держал в руке ключи от машины, которую за день здесь изрядно обгадили птицы.

— Какой сегодня был чудесный день. Каждая встреча с тобой — праздник. Ну почему ты опять уезжаешь? Останься со мной хоть до утра.

— Завтра рано утром мы едем в Рим, последняя точка нашего итальянского маршрута. Поэтому мне придётся поработать перевозчиком. Сын и жена рассчитывают, что я им помогу, я обещал.

— Тогда я завтра тоже поеду в Рим. Я всё равно должна была туда ехать через несколько дней, у меня там кое-какие дела по работе. Тем более Флоренция мне уже надоела, — она прильнула к нему. — Мне очень трудно каждый раз расставаться с тобой. Ты, наверное, меня уже изучил, заметил, что я суеверна. Каждый раз, когда мы с тобой расстаёмся, внутренний голос мне почему-то говорит, что мы больше никогда не увидимся.

— Ну-ну, этого ещё не хватало, — он прижал её к себе, стал гладить её по коротким милым кудряшкам. — Мы встретимся в Риме, и я уже никуда не уйду до самого отъезда. А потом очень скоро приеду к тебе в Киев, вернее, к себе в Киев, потому что это мой город, где я родился и вырос, и где сейчас...

— Почему бы тебе сразу из Рима не поехать со мной в Украину? У нас в Риме будет целая неделя, чтобы всё устроить.

— Хм-м. Надо подумать.

— Приедем в Украину и сразу встретимся с твоим другом на фронте, чтобы взять у него интервью. Это будет наш общий с тобой журналистский дебют. Однажды, помню, у нас было запланировано в Бахмуте интервью с одним лейтенантом. Всё было договорено, но когда наша команда села в машину, чтобы туда ехать, нам сообщили, что интервью отменяется, их там всех накрыло, никто не выжил.

— Это ужасно. Но с моим другом этого не случится. Я о таком даже думать не хочу.

— Я тоже, — она прижалась к нему ещё крепче. Но на её губах проскальзывала странная улыбка.

«Ла-на...»

Ночью Лана проснулась от непонятного шума. Темно. Глубокая ночь. Через приоткрытое окно в комнату влетает освежающий ветерок. Далеко вдали шумит море.

Лео рядом нет. Ещё не вернулся. Понятно, с кем он сейчас. Лана не будет ему звонить и спрашивать, когда он вернётся. «Надеюсь, он помнит о том, что мы завтра переезжаем в Рим. Скорей бы эта проклятая поездка закончилась».

Она проверила время в своём мобильнике и попыталась снова заснуть.

— Ла-на... — донёлся слабый, едва уловимый зов.

Она подумала, что это ей чудится.

— Ла-на... — настойчиво раздавалось с улицы.

Поднявшись, она подошла к окну и выглянула. Но пусто было под её окном — ни влюблённого музыканта с мандолиной, ни художника с мольбертом. Лишь только море настойчиво посылало ей свой зов: «Ла-на-а-а...»

Тут Лана вспомнила про художника Маттео, с которым случайно познакомилась на улице в этом городке. Из кармашка своей сумочки вынула пачку визиток, которые по привычке брала в разных женских магазинах. Нашла там визитку синьора Маттео, которую он ей дал, приглашая к себе в мастерскую. Написала ему:

«Дорогой синьор Маттео. Это Лана, украинка из Америки, мы с вами познакомились несколько дней назад на площади, где вы писали акварели. Помните меня? Извините, что так и не посетила вашу мастерскую. Завтра рано утром мы с семьёй уезжаем в Рим. Пробудем там неделю, а оттуда — в Нью-Йорк. Всего вам доброго! Творческих успехов и удачных заказов».

Часть четвёртая
РИМ

Из жизни императоров — бывших и нынешних

— **З**аслуживает особого внимания тот факт, что Колизей построили не во времена республики, а более чем через полвека после её падения, когда империя уже прочно утвердилась. Почему это важно? А потому что это проливает свет на перемену в нравах, в первую очередь, произошедших в римском обществе времён падения республики и установления монархии.

Итак, в Риме во время республики народные нравы были иными, если верить древним историкам — Тациту и Титу Ливию, даже если они и немного приукрашали добродетели римлян. Тем не менее есть все основания полагать, что римляне времён республики отличались мужеством, скромностью, патриотизмом и простотой. Им была чужда жажда роскоши, а ещё они были весьма трудолюбивы, сами же возделывали свои сады и огороды и занимались хозяйством. Римские воины отличались завидной выносливостью и закалкой, я тебе рассказывал про их кулинарный рацион, который тебе, к сожалению, не пришёлся по вкусу. Да, они не ели прошутто разных сортов, пасту, лазанью и т.д. в таких количествах, как поглощаем мы. Зато они постоянно совершали много мильные марш-броски, в зной и холод, неся на своих плечах походные вещмешки, оружие и всё снаряжение. Они очень ценили республиканское

правление, свои права и свободы и ненавидели царей. Вероятно, это звучит скучновато по нынешним меркам, но благодаря именно таким нравам за четыреста лет Рим из небольшого селения на Капитолийских холмах превратился в супердержаву. И никаких колизеев тогда не было и в помине.

Но с падением республики и возвышением империи вся она быстро покрылась сетью амфитеатров, схожих с римским Колизеем; в некотором смысле их можно сравнить с франчайзинговой сетью «Макдоналдс» и даже с зоопарками. Почему это случилось? Всё просто: императоры поняли: дабы народ содержать в подчинении, его нужно развращать. Ещё раз: развращать. Ведь развращённому народу всё, как говорится, по барабану, — и добродетели, и труд, и сама страна. Кто-то из древних историков пишет, что зрелища в Римском Колизее происходили 170–180 дней в году. Только вдумайся: ровно полгода сто тысяч человек — почётных жителей столицы — совершенно ничего не делали, а жрали и развлекались, причём совершенно бесплатно. Это мы сегодня должны платить за вход сюда, в Римский Колизей, и славные наследники древних римлян, конечно же, не упустили возможности, чтобы и тут содрать с туристов как можно больше денег: мы заплатили за обычный билет — и нам разрешили войти внутрь только на двадцать метров и только на двадцать минут. Чтобы подняться на второй ярус, нужно купить ещё один билет, а чтобы на самый верх — ещё один, и в подвалы Колизея — ещё билет, и к императорской ложе — ещё. Видишь, как нам, рядовым туристам, не повезло. А живи мы с тобой в Древнем Риме в эпоху императоров, мы бы могли сюда входить бесплатно, через день, круглый год, и не только наслаждаться кровавыми зре-

лищами, но и бесплатно кормиться из рук императоров, которые даже во времена засух, моров и войн обязаны были 175 дней в году устраивать народу зрелища, щедро его кормить и поить. Интересно, что ни один из благочестивых императоров, даже самый добродетельный из них — Марк Аврелий, который пользовался почётом и народной любовью за свою скромность и мудрость, даже он не рискнул закрыть Колизей и прекратить зрелища и бесплатные кормления огромной армии тунеядцев, в которую превратился некогда трудолюбивый римский народ. И христианство, несмотря на своё победное шествие по всей империи, тоже ничего не могло поделать с этой греховной напастью до тех пор, пока Римская империя окончательно не рухнула под ударами варварских орд.

Кстати говоря, первые христиане очень даже помогли императорам в устройстве развлечений, став неиссякаемым поставщиком человеческого мяса, которым в этом Колизее кормили львов, тигров и крокодилов. Да, животным нужно было что-то есть, а народ жаждал зрелищ, поэтому римские солдаты постоянно устраивали облавы на первых христиан, которые собирались за городом в катакомбах и славили Христа. Их выводили наружу, из катакомб, связывали и тысячами уводили в подвалы Колизея, где на следующий день они должны были быть разорваны на куски под восторженные крики зрителей и милые улыбки императоров. А ещё сюда, в подвалы Колизея, вели гладиаторов из рабов, которые тоже должны были завтра погибнуть в бою; вели пленников из дальних стран, везли в клетках львов и тигров, а в специальных цистернах с водой — крокодилов. Везли бунтовщиков, больных, короче, всех несчастных и невезучих сгоняли сюда на убой, в подвалы Колизея.

— Н-да... Неплохо-неплохо, — промолвил Марк и, придерживая дужку солнцезащитных очков, оглядел строение.

— Зато таким народом было очень легко управлять, императорам можно было не бояться народного гнева. Правда, народ всё же гневался, но только тогда, когда Колизей бывал почему-то закрыт или когда зрелища были слабенькими, крови не достаточно, а также мало хлеба, вина, мяса и прочей халявной жратвы. К хорошему быстро привыкаешь.

Ещё народ требовал, чтобы император тоже как можно чаще появлялся в Колизее и сидел в своей императорской ложе. Потому что народ уже был раболепен, стремился любыми способами войти к императору в доверие, обратить на себя его внимание своим подобострастным угодническим выражением лица и по-лакейски согнутой спиной.

Находишь ли ты, сынок, какие-то схожие черты описанного с нашей сегодняшней Америкой? Нет? Неужели? Подумай хорошо. Я просто хочу тебе объяснить, что нравы не постоянны, они меняются медленно, но коль скоро это произошло, то отмотать ленту назад становится очень трудно, практически невозможно. А нравы сильно влияют на политическую систему, трансформируя её до неузнаваемости. И наоборот.

Итак, на примере только одного Колизея я показал тебе, как хронологически изменились нравы древних римлян — со времени республики до империи, вплоть до её заката. Поэтому если при упоминании Древнего Рима тебе на ум приходит ревущая дикая толпа в Колизее, жаждавшая разорванных людей, бесплатной жратвы и императорского покровительственного похлопывания по щеке, то не забудь, что эта толпа принадлежит

к периоду империи, где уже никого не интересовала свобода и демократия. Запомнил?

Наши двадцать минут на обзор этой древней достопримечательности истекли, мы должны отсюда выметаться, согласно билетам. Пошли же дальше. На Форум, к Цезарю, Нерону, Титу и Калигуле. Познакомимся с ними.

Все трое — Лео, Марк и Лана — покинули Колизей и направились к другому «историческому» месту неподалёку.

Солнце уже припекало, едва уловимый звон в раскалённом воздухе предвещал знойный день. Лана хлебала воду из бутылки, накрыв голову платком, смоченным в фонтане. Лео и Марк тоже сполоснули у фонтана себе лица и побрызгали на футболки. Вода — это жизнь, буквально — в таком месте и в такое время. Затем все трое последовали за другими туристами сквозь железную раму детектора — знакомиться с императорами.

— Начнём с Юлия Гая Цезаря. Не только потому, что здесь находится его форум, а также покоится его погребальный пепел. А потому, что Цезарь был гением, из таких, без которых история человечества была бы совсем иной — хуже ли, лучше ли, — другой вопрос. Итак, слушай внимательно.

Юлий Цезарь стал императором не в один день. На политическом горизонте он появился в период, когда старая политическая система и уклад жизни в Риме уже прогнили, а новое ещё не возникло. Именно в такие переходные периоды часто появляются неординарные масштабные личности, которые задают направление всему народу и стране на долгие годы, порой на столетия. Тогда ещё молодому Цезарю быстро наскучила политическая грызня на форуме, постоянные интриги, коррупция

и демагогия сенаторов, кризис доверия к продажной власти, но об императорстве он ещё не мечтал. Просто для Рима возникла угроза от племени соседних галлов, и Цезарь отправился с войском на их усмирение. Я читал не раз его мемуары о войнах, которые он вёл, и пришёл к заключению, что Цезарь был, в первую очередь, гением-полководцем. До некоторого времени он и сам не знал, какой он гениальный полководец. Он был рождён для войны. Да, один рождается для искусства, другой — для рыбалки, третий — для служения Богу. А Цезарь — для войны. И вот, усмиряя соседей-галлов, он так ладно с ними справился, что вошёл во вкус и задался вопросом: зачем ему возвращаться в погрязший в политической грызне и разврате Рим, в то болото, если можно захватывать новые земли, покорять целые народы и государства? И он воевал — девять лет непрерывно вёл своих легионеров в Германию, через Альпы, в Англию, Испанию, Африку. Между прочим, сравни с путиним, известным под кличкой Хуйло, который, не сомневаюсь, мнит себя вторым Юлием Цезарем и за три с половиной года своей армией с огромными жертвами захватил лишь часть Покровска — районного центра в Донецкой области. Но мы отвлеклись.

Итак, за девять лет бесконечных военных походов Цезарь собрал могучую армию преданных ему солдат. Вернувшись в Рим, захватив полмира, он уже ощущал себя совсем другим человеком. Он захотел большего и потребовал большего. А Рим в то время богател от ограбленных новых земель, Рим пел, пил, голоса в Сенат продавались точно так же, как недавно на последних выборах в Штатах продавались голоса в американский Сенат, работать никто не хотел, да и не надо было работать с таким количеством рабов. По сути, уже не было тех

добродетельных римлян, ценивших свободу и любивших своё отечество. Это уже был сброд пришельцев из разных стран, кто мог себе позволить переехать и жить в Риме, чтобы пользоваться благами римской цивилизации. Где-то так, как сегодня США заселяют индусы, арабы, китайцы: приехав в Америку законно, они здесь работают в продвинутых отраслях, обзаводятся семьями. Они ценят только очевидные блага этой страны — комфорт и возможность заработать бешеные деньги, зато им всем абсолютно плевать на такие вещи, как свобода и демократия, и никогда, ни за какие коврижки они не пойдут эту страну защищать.

Ну и ещё: в Риме было полно всякого сброда, бомжей, воров и бежавших каторжников, которые устремлялись сюда отовсюду. Короче, такое вот печальное зрелище представлял собою некогда великий Древний Рим — там уже всё прогнило сверху донизу, и оставалось очень мало людей, готовых сражаться за идеалы республики. А Цезарь вернулся из девятилетнего похода, где каждый день рисковал своей жизнью на полях сражений. Ты бы на его месте не пожелал захватить власть? Тем более, за долгие годы военных походов он хорошо усвоил, что любые вопросы ему гораздо сподручнее решать не дипломатией, но силой. А сила за ним была нешуточная — четырнадцать отборных легионов, ветераны, обожжённые солнцем пустынь и омоченные ледяными дождями. С таким войском можно было переходить любой Рубикон, что он и сделал, развязав новую — уже гражданскую — войну за власть, которая длилась ещё четыре года. Как любой человек, стремившийся захватить власть для единоличного правления, он прикрывал свои подлинные намерения пацифистской демагогией. В своих письмах и обращениях к народу и Сенату он часто жалуется, что

его в Риме не любят, не ценят по достоинству, что он хочет мира и был вынужден начать эту гражданскую войну не ради своего тщеславия и жажды власти, а исключительно ради счастья и благоденствия отечества. Да, да, история подобное слышала не раз.

Когда будет время, сынок, сравни то, что я тебе говорил о Древнем Риме, с современной Америкой, и ты найдёшь немало общего. Но только, прошу, ни в коем случае не сравнивай Трампа с Юлием Цезарем. Боже упаси! Трамп — это самовлюблённый дурак и нравственный урод, человек с явно прогрессирующей старческой деменцией, не прочитавший за всю свою жизнь ни одной умной книги и возомнивший себя властелином мира.

Ладно Трамп, но что случилось с некогда великой страной Америкой? Второе пришествие Трампа — это временное общественное помешательство или зловещий признак упадка республики, чьи гражданские устои ещё недавно казались незыблемыми? — Лео ненадолго умолк. — Кстати, вот здесь покоится прах Юлия Цезаря, абсолютная правда.

Они подошли к небольшому относительно недавно возведённому строению, похожему на беседку. Стояла небольшая очередь желающих попасть внутрь этой беседки. Очередь небольшая, наверное, потому, что нигде поблизости не было указателя, что именно здесь две тысячи лет назад был возведён храм в честь Божественного Юлия, построенный в месте, где его труп сожгли на погребальном костре.

Внутри этой беседки на земле возвышался небольшой каменистый холмик. Такое впечатление, будто бы на этом месте недавно велось какое-то строительство, и нерадивые строители забыли этот холмик сравнять с землёй. Сверху на холмике лежали цветы — не груды,

конечно, а несколько свежих роз и тюльпанов. Надо же, поклонники всё ещё приносят цветы на место сожжения Юлия Цезаря.

— Не ирония ли судьбы: последние пятнадцать лет своей жизни Цезарь постоянно воевал, был ранен, болел смертельной лихорадкой, несколько раз едва не утонул в море во время морских сражений. Но оставался жив. А императором побыл немногим больше года и был заколот. Вот и делай выводы сам, — резюмировал Лео, обратившись к Марку.

Марк отошёл на несколько шагов в сторону, не сводя зорких глаз с какого-то предмета на земле. Наклонившись, быстро что-то поднял и молниеносно засунул в карман. И подмигнул отцу. Затем достал из кармана монетку — один евро — и бросил на могильный холм возле цветов.

— Что за артефакт ты там взял? — спросил Лео, когда они покинули эту «беседку» и снова пошли по каменистой дороге, мимо храмов и развалин дворцов.

— Потом покажу, — ответил Марк заговорщически, зная, что все камни здесь представляют историческую ценность, их нельзя брать, за нарушение могут привлечь к ответственности.

— А вот на этом месте император Нерон устроил пожар. Он отдал тайный приказ поджечь на Палатине виллы знати, жившей здесь. Знаешь зачем?

— Зачем?

— Чтобы таким образом испытать творческое вдохновение, вызванное видом пожара и воплями аристократов, спасавшихся от огня и удушья. Глядя на это, Нерон писал поэму «Великий пожар». Потом он читал эту свою новую поэму в театре и сам себе присудил лавровый венок победителя. Любил император Нерон поэ-

зию, считая себя великим чтецом и поэтом. То ещё было чудовище — заморил до смерти кучу невинного народа. Тем не менее, историк Светоний пишет, что после убийства Нерона на его гробницу ещё долгие годы римляне приносили цветы и устраивали на его могиле моления, просили богов вернуть им Нерона с неба на землю. Чудесный пример окончательно развращённого, испорченного рабством народа. Поэтому я охотно верю, что в России народ оплакивал умершего Сталина, плакали даже те, кто сидел в лагерях. В России сегодня тоже плачут о Сталине, сто лет спустя после смерти того усатого живодёра, и будут оплакивать ещё столько же. Знаешь, кто такой Сталин?

— Да, мы учили в школе.

— А вот там, высоко на горе, дворцы Веспасиана и Калигулы. Видишь? Эти два императора были тяжёлыми параноиками: дабы обезопасить себя от заговоров, построили себе дворцы на вершинах самых высоких гор. Что-то по типу путина, — тот, правда, построил себе дворец-бункер под землёй, но суть дела от этого не меняется. Кстати говоря, из восемнадцати римских императоров только пятеро умерли своей смертью. Остальных закололи или отравили, а потом им, по существовавшему тогда обычаю, отрубили голову. Как видишь, у диктаторов жизнь — не малина, не то, что у нас с тобой, мы люди вольные, нас никто не хочет ни травить, ни колоть. Согласен?

— Ага.

И так, не спеша, периодически оставляя Лану в спасительной тени очередного полуразрушенного дворца, они ходили с Марком по древнему городу, мимо триумфальных арок, скульптур весталок и пустых бассейнов для хранения воды. Лео почему-то всё чаще прерывал

своё повествование гида-историка, проверяя сообщения в телефоне, и всё чаще поглядывал на часы.

Наконец они приблизились к выходу из Древнего города. Сели там в открытом кафе выпить капучино. Лана подошла к фонтану неподалёку, смочила под струёй свой платок и сполоснула лицо. Эта прогулка далась ей непросто, она едва не лишилась чувств и не упала прямо на могилу Цезаря.

Вернувшись в кафе, Лана застала Лео уже собравшимся куда-то уходить.

— Ты куда? — спросила Лана, нахмурившись, и её сердце упало.

— По делам.

— Но ведь мы собирались все вместе пойти сегодня в Пантеон, а потом к фонтану Треви.

Он отрицательно покачал головой:

— Я должен идти.

Чёрный день

Быстрым шагом Лео шёл к району, несколько удалённому от центра. Там в одном из домов его ждала Джен, где она, по её словам, сняла для них квартиру. Она отправила ему адрес и код замка, чтобы открыть наружную дверь в том доме. Загадочно пообещав, что его ждёт сюрприз. «Вот это женщина! С такой никогда не соскучишься».

Зазвонил его телефон. Лео был уверен, что это Джен.

Но это звонил Марк.

— Папа, мы возле Пантеона. Тут большая очередь, ты можешь успеть. Мы подождём.

— Нет, не ждите.

— Но почему?

Затем послышался голос Ланы, она что-то строго сказала сыну, и их связь прервалась.

У Лео защемило в сердце, из его груди вырвался тяжёлый вздох. И он пошёл ещё быстрее.

Единственный вопрос, который он пока не решил для себя окончательно, это отъезд в Киев: поедет ли он туда прямо отсюда, из Италии, или сначала вернётся в Америку, чтобы там всё быстро уладить. В принципе, в наше время, если у человека есть хороший мобильный телефон, кредитная карточка с большим ресурсом кредита, американский паспорт и сносное владение

английским, то ехать в любую приличную страну можно с любого места и в любое время. Все технические вопросы — билеты на поезд или самолёт, съём гостиницы, покупку личных вещей вместе с чемоданом, — всё это можно обеспечить себе не сходя с места, включая доставку заказанных вещей на дом. Последнее условие, которое в этом списке остаётся, — наличие свободного времени.

Лео был одним из тех счастливичков, обладавших всем перечисленным. По большому счёту, он мог ехать в Украину вместе с Джен из Рима. «Уволиться с работы? Это проще простого — отправлю боссу имейл о своём уходе. Финансовые вопросы с Ланой? С этим придётся повозиться, мы не нищие, кое-что поднабрали за годы супружества, и чтобы всё разделить «по-честному», потребуется время. Бог с ней, пусть пока живёт в нашем доме вместе с Марком, пусть всем пользуется — машиной, гаражом, деньгами с общих банковских счетов, пусть тратит на Марка столько, сколько потребуется, потом разберёмся. В принципе, единственный пока нерешённый вопрос — чтобы меня взяли на работу в *US Today*. Но Джен сказала, что уже разговаривала со своим редактором, и он согласился провести со мной чисто формальное интервью по зуму. В общем, никаких очевидных препятствий нет, чтобы улететь вместе с Джен прямо из Рима».

— А-ах! — вскрикнул он, отлетев в сторону.

В первую минуту он был готов вспылить. Но быстро понял, что причиной сильного толчка был один из пешеходов — мужчина средних лет, в очках, с аккуратной причёской и, скорее всего, тоже турист. Лео сразу догадался, что это столкновение произошло произвольно, и понятно, почему: Лео по своему обыкновению по до-

роге размышлял о судьбе своей и судьбах человечества, а мужчина, столкнувшийся с ним, судя по всему, был технарём-айтишником — в фирме, где Лео работает, в айти-отделе таких пруд пруди: эти парни с головой погружены в свои компьютерные программы, ничем другим не интересуются и ничего не видят вокруг себя.

Мужчина поднял с асфальта слетевшие очки и, убедившись, что они целы, надел их обратно:

— Извините. Народу здесь — не протолкнуться, настоящий Вавилон.

— Нет проблем. Вы откуда? — поинтересовался Лео, так как в английской речи мужчины звучал заметный акцент.

— Из Вены, приехал сюда на пару недель. Должен встретиться со своей новой гёрлфренд, которую сейчас увижу впервые. Признаюсь, мы с ней познакомились онлайн, и я в неё сразу влюбился по уши. А вы откуда?

— Из Нью-Йорка.

— Моя возлюбленная тоже из Нью-Йорка.

— Надо же. А кем она работает? — Лео чуточку насторожился.

— Помощником зам-отдела в каком-то международном форуме по вопросам безопасности в Европе, к своему стыду, я толком не разобрался.

— Вы, случайно, не айтишник?

— Случайно айтишник. Как вы об этом узнали?

— Сам не понимаю, это первое, что мне пришло на ум.

Они улыбались другу, как давние друзья. Понятно, настроение у обоих было приподнятым в преддверии встречи с любимыми женщинами. Но говорить им больше было не о чем, да и время у влюблённых имеет свои законы, и тратить его с незнакомцем преступно, когда тебя ждёт она — единственная и неповторимая.

— Желаю удачи.

— И вам тоже.

Они увенчали своё случайное минутное знакомство хлопком ладоней, и каждый пошёл своей дорогой, к своему счастью.

Вскоре Лео стоял перед многоэтажным домом. Свёрился с адресом и, убедившись, что это именно тот дом, спрятал мобильник в карман. Пригладил волосы и набрал код.

«Клац», — раздался мелодичный щелчок замка, и Лео отворил дверь.

Сердце его учащённо забилося, причём не столько потому, что он поднимался на пятый этаж пешком, не дожидаясь лифта, сколько от предвкушения встречи.

Нажал кнопку звонка и замер с глуповато-радостной улыбкой.

Дверь отворилась, и... перед ним стоял наполовину раздетый коренастый негр лет двадцати пяти.

Негр тоже замер, вероятно, он был сконфужен не менее Лео, не ожидая визита этого белого мужчины. Негр был в спортивных длинных трусах до колен, всё его тело было покрыто татуировками. Лео показалось, что он видел этого негра, причём недавно, только не мог припомнить, где именно.

— Сэр, могу я увидеть мисс Джен? — спросил Лео, несколько оправившись от первого шока.

— Мисс Джен? — переспросил негр. Большие белки его глаз сделали несколько вращательных движений так, будто бы мужчина пытался найти объяснение на возникшую, не совсем понятую ему ситуацию. — А-а... — он широко улыбнулся, обнажив крупные зубы вперемежку со вставленными платиновыми фиксами. Закивал, вероятно, пазл сложился в его мозгу. Не переставая хитро

улыбаться, негр неожиданно схватил Лео за футболку и потянул на себя.

Через мгновение за спиной Лео захлопнулась дверь, а он очутился в просторной прихожей в квартире с высокими потолками.

На возникший шум из комнаты вышли ещё двое — тоже чёрные, приблизительно такого же возраста, что и первый, тоже полуголые, в наколках. Лео наконец признал в них покупателей в ювелирном магазине на Золотом мосту, когда недавно Джен выбирала там себе украшение и где завела с этими парнями знакомство, к неудовольствию и непониманию Лео, зачем ей это нужно.

В квартире стоял крепкий запах марихуаны.

— Эй, Джордан, откуда здесь взялся этот fucking ниггер? — спросил один из мужчин своего приятеля, который стоял перед Лео, по-прежнему крепко сжимая в кулаке футболку Лео на его груди. — Мы ведь ждали ту белую курочку со своими подружками. Она же обещала, что приведёт к нам стаю белых шлюх.

— Похоже, эта белая сука решила с нами пошутить и взамен прислала к нам этого ниггера, — ответил мужчина, которого звали Джордан.

Пока Джордан продолжал держать Лео, двое других стали по обе стороны от него, чтобы предотвратить любую попытку Лео выскочить.

— Джордан, может, это fucking коп? — спросил один из них. Может, свиньи нам устроили ловушку?

— Вышвырни его отсюда нах, — предложил третий.

Лео стоял, стараясь не шевелиться, чтобы не спровоцировать драку, последствия которой для него, что очевидно, могли быть весьма плачевными.

— Бро, ты что, её бойфренд?

— Да. Она моя невеста.

Его ответ вызвал у них взрыв хохота.

— Мы сейчас из тебя сделаем невесту!

Лео опустил голову. Ему стало ясно, что сейчас может случиться непоправимое. Эти обкуренные подонки с красными глазами могут его просто изнасиловать.

— Ах ты, *mother fucker!* — воскликнул один из них, увидев, как Лео едва заметно заводит руку за спину, где в его кармане лежит мобильник.

На Лео обрушился сильный удар по челюсти, в его глазах вспыхнули и разлетелись звёздочки, и он упал на пол. Тут же сверху на него кто-то поставил ногу и стал давить.

— Что будем с ним делать? — спросил один.

— Бро, давай его пустим по кругу, — предложил другой.

— Замри, ниггер, а то сейчас переломлю тебе хребет, — велел третий над ним после того, как Лео попытался вырваться. — Окей, сейчас я свяжусь с той белой курочкой, которая всё это устроила. Выясню, что к чему. А ты, ниггер, лежи и не рыпайся

Он пошёл в комнату за телефоном, сняв свою ногу со спины Лео.

Это дало Лео шанс: оттолкнувшись от пола руками, он вскочил на ноги. Он успел ударить одного из парней в грудь — тот явно не ожидал от Лео такой прыти — и ринулся к двери. Схватил металлический рычажок замка и провернул его.

— А-а!..

Он отлетел в сторону от сильного удара в шею и снова упал на пол. На него тут же посыпались удары и сильные пинки в спину и по грудной клетке. Они пинали его пятками, потому что были босиком.

— А-а... — его тело и голова качались от этих пинков в стороны. Вдруг сверху на него обрушился удар кулаком по лицу. — А-а!..

Крепкие руки сверху стянули с него футболку, надрав её. Стали тянуть его за пояс джинсов, застёгнутых на ремень.

— *Fucking* пидар! Сейчас ты узнаешь, что такое настоящая любовь чёрного мужчины, — кто-то продолжал стягивать с него джинсы.

Извернувшись, Лео ударил кулаком того мерзавца в лицо, которое для Лео было уже каким-то расплывчатым, потому что в глазах стало мутно от боли после ударов.

— Ах так?!

— А-а!..

— Эй, эй, бро, остановись, ты его сейчас сделаешь инвалидом. Или ты хочешь нам испортить отпуск, чтобы нам пришлось отсюда сматываться? — велел вернувшийся Джордан, который, судя по тону голоса, среди них был главным. — Я поговорил с той белой курочкой. Она сказала, что этот *fucking* жених её достал, и она не против, если мы сделаем ему дырку в заднице.

Все расхохотались.

— Но нам этого не надо, — продолжал Джордан. — У этой суки хорошее чувство юмора, если разыгрывает такие шутки. Я бы за такие шутки с бóльшим удовольствием сейчас пробил дырку в заднице ей, чем ему. Эй, ниггер, ты ещё живой? — он обратился к Лео, скрутившемуся на полу.

У него во рту стоял сильный солёный привкус, лицо скользило в склизкой луже крови, лившейся из носа. — Вставай и проваливай отсюда. Помни нашу доброту, чтобы не говорил потом, что мы, ниггеры, жестокие.

Это вы — белые, жестокие, а мы справедливые. Вставай, — он пнул Лео ногой в живот.

Лео медленно поднялся. Вытер ладонью кровь со щеки.

— На, одевайся, — в Лео полетела его порванная футболка.

Он исподлобья с ненавистью смотрел на стоявшего перед ним чернокожего.

— Бро, тебе что, мало? — удивился негр. — Ты что, чем-то недоволен? — он наклонил голову набок, изобразив на лице удивление. Было видно, что он начинает злиться.

— Где можно помыть лицо? — спросил Лео глухо.

— Зайди в кухню и сполосни своё *fucking* рыло. Даю тебе ровно минуту. Время пошло.

Вскоре Лео стоял у наружной двери. С его лица ручьями стекала вода. Сзади его за волосы держал один из негров.

— И смотри, бро, — чёрный подтянул за волосы к себе поближе голову Лео и сказал ему в самое ухо: — если ты пойдёшь к копам, мы скажем, что ты попытался обворовать эту квартиру, не зная, что мы здесь. И нам поверят. А потом мы тебя найдём в Америке и грохнем. Твоя тёлка знает о тебе всё, она нам поможет тебя найти. Поэтому будь благоразумен и не делай резких движений, — он открыл дверь и сильным толчком вышвырнул Лео из квартиры, как шавку.

Медленно спустившись по широким ступенькам, он вышел на улицу. Всё его тело болело, особенно грудь и живот в местах пинков. Болели челюсть и нос, с которого всё ещё тонкой струйкой стекала кровь.

«В общем, отделался лёгким испугом. Могло быть и хуже», — это была единственная мысль, в которой Лео сейчас находил утешение.

Странно устроен человек: полчаса назад он предвкушал перелёт на самолёте с любимой женщиной, смену карьеры, достойный его род деятельности, чтобы исполнить свою миссию на земле. А через полчаса он едва ли не счастлив от того, что его только что не изнасиловали три негра-наркоторговца из криминального чикагского гетто.

В одном из магазинов неподалёку Лео купил себе новую футболку и тайленол как обезболивающее. Приняв несколько таблеток и прикладывая к носу пластиковую бутылочку с холодной водой, отправился бесцельно бродить по городу, стараясь ни о чём не думать.

Ноги сами привели его в какой-то бар, где гремела музыка. Он заказал себе виски.

— Скучаешь?

К нему подседа худощавая крашенная блондинка средних лет. Женщина была наряжена и покрашена в стиле проституток, которые *ошиваются* по дешёвым барам в поисках подвыпивших клиентов. Стала к нему *клетиться*. Сначала она говорила на итальянском, но узнав, что он из Америки, пыталась, как могла, изъясняться на английском.

— Меня зовут Лаура. А тебя как? Почему ты такой грустный, Лео? Что у тебя с носом? Ты что, упал?

— Да, упал, — он осторожно прикоснулся к переносице, где действительно ещё сильно болело, но кровь уже перестала.

— Может, тебе нужна медицинская помощь? Я живу неподалёку отсюда, на улице Святой Елизаветы. Пошли ко мне, я тебя вылечу и физически, и душевно, — уверяла женщина, предлагая ему столь широкий ассортимент услуг.

— Слушай, отползи от меня, — грубо попросил он.

Женщина обиженно повела плечом. Смерив его презрительным взглядом, поднялась и отошла.

Он заказал себе ещё виски. Он знал, что алкоголь легко и быстро снимает любую боль. Ну, ладно, положим, не любую. Всё равно станет легче. Это единственное средство, которое ему сейчас поможет. Оно помогало ему всегда.

Одного из его приятелей в Америке когда-то в отрочестве изнасиловал сосед. После этого приятель всю жизнь носил в своей душе много ненависти и боли. Стал наркоманом, никак не мог завязать с наркотой и умер от передоза два года назад.

Лео сейчас вспомнил про него. В данную минуту он вообще не думал про Джен, знал, что это — впереди. Сейчас все его мысли крутились исключительно вокруг того факта, что пару часов назад он едва не стал жертвой изнасилования. Даже сама угроза, реальная возможность и связанное с этим унижение и надругательство легли на его душу тяжёлым камнем. «Не могу себе представить, что же испытывают и как живут люди после того, если с ними это действительно произошло?»

Время шло. Лео пил виски, слушал рок-музыку, узнавая знакомые песни. Алкоголь начинал работать, боль отпускала.

Зазвонил его телефон. На экранчике высветилось «Вояка Олег». Лео не хотел сейчас разговаривать ни с кем, даже с Олегом. Поэтому отменил звонок. Но Олег настойчиво звонил, чего прежде никогда не случалось в тех случаях, если Лео не отвечал. Наверняка у Олега к нему был какой-то экстренный разговор.

Собрав в себе все душевные силы и стараясь звучать так, будто ничего ужасного с ним сейчас не случилось, Лео ответил бодро:

—Привіт, вояко.

—Привіт, пане Лев.

Однако в телефоне звучал не низкий грубый голос Олега, а голос незнакомой ему и, судя по тембру, молодой женщины.

—Вы кто? — спросил Лео по-русски. По-русски ему сейчас было разговаривать легче и проще, чем по-украински.

—Я Леся, дочь Олега. Вы про меня знаете, но мы с вами никогда не виделись.

—Кто? Дочь Олега? Хм-м... Я сейчас в баре, здесь сильно гремит музыка. Подожди, я выйду на улицу, — сказал он, поднявшись.

—Что случилось? Почему мне звонишь ты, а не Олег?

—Папа сейчас спит после операции, а я взяла его телефон, чтобы поговорить с вами. Дело в том, что два дня назад папу сильно ранило. Его отвезли в госпиталь в Сумах. Мы сейчас с мамой у него. Он уже не критический, но состояние ещё очень тяжёлое, — она ненадолго умолкла. — Их дивизион накрыло. Там много горя, не буду посвящать вас в подробности, вам это знать незачем. А всё... — она вдруг запнулась, видимо, сейчас должна была сказать самое главное, ради чего позвонила. — Всё из-за вас! Из-за вас! Папа мне всё рассказал. Он поэтому и звонить вам не хочет. Он сказал, что если вас когда-нибудь встретит, то начистит вам фейс, чтобы не сказать хуже! — у неё явно сдавали нервы, и она говорила уже на повышенных тонах.

—Всё это ужасно, но не понимаю, причём тут я? — Лео старался достучаться до своего сознания, однако это было непросто — слишком много произошло собы-

тий за этот один — поистине чёрный — день, и слиш-
ком много было выпито алкоголя в последние пару ча-
сов.

— Слушайте меня, пане Лев, — девушка уже явно те-
ряла над собой контроль, ей всё труднее было говорить
по-русски, её родным языком был украинский, поэто-
му всё чаще в её речь вклинивались украинские слова
и обороты. — После того, как их накрыло, попав в *шпи-
таль*, папа пришёл в себя и попросил проверить его те-
лефонную переписку с некоторыми людьми. Он понял,
что к ним прилетело не случайно, ведь это уже второй
прилёт за неделю, что тут явно завелась какая-то *ка-
цапська сволота*. Когда проверили его переписку с вами,
то обнаружили, что вы отправляли папины письма сво-
ей любовнице, а она потом переправляла их дальше,
каким-то своим людям. И те люди знали, где находится
батько с его дивизионом, их координаты, все данные
о них.

Приглаживая свои волосы, Лео ходил вдоль бровки
вперёд-назад, не находя себе места. Хмель быстро выве-
тривался. Из разбитого носа у него снова потекла кровь,
и Лео осторожно вытирал её.

— Вы это делали? Передавали ей вашу переписку?
Так чи ні? — спросила она напрямую.

Лео молчал.

— *Мовчите? Отож.* А батько тысячу раз просил вас
ничего никому не пересылать без его разрешения. За-
чем же вы это делали, а? Извините, пане Лев, но вы кон-
чений, вы йолоп с курячими мозгами, чтобы не сказать
хуже. *Будьте ж ви прокляті із своєї паскудної любов-
ницею!*

На этом их разговор прервался. Спрятав телефон, Лео
продолжал вытирать капли крови с носа с таким видом,

будто сейчас ничего не произошло и его не настиг новый удар, быть может, пострашнее первого. Некоторое время спустя он вернулся в бар.

А утром он проснулся

... **О**т летней прохлады и от того, что у него всё сильнее чесалась правая лодыжка. Он раскрыл глаза и в рассеивавшейся дымке увидел перед собой старые дома. Место ему показалось знакомым.

Он зажмурился, дабы убедиться, что не спит, потряс головой и тут же тягостно замычал: «М-м-м...» Голова его словно ждала своего часа. Одного потряхивания хватило, чтобы эта мина взорвалась. Голова стала раскалываться. К тому же во рту у него было сухо и жарко, в животе мутило, и Лео окончательно понял, что у него самое настоящее алкогольное похмелье. Да-да, именно такие похмелья мучили его когда-то, едва ли не каждое утро. То его алкогольное прошлое, казалось бы, кануло в Лету. Ан нет, стоило две недели в Италии хорошо попить, так утром снова раскалывается голова, бурчит в животе, и нет сил — ни моральных, ни физических. И хочется пить. «Виски! Виски! Полцарства за глоток!»

Он терпеливо подождал, пока боль в голове немного успокоилась, медленно повернул голову в разные стороны и, к своему изумлению, обнаружил себя лежавшим, вернее, уже сидевшим на каком-то тёмном матрасе, в изголовье лежала маленькая подушечка, а рядом, как тряпка, валялось синее покрывало в лилиях. Эта «кровать» находилась в гигантской колоннаде, на мрамор-

ной плите, где между высоких мраморных белых колон, стояли тенты бомжей. Некоторые бомжи спали здесь точно, как и он, не в палатках, а под открытым небом, на таких же матрасах. Самое удивительное заключалось в том, что эта открытая ночлежка находилась не где-то на окраине города, где кварталы бедноты, а у самой известной в мире площади с базиликой Святого Апостола Петра. Вчера утром, когда они проходили с семьёй мимо этой площади по дороге в Древний Город, Лео с некоторой брезгливостью обратил внимание на этот лагерь бомжей. И вот — пожалуйста! — он среди них.

Почесав лодыжку, между делом сбросив с неё какое-то насекомое, Лео увидел, как к ним направляется небольшая группа женщин в скромном одеянии, среди которых несколько монахинь. Женщины толкали перед собой тележки, гружёные разной утварью. Лео смутно припомнил, как вчера ночью, выйдя из бара, он, пьяный в дым, бродил по городу, громко читал любимые стихи, цеплялся к карабинерам возле джипа, спрашивая у них, почему они — такие крепкие, с большими автоматами, вооружённые до зубов, такие герои, несут дежурство возле музеев и ресторанов, а не едут воевать в Украину? Потом он, кажется, решил переночевать на улице, не было ни сил, ни желания возвращаться в гостиницу. Тогда-то ему и попались на пути сердобольные благочестивые женщины из «Армии Спасения», которые предложили ему постель и указали место, где в полной безопасности может спать кто угодно, если он «потерялся в жизни» и не имеет крова. Так Лео очутился у входа в собор, возле громадной площади, где на протяжении сотен лет Папа Римский провозглашает тысячам собравшихся проповеди о любви к Богу и ближнему.

— *Голубу уно раче?* — спросил его выползший из-под покрывала рядом какой-то бородатый мужчина неопределённого возраста в спортивном костюме.

— *English,* — отрезал Лео.

Мужчина почесал свою густую бороду, вероятно, в зарослях которой водились не только мелкие, но и средних размеров насекомые. Опытным взглядом мужчина смерил сидевшего перед ним Лео и легонько постучал пальцем по своему морщинистому лбу. Мол, парень, у тебя с головой не всё в порядке.

— Пошёл к чёрту, — огрызнулся Лео по-русски.

Ему и без того на душе было мерзко до предела, а тут ещё приходится получать оскорбительные замечания от какого-то грязного бомжа. Он проверил, в кармане ли мобильник и портмоне. Как ни странно, и первое, и второе было на месте, все кредитки в наличии, только телефон разряжен. Застонав, он снова зажмурился от головной боли. Будто кто вогнал в его голову кол, строго по центру, и она сейчас расколется на две равные половинки.

— *Бомбоне уно виски?* — спросил его бомж, достав из своего кармана маленькую бутылочку с коричневой жидкостью.

— Виски? *Yes!*

Лео протянул руку. Он был готов поверить, что чудеса всё-таки случаются. Тем более, где же им ещё случаться, как не возле папской базилики Святого Петра?

Бомж выразительно раскрыл перед Лео пятерню правой руки.

— Пять долларов? — уточнил Лео.

Бомж утвердительно кивнул.

Лео полез в карман. Он знал, что в его портмоне только кредитки, никакой наличности там нет. Но он хотел, чтобы бомж убедился в этом своими глазами. Пока-

зал бомжу раскрытое отделение бумажника, в котором и в самом деле не было наличности.

— Но проблема, босс, — ответил бомж, снова почесав свою бороду. С лёгким треском он скрутил металлическую крышечку с горлышка и в несколько глотков осушил бутылку до дна.

— Вот же гад, — сказал ему Лео, но тот никак не отреагировал.

К ним подошли женщины из «Армии Спасения». Стали что-то у него спрашивать на итальянском.

— *English, please*, — взмолился он. — Где я могу купить водку? Или виски? Где ближайший ликёро-водочный?

Одна из женщин, владевшая английским, указала ему рукой куда-то на кривую улицу:

— Дойдёте до перекрёстка и сверните налево, там увидите супермаркет. Он работает круглосуточно. Там продают любой алкоголь.

— Спасибо, синьора, вы спасли мою жизнь.

— Бог спасает, — ответила она, перекрестившись. — У вас деньги есть?

— Да... Надеюсь, что-то ещё осталось на кредитках после вчерашнего.

— Оставить вам матрас здесь? Вы сюда придёте этой ночью тоже?

— Нет. А впрочем... не знаю.

Она обратилась к своим напарницам на итальянском, они о чём-то недолго поговорили и пошли далее вдоль колоннады, выполняя святую миссию спасения заблудших и падших.

А Лео подошёл к фонтану неподалёку. Сполоснул своё лицо и вытер шею холодной водой. У него так раскалывалась голова, что он толком не мог наклониться. Поэтому в лодочках ладоней поднёс воду к лицу и выпил.

Таким образом приведя себя в порядок, в запятнанных джинсах, мокрой футболке и расшнурованных кроссовках, отправился искать супермаркет.

Вскоре, расположившись на скамейке возле набережной Тибра, он выпил купленную бутылку виски. Постепенно головная боль стала стихать, правда, в животе всё ещё мутило. Разбитый нос болел гораздо меньше, чем вчера.

Из окна одного из домов неподалёку был вывешен украинский флаг. Некоторое время Лео смотрел на него.

Затем его мысли обратились к Джен. «Как же она могла так мастерски притворяться всё это время?! А потом так жестоко и подло насмеялась надо мной. Ещё и оказалась шпионкой! Но, если начистоту, я же сам виноват. Сам же по её просьбам отправлял ей фото и видео Олега с фронта. На корабле, когда мы с ней плыли на Эльбу, вообще отдал ей свой телефон. И во Флоренции, когда развлекались с ней в гостиничном номере, тоже никак не отреагировал, когда она взяла мой телефон и долгое время не выпускала из рук. Что ж, нужно смотреть правде в глаза и называть вещи своими именами. Я конченный *йолоп* с куриными мозгами. Чтобы не сказать хуже. Хотел играть с войной. Думал, всё это далеко и меня напрямую не коснётся. Война проникает в нашу жизнь, не спрашивая разрешения. Война — это нынешняя чума, зараза, новый ковид, только в тысячу раз страшнее. Война становится частью нашей жизни, пока не всех, но скоро так или иначе коснётся каждого. Вот и в мою жизнь тоже вошла...»

В ближайшем кафе он зарядил свой мобильник. Как только телефон зарядился на «одну чёрточку», Лео проверил, кто ему звонил и кто отправлял сообщения за последние сутки. Ему никто не звонил и не писал. Никто.

Он решил позвонить или написать Джен, сказать этой гадюке, что «достанет её из любой, даже самой глубокой норы». На она его повсюду заблокировала.

Он стал мрачнее тучи. Медленно поднявшись, поплёлся к мосту Святого Ангела.

Уже совсем рассвело, на дорогах ехало всё больше машин, всё больше пешеходов появлялось на улицах. На мост въезжали автобусы, перевозившие первых пассажиров с одного берега Тибра на другой.

Не спеша он добрался до середины моста. Облокотившись на широкие каменные перила, смотрел вниз.

«Тысячи лет назад на этой реке проходили морские битвы, и волны выносили на берег трупы убитых моряков. Потом погибшим воздавали воинские почести, сжигали их трупы на ритуальных кострах. А сколько в этой реке утонуло по своей воле?»

Он чувствовал, что его дыхание становится прерывистым. Но старался не обращать на это внимания. Он смотрел на одну и ту же волну, возникшую от проплывшего катера. Старался не упустить из виду эту единственную, выбранную им, волну, наблюдая, как она, сначала высокая и с крутым гребнем, постепенно слабеет и в конце концов поглощается мелкой зыбью. Вдруг в утихшей воде возникло нечто подобное водовороту. И на поверхность вынырнул большой чёрный сом! Выпрыгнул и тут же упал обратно в воду. Лео успел заметить раскрытую пасть рыбы и её широко растопыренные плавники.

«Вот это да... Сомы водятся там, где глубокие ямы, они любят темноту и прохладу. Спасибо тебе, сынок, за эти важные сведения. Если здесь яма, то я вынырну, и этот прыжок останется в моей памяти на всю жизнь. А если здесь мелко, тоже не беда, — ударюсь головой о дно, сломаю себе шею, и конец всему».

Где не ступала нога ни одного туриста

Утром Лана пила кофе на кухне и размышляла над тем, куда сегодня пойти с Марчиком. Они уже побывали и в Ватикане, и в знаменитых римских катакомбах, и в замке Боргезе. Билеты в эти места были куплены заранее, ещё в Нью-Йорке, но один из билетов каждый раз пропадал из-за отсутствия Лео. Обедали в ресторанах, ели пиццу в пиццериях и джелато в джелатериях.

Лео не объявлялся с тех пор, как они расстались в Древнем Городе, среди руин (символично, однако!). Лана не была уверена, что Лео вообще объявится в ближайшее время, и была морально готова к тому, что ей с Марчиком придётся ехать в аэропорт и улетать в Америку вдвоём.

Больше всего Лану раздражали его вещи в их гостиничном номере. Вещи Лео, как назло, постоянно попадались ей на глаза: то его зубная щётка и бритвенный станок, то джинсы на вешалке, то футболки на спинке стула. Её не раз подмывало свалить всё это хозяйство в большой мешок и поставить где-нибудь в углу.

...Она увидела сына в кровати в своей комнате — только проснувшегося и уже с телефоном в руках.

— Сынуля, как спалось? Комары не кусали? Слава богу, что в Риме нет комаров, ты помнишь, как они пили нашу кровь в Сан-Винченцо? — она присела возле Мар-

ка на кровать, погладила его руку. — Куда пойдём сегодня?

— Не знаю, мам. Вообще-то я немного устал от церквей и музеев. Хочу просто релакс. Схожу проверю, какая рыба водится в Тибре, возьму с собой спиннинг на всякий случай.

Лана потрепала сына по волосам. Марк — такой родной и близкий, роднее, чем весь мир, чем она сама для себя, — в последние дни стал для неё ещё ближе. Она понимала почему.

— Не буду настаивать. Если хочешь взять брейк, то будь ласка, — с начала войны Лана в разговоре с сыном часто употребляла в своей русской или английской речи украинские слова.

Она вернулась в свою комнату даже не поинтересовавшись, звонил ли он папе и подаёт ли папа какие-либо признаки жизни. Во-первых, ей это абсолютно безразлично. А во-вторых, она не хочет, чтобы сын видел её несчастной и брошенной. Он должен видеть маму сильной, и несгибаемой. Марк и так знает, что маме плохо.

Заправив постель, она занялась наведением порядка в комнате, заодно решая, чем себя сегодня займёт. Зазвонил её мобильник. Она тут же ринулась к столику: «Он!» — попутно отметив про себя, что всё-таки ждёт его звонка.

На экране мобильного высветился неизвестный номер.

— Синьора Лана, доброе утро. *Good morning!* — услышала она мужской голос, показавшийся ей знакомым. — Это Маттео, художник из Сан-Винченцо, помните меня?

— Конечно помню.

— Извините за беспокойство, я сейчас в Риме. Приехал сюда ещё вчера по делам, а сегодня вечером уезжаю

обратно. Решил позвонить вам, ведь вы, если не ошибаюсь, сейчас тоже в Риме?

— Да, вы правы. Как вы узнали мой номер телефона?

— Очень просто: перед тем, как уехать из Сан-Винченцо, вы отправили мне письмо со своего телефона, извинившись, что не посетили мою студию. Неужели забыли?

— Почему же забыла? Конечно, помню. Но это так неожиданно... Вот уж от кого меньше всего ожидала получить звонок в Италии, так это от вас. Очень рада.

К своему удивлению, Лана и в самом деле была рада этому звонку. Разве она затворница, чтобы замкнуться за высокими стенами одиночества и отказаться от приятного общения?

— Если вы свободны, можем встретиться, — предложил он. — Я даже сочинил план, чем мы займёмся: сначала заглянем в пекарню и перекусим. Это одна из лучших пекарен в Риме. Потом я покажу вам один живописный уголок Рима, о котором не знают туристы.

— Хм-м... прям не знаю, всё это так неожиданно. Мне нужно спросить мужа, — ответила она, уже стоя перед зеркалом и поправляя свои пышные волосы, расчёсанные на прямой пробор, решив, что идёт на эту встречу. Однозначно.

— Тогда переговорите с мужем и дайте мне знать. В любом случае, я не обижусь.

Минут через десять, дав Маттео положительный ответ (и предупредив его, что муж, к сожалению, не сможет прийти, потому что у него важный зум-митинг онлайн по работе, поэтому она придёт одна, а муж присоединится потом), Лана суетливо перебирала свой гардероб.

Разобравшись с одеждой, вошла в ванную и, став перед зеркалом, проверила, идеально ли гладко выбриты

подмышки. Взяла с полки баночки с кремами, купленными в старинной аптеке во Флоренции. Тщательно и нежно втерла мази в лицо, грудь и кисти. Ей до того нравилась и сама эта процедура, и запах кремов, что Лана на несколько мгновений блаженно прикрыла глаза, и крылышки её ровного носика затрепетали.

— Марчик, в таком случае, я тоже устрою себе отдых сегодня, просто погуляю по городу. Постараюсь не задерживаться.

— Ок, ма.

Марк, правда, немного удивился: мама собирается целый день гулять по городу — в такую-то адскую жару? Как же она выдержит?

И ещё у Марка возникло убеждение, что не только папа, но и мама ему постоянно врут.

В кабине лифта Лана снова посмотрела на себя в зеркало. Кончиком мизинца убрала заметную только ей неровность рисунка помады на губах. «Переживаю, как девушка перед первым свиданием. Совсем одичала».

И вот уже, в лёгком бордовом сарафане, с перекинутой через плечо дамской сумочкой и новых стильных солнцезащитных очках, Лана шла к перекрёстку, где её ждал синьор Маттео.

Она сразу его узнала — высокого, худощавого, с длинными волосами, спадавшими на его плечи. Что в нём в этот раз было нового — это отсутствие шляпы и элегантно подкрученных «живописных» усов; сейчас его лицо было выбрито, отчего казалось немного моложе и мужественней. Он стоял, уперевшись рукой на капот своего красного «Рено».

— Лана! — помахал ей.

— *Бонжорно*, — поприветствовала она его на итальянском.

— *Good evening*, — ответил он на английском. — *Or... good afternoon*, — сразу поправился, будто бы допустив какую-то непростительную ошибку, и начал извиняться. — Мой английский не очень хороший. Наверняка вы заметили, что мы в Италии не ахти какие полиглоты, считаем, что все должны учить итальянский, если хотят с нами общаться. Впрочем, было время, когда полмира говорило на итальянском.

— Не переживайте. Скоро нам всем придётся учить китайский.

Он усмехнулся.

— Значит, сначала едем в пекарню, а после ланча — в живописный уголок? — он почему-то смутился. — Ланча или брекфаста? Кажется, я опять ошибся.

— Ланча, — поправила его Лана. Надо признаться, её немного раздражала чрезмерная суетливость этого мужчины, который очень хочет быть галантным и постоянно извиняется за свой плохой английский, будто бы на экзамене в школе.

— Не извиняйтесь, у вас хороший английский, я прекрасно понимаю всё, что вы говорите.

— Тогда, синьора, прошу, — он открыл перед Ланой дверцу машины.

...Они перекусили в пекарне, которую расхваливал Маттео. Ничего особенного, по правде говоря, в тех блюдах, что они заказали, Лана не нашла. Разве что капучино превосходное. Но капучино, как и любые кофейные напитки, отменно готовят по всей Италии.

Потом Маттео повёз её в район города, где, по его словам, «не ступала нога ни одного туриста». Это был действительно живописный уголок: вдоль тенистых

улиц там росли старые ели и клёны, едва ли не в каждом окне и перед подъездами стояли горшки с цветами, а в окнах были выставлены картины с ценниками. В кафешках сидели посетители.

Маттео здесь заметно преобразился, превратившись из плохого ученика английского в хорошего гида. Рассказывал и показывал дома, в которых когда-то жили «великие». Ему не хватало словарного запаса, он часто употреблял английские слова неправильно, а вместо английских — итальянские. Лану, однако, это не смущало. Она смотрела на его пластичные руки с крупными кистями, как у многих скульпторов и художников, на то, как эти руки двигаются, как изображают, доказывают, спорят и восхищаются, не сопровождая произнесённые художником слова, а наоборот.

«Неужели он гей?» — думала Лана, кивая и рассматривая очередной дом, на который указывал Маттео, где когда-то жил Микеланджело, в нищете, ожидая, пока в Ватикане святые отцы прекратят подковёрную грызню за папский престол и наконец закажут ему расписать замок Святого Ангела.

— Сейчас в этом районе, как и в эпоху Возрождения, живут художники. Его так и называют у нас «Кварто Понте» — Квартал художников, что-то типа Монмартра в Париже.

«Похоже, он всё-таки гей. И слава богу. Зато с ним интересно». То и дело глядя на его руки, Лана, наконец, поняла, что её тревожит. Его жилистые руки, покрытые густыми чёрными волосами, напоминали ей руки бывшего мужа Майкла. Он тоже был художником, они с ним прожили в браке три года с небольшим. Это был несчастливый брак, хотя вначале они — ещё совсем молоденькие, мало думали о быте, доходах и материаль-

ном благополучии в Америке. Майкл считал себя гением, и Лана поддерживала в нём эту уверенность. Она часто ему помогала, служила ему натурщицей, он обещал ей, что прославит её, как Рафаэль свою Форнарину или Дали — Галу. Он хорошо разбирался в искусстве, владел техникой письма, именно тогда Лана приобщилась к живописи, даже стала писать акварельки, хотя художественных амбиций у неё не было. Время шло. Закончив колледж, она устроилась на перспективную, денежную работу. А Майкл всё так же писал картины, которые никто не покупал, нигде не выставлялся. В один день Лана поняла, что он — не гений и хватит с неё этого кружка рисования. Она стала внушать мужу простую мысль, что он «должен бросить это гиблое дело», пора подумать о ребёнке, о вещах реальных, не химерических. А приходить, извините, с работы и лежать обнажённой часами на брезенте на полу она не может и не хочет. «Устройся на нормальную работу и пиши себе в свободное время. У многих людей есть своё хобби: один, к примеру, увлекается нумизматикой, другой прыгает с парашюта. А ты — рисуй, я не буду возражать». Такие предложения, конечно, не могли не задеть самолюбие молодого художника. Он не хотел заниматься ничем другим. Ребёнка не хотел. Жить, как все нормальные люди, не хотел. Понятно, к чему это привело, ничего нового, старо как мир: начались семейные скандалы, взаимные обвинения. Несколько раз Майкл даже в сердцах швырнул в неё поломанными кисточками и обругал.

И они развелись относительно легко, без адвокатов, поскольку делить им тогда было нечего: общих детей, своего дома или каких-либо сбережений не было.

Где же он сейчас, её непризнанный гений? Любопытства ради Лана недавно нашла его страничку в Фейс-

буке и узнала, что её бывший выставляется, участвует в художественных ивентах, то есть если и не стал Рафаэлем, то, по крайней мере, чего-то добился как художник. Новость про успехи бывшего мужа её и опечалила, и обрадовала. Обрадовала потому, что когда-то чутьё ей правильно подсказало, что у Майкла талант. Просто по своей природе он не был создан для семейной жизни. А опечалила, потому что Майкл оказался свиньёй, если за все эти годы ни разу ей не позвонил, не похвастался своими успехами и не пригласил на вернисаж. А она... она всё ещё помнит его, его голос, его безумный взгляд, когда он стоял у станка, его крепкие ладони, которыми он её гладил...

Не сводя глаз с Маттео и продолжая кивать, изображая увлечённость его рассказами, Лана в то же время думала совсем о другом.

Потом в её жизни появился Лео. Лев казался более покладистым, менее упрямым, не таким одержимым, как Майкл. Семейно-ориентированным. С таким можно ладить. К тому времени Лана стала гибче и терпимей, неудачное первое замужество её кое-чему научило. Но, увы, с Лео тоже что-то пошло не так...

— Хотите посидеть в баре? Выпить кофе? Или спритц? — спросил Маттео, возвращая Лану из своих раздумий и воспоминаний в реальность.

— Да, не откажусь.

В баре они заказали по коктейлю. Лана решила попробовать аперитив с мятой, а Маттео заказал себе «классический» спритц с крупной зелёной оливкой, наколотой на тонкую палочку и погружённую в зеленоватую жидкость между кубиков льда.

— «Кватро Понте» — Квартал художников, нужно запомнить. Спасибо, что привели меня сюда. Признать-

ся, мне до того здесь нравится, что я даже, грешным делом, подумала: неплохо бы иметь здесь свою скромную квартирку. Я бы здесь жила с удовольствием, среди художников, приезжала бы сюда из Америки, может, договорилась бы со своим боссом, чтобы работать на удалёнке.

И тут же отметила: «Ведь совсем недавно я пыталась купить в Италии квартиру и хорошо помню, чем всё закончилось, вернее, чем могло закончиться. Зачем же мне это надо сейчас?»

— Понимаю ваше желание здесь жить, — согласился Маттео. — Это естественно для человека с тонким восприятием прекрасного, а вы относитесь именно к такому типу. Кажется, я вам говорил, когда мы познакомились, что я живу в Сан-Винченцо только в туристический сезон, это лучшее время неплохо заработать там халтурой. Но с наступлением холодов в Сан-Винченцо мне делать нечего, там можно удавиться со скуки. Тогда я перебираюсь в Рим.

— У вас такая интересная жизнь, — Лана потянула через трубочку холодный напиток, приятно отдававший мятой. В бокале между кубиков льда лежали тонкие зелёные листочки. Она уже ощущала приятную лёгкость в голове.

— Признаюсь по секрету: в этом районе у меня есть собственная квартира-студия, где я занимаюсь серьёзной живописью. Я бы с удовольствием показал вам её, но сейчас, в летний сезон, я её сдаю квартирантам, зайти туда мы не сможем, — он одарил её каким-то добродушно-насмешливым взглядом. Будто бы знал всё о ней: и что её муж сейчас не сидит в гостинице в зум на бизнес-митинге, и что она — одна, одна-одинёшенька, и ей немного не по себе.

Он видел её второй раз — одну, а настоящая счастливая женщина имеет совсем другой вид и держится совсем иначе. Семейную беду женщина скрыть не может, как ни старайся. Между прочим, за целый день ни муж ей ни разу не позвонил, ни она ему.

— Не проблема, забудьте, — она потянула через трубочку жидкость аж до тех пор, пока со дна бокала не раздался характерный звук «б-р-хр...». — Знаете что? Гулять так гулять. Я таких хороших коктейлей не пила уже сто лет. Закажите мне ещё один.

Время шло.

Они пили коктейли, их колени под столиком всё чаще соприкасались. Лана уже понимала, что пьяна. Но это её не смущало, даже радовало. Наконец она свободна! Может говорить и делать всё, что ей заблагорассудится:

— К вашему сведению, к живописи меня приобщил мой первый муж, тоже художник.

— Вы замужем уже второй раз?

— Да, уже второй и, судя по всему, не последний...

Помолчав с пониманием, он взял её за руку:

— Хотите, я покажу вам квартиру моего приятеля? Он сейчас в отъезде. Это совсем недалеко отсюда.

— Разве у вас есть ключи?

— Я знаю код его электронного замка.

— М-мм... — на её лице отразилась борьба.

«Да, я это сделаю. Сейчас я с ним пересплю и после этого вернуться к Лёвке точно не смогу. И тогда проблема будет решена. Тем более, всё так удачно складывается, и я совершенно пьяная...»

— Хорошо, я согласна, давайте туда зайдём, — она слегка сжала его пальцы в ответ. — Только ненадолго, буквально на пару минут.

— Естественно, на пару минут, — не сводя с неё глаз, Маттео поднёс её руку к своим губам и поцеловал.

Он пошёл к кассе расплатиться, а Лана достала из сумочки косметичку и накрасила губы. Затем включила мобильник, чтобы посмотреть на время и проверить, нет ли сообщений от сына. И действительно, незадолго до этого Марк отправил ей своё фото — с набережной Тибра: на фоне моста Святого Ангела, со спиннингом в руках.

Улыбнувшись, Лана увеличила фотографию. Не переставая улыбаться, подмигнула ему. Но почему-то скривила лицо.

— Вот и всё, — сказал Маттео, вернувшись и положив руку ей на талию. — Я готов.

— И я тоже. Отвези меня обратно в гостиницу.

«Аве-е Мария-а...»

А Лео тем временем пропадавал в Риме. Он нашёл в себе силы не совершить в жизни ещё одну глупость — не прыгнул с моста Святого Ангела, играя с жизнью и испытывая судьбу. Но и в гостиницу к семье тоже не пошёл. На то у него была серьёзная причина. Он хотел разыскать Джен. Он был уверен, что она сейчас здесь, в Вечном Городе, в городе великих святых — праведников, мучеников и апостолов веры. Поэтому именно здесь, в Риме, самое подходящее место прикончить эту змею.

Это не было для него простым желанием исполнить данную себе клятву. Не было это и мстостью за нанесённое ему глубокое оскорбление и унижение, когда она устроила с ним злую шутку с чернокожими мерзавцами. Это не было только желанием расплаты за зло, которое она принесла солдатам из дивизиона Олега, он даже не знает, кто из них и как сильно пострадал, все ли из них живы, или, не дай бог, кто-то погиб. Он знает лишь про Олега, который сейчас в госпитале под капельницей. Одного этого уже достаточно, чтобы наказать её. Даже не берём в расчёт то, что она надругалась над всеми его идеалами и представлениями о любви, выставив его перед самим собой посмешищем, *йолопом* с куриными мозгами.

В его желании расплатиться с Джен было нечто большее, чем жажда мести. Он принял это как свою миссию. Ради исполнения этой миссии он блуждал по Риму, толкаемый со всех сторон прохожими.

Может, он бы и прекратил эти поиски, не имевшие под собой разумного основания: в Риме два с половиной миллиона жителей и ежедневно два с половиной миллиона туристов. Найти здесь человека то же, что иголку в стоге сена. Однако Лео укрепляла не только фанатичная уверенность в успехе праведного дела. Он, как бы это сказать... порой ощущал рядом реальное присутствие Джен. Будто бы их тела и души, однажды соприкоснувшись, вобрали в себя друг друга и уже не могут так просто разъединиться. Лео порой явственно ощущал запах её тела. Просто настоящая алхимия! Тогда он странно подёргивал ноздрями и шёл на этот запах, словно пёс на дичь. А порой его сердце без всяких причин вдруг начинало биться учащённо так, как оно билось в преддверии каждой встречи с ней. Всё его существо вмиг наполнялось какой-то нездоровой звериной энергией. И он шёл, не разбирая дороги, повинувшись этому влечению, пока оно не ослабевало, и на него не наваливалась смертельная усталость. И Лео-охотник тогда превращался в добычу собственного помешательства: он плёлся в бар или в магазине покупал бутылку виски. Ел где попало и как попало, мылся у фонтанов, раздевшись по пояс. Ночевал на улице среди бомжей и разного сброда.

Его посещали кошмары, несмотря на различие сюжетов, имевшие один и тот же навязчивый смысл. Скажем, в Венеции: они плывут в гондоле, Джен — в чёрной карнавальной маске, вдруг начинает сильно раскачивать гондолу, и Лео летит головой вниз в мутный, грязный канал, загаженный отходами и фекалиями ещё со времён

Возрождения, когда в Венеции не было туалетов и все помои там выбрасывали в канал из окон. А во Флоренции на Золотом мосту она отдаёт ему сверкающее кольцо и, неожиданно превратившись из женщины в змею, обвивает его тело кольцами и начинает душить. Римский кошмар был самым тяжёлым: она — русалка, окружённая большими чёрными сомами, зовёт Лео к себе на дно, чтобы он тоже стал её любовником, вместе с сомами... Эти кошмары были до того мучительны, что у Лео не хватало сил их выносить. Поэтому он старался ночью тоже пить.

На пятый день он понял, что это безумие пора прекращать. «Всё, нужно возвращаться к себе и в семью».

Прежде чем идти в гостиницу, он зашёл в другой знаменитый папский собор Святой Марии, неподалёку от которого провёл на улице минувшую ночь.

Он быстро уснул на скамейке после очередной тяжёлой ночи и впервые не видел никаких кошмаров. Вместо кошмаров... ему явилась ЛАНА, чистая, как Мадонна, в блистающих одеждах, с сиявшим солнцем-нимбом над головой, в золотой короне и полумесяцем в ногах. Звёзды танцевали над ней. Возле неё покорно лежали крылатые львы, а в садах цвели белые лилии. Нежно, величаво и торжественно звучали скрипки и трубы. И кто-то сверху тянул: *«А-а-аве-ее Ма-а-ри-ия-а... А-а-аве-ее Ма-а-ри-и-ия-а...»*

Чуть поодаль от Ланы с обеих сторон стояли апостолы, епископы и кардиналы, венецианские дожи, и Медичи, и Данте с Петраркой, увенчанные лавровыми венками, и Микеланджело с Рафаэлем, и Макиавелли, и Юлий Цезарь с Наполеоном, и даже Казанова, — все взирали на Лану в благоговении и священном трепете перед чистотой её прекрасного тела и её бессмертной души.

Лео тоже стоял среди этих великих мужей, взирая на Лану. Вдруг, издав истошный вопль, он упал на колени и стал биться головой о мраморный пол. Потом завалился на бок.

С ним случился удар эпилепсии.

Пока приехала вызванная «скорая», он уже пришёл в себя. Он нашёл себя сидевшим в кресле, в какой-то часовне, окружённый собравшимися людьми с озабоченными лицами, среди которых было несколько чернокожих священников и монахинь. У него немного побаливала и шумела голова, и слегка мутилось в глазах, но в общем состояние было сносным.

Прибывшие парамедики убеждали его поехать в больницу: алкогольный эпилептический удар — с этим не шутят, высок риск того, что в любую минуту может случиться второй удар, такой же или ещё сильнее, последствия которого могут быть самыми печальными. Ехать с ними в больницу Лео отказывался, уверяя, что он в полном порядке, для убедительности поднялся и прошёл перед ними взад-вперёд. Он подписал бумагу о добровольном отказе от лечения, и парамедики оставили его в покое, посоветовав напоследок идти домой и, в случае чего, немедленно вызвать «скорую».

Впрочем, парамедики не были уверены, что у этого синьора, судя по его наружности, есть дом. Наверняка бомж. Валяется на улице, пьёт, дерётся, кормится и одевается от «Армии спасения». Сколько их в Риме — вечно грязных и вечно пьяных.

Лео ещё недолго походил по храму, разглядывая иконы и скульптуры.

«Что это было со мной? Что это было?» — спрашивал он себя.

А в куполе тише и тише, но всё ещё звучало божественное: «А-а-аве-е Ма-а-ри-и-ия-а...»

Лев из подвалов Колизея

Он медленно шёл по улице, но в этот раз уже не бессмысленно и бесцельно, а в конкретном направлении. Шёл в отель, где они остановились. Тело его было значительно ослабшим после длительного загула такой крутизны, какой он себе никогда не позволял до сих пор. Как это часто случается с людьми незадолго или сразу после эпилептического удара, его одолевала не только физическая слабость, но также были нарушены многие ощущения: в глазах не было полной ясности, исчезло обоняние, в ушах стоял лёгкий свист. Однако сейчас всё это имело второстепенное значение. Важно было, что он шёл в верном направлении. Его душевный настрой после необычного видения в храме был весьма высок.

«Наконец-то я в полном порядке, — рассуждал он, облизывая мягкую верхушку клубничного мороженого в стаканчике и совершенно не ощущая его вкуса. — Надо же было всё это испытать, чтобы прийти к простому ответу. Будто бы бес какой в меня вселился. Точно — бесовщина, иначе не назовёшь. Зато теперь в моей голове — полная ясность. Всё дело — в голове, когда её теряешь, считай пропало всё». Он не знал, что скажет родным, как его встретит Марк, а главное — Лана. «Как-то будет. Разберёмся».

Доедая мороженое, он приближался к мосту Святого Ангела, переброшенного через Тибр. По мосту передвигались вереницы машин и автобусов, шли переходы. Лео уже были видны очертания скульптур на мосту вдаль. Созерцание этих скульптур сменило и ход его мыслей. Он подумал о том, что в Риме почему-то необычайно много скульптур, посвящённых морским божествам. Плюс повсюду фонтаны — из раскрытых пастей рыб, дельфинов и морских чудищ круглосуточно льётся вода. Хотя, странно, конечно, ведь Рим нигде не граничит с морем, и Тибр — не такая великая река сейчас, и таковой не был даже в древности. А вот всё равно, в Риме почему-то возникает ощущение, что море — рядом, так сказать, за углом, — что в любую минуту оно хлынет на тебя и понесёт, напоминая, что оно велико и вечно, а ты мал и конечен...

Подойдя к мосту, Лео остановился, посчитав, что переход на другой берег будет иметь для него и некое символическое значение. Несколько дней назад он стоял посередине этого моста, свисая над перилами, решая для себя, быть или не быть.

Подтянув джинсы, которые в последние дни стали сползать с его основательно похудевшего тела, Лео медленно пошёл, разглядывая вблизи гигантские беломраморные скульптуры апостолов и ангелов. Сотни лет назад на этом мосту вывешивали тела казнённых преступников как наглядное подтверждение неотвратимости возмездия. И это было правильно.

Он вдруг остановился. Почувствовал, ещё одно движение — и свалится. В ушах засвистело сильнее прежнего, из носа, который последние дни его не беспокоил, закапала кровь. «Неужели сейчас случится второй удар эпилепсии? Допился до ручки. Нужно было послушать

парамедиков и поехать с ними в больницу. А вот сейчас упаду прямо на мосту в конвульсиях. И что тогда?»

Однако после недолгого полного упадка сил, постояв, он ощутил, как силы быстро возвращаются, будто бы откуда-то из глубин в нём забил мощный целительный источник. Он задышал легко и свободно, камень с груди свалился, и муть в глазах исчезла.

И абсолютно отчётливо, будто бы в кинотеатре на большом экране в трёхмерном измерении, он увидел... Джен!

В сиреновом платье чуть ниже колен и чёрных туфлях-лодочках, она шла по мосту вместе с каким-то мужчиной в очках. Мужчина был хорошего сложения, идеально выбрит, аккуратно причёсан, аккуратно одет, короче, производил впечатление какого-то фрика, нет, айтишника. «Минутку-минутку... где-то я его видел. Где же? Ах да, здесь, в Риме, неделю назад, когда шёл на встречу с этой ведьмой! Мы с ним на улице столкнулись носами», — эти мысли вихрем пронеслись в голове Лео, он даже сам удивился, почему сейчас такое внимание уделяет её спутнику, но почти не смотрит на неё.

Впрочем, Лео тут же смекнул, что его в этом мужчине интересует в первую очередь телосложение, насколько тот физически крепок, чтобы стать серьёзной помехой в предстоявшей схватке.

Увидев впереди застывшего Лео, Джен тоже замерла. Пытливо вглядывалась в него — чумазого, с кровью под носом, небритого и исхудавшего. Решала, стоит ли ей немедленно развернуться и дать дёру, или же рискнуть и пройти мимо? Видя, что Лео стоит, не двигаясь — не исключено, что он сейчас вообще плохо соображает, — Джен всё-таки решила идти дальше. Покрепче взяв своего спутника под руку и с левой стороны, чтобы

таким образом ещё больше себя обезопасить, увеличив расстояние от Лео, стала что-то оживлённо рассказывать своему ухажёру, обратив к нему своё лицо и, как бы между прочим, поглядывая на окаменевшего Лео, всё так же глядевшего куда-то отрешёнными глазами.

Они уже поравнялись с ним. Джен прибавила шагу, а Лео всё так же стоял неподвижно. Но ни одна душа не знала, что этот расхристанный неопрятный мужчина с отрешённым взглядом сейчас превратился в лучшего на земле змеелова. Малейшее движение проползавшей мимо него Джен было им чётко схвачено, внутренний фокус достиг своего пика, как и правильное распределение накопленной силы в теле перед броском. Он осознавал, что шанс схватить змею даётся только раз, одно неловкое движение — она выскользнет и тогда либо скроется, либо смертельно ужалит.

«Остров Эльба... Грот... Изгнание из рая...Змеиное кубло... Ш-ш-ш...» В его ушах началось невероятной силы шипение, заглушавшее даже рёв машин и смех туристов, фотографировавшихся возле скульптур. «На этом мосту когда-то вывешивали тела казнённых преступников. Они всё ещё висят здесь. Сейчас к ним прибавится ещё одна».

— Ах ты су-ука! — заорал Лео.

Он сорвался с места, настигнув парочку, удалившуюся от него на несколько шагов. Схватил сзади Джен за горло и сжал в ключе сильно, как мог. Потянул её за собой.

Джен сразу потеряла равновесие, схватила пальцами его руку, пытаясь вырваться или хотя бы ослабить захват. Ноги её волочились по асфальту, одна «лодочка» слетела с ноги. Джен даже не кричала и не звала на помощь, потому что её горло было стиснуто с такой силой,

что вопрос стоял не столько, чтобы кричать и звать на помощь, сколько чтобы просто не задохнуться.

— Ах ты сука, царапаешься?! — зарычал Лео, обратив внимание, между прочим, на золотое с бриллиантами кольцо на её руке, купленное им. Это придало ему новых сил. — Я тебя сейчас придушу, потом отрублю тебе все пальцы. Мата Хари, да?

Он подтащил её к перилам и, не тратя времени, решил волочить её по мосту к берегу, а там сдать полиции. Однако этот план был не лучшим, вернее, неосуществимым. Потому что расстояние до берега было приличным, а его уже со всех сторон одолевали пешеходы. Как и ожидалось, наибольшую проблему для него представлял спутник Джен — тот айтишник, который ринулся высвободить свою даму, пытаясь схватить Лео то с одного боку, то с другого, то обхватывал тело Джен, которая, выпучив глаза, хрипела и дрыгала ногами. Лео пришлось отгонять его спонтанными, не всегда меткими, ударами.

— Она шпионка! Вызывайте полицию! — кричал Лео по-английски, видя, что кольцо прохожих вокруг него сжимается и у него остаётся лишь два выбора: либо отпустить её, либо задушить.

Он чувствовал себя львом, выпущенным на свою последнюю схватку из подвалов Колизея.

Одному из мужчин удалось приблизиться к Лео настолько, чтобы схватить его и разжать «ключ» его рук. Лео ударил мужчину кулаком в лицо, и тот отлетел. Однако Джен, воспользовавшись моментом, выскользнула из его рук и вскочила на ноги, готовая бежать.

— Не-эт, не уйдёшь, — дико закричал Лео и сзади схватил её за платье в вырезе вокруг шеи.

Джен ринулась вперёд, платье слегка надорвалось, однако ткань оказалась достаточно прочной. Джен за-

хрипела и вскрикнула от боли, схватив ткань в вырезе, чтобы не быть задушенной.

— Гнида! Мразь! Собака! — захрипела она на чистом русском, без всякого акцента, и если бы не чрезвычайная ситуация, то Лео наверняка удивился бы такой лингвистической метаморфозе. Но сейчас он просто мельком отметил: «Она свободно владеет русским».

— Козёл! Я тебе отомщу. И тебе, и твоему вонючему сыну! И твоей бляди-жене!

На Лео снова наваливались с обеих сторон, особенно донимал его айтишник. Лео сильно ударил ногой айтишника между ног, и тот скрутился от боли. Другого мужчину Лео укусил за руку.

— Полиция! Полиция! — кричали все вокруг.

На мосту возникла пробка, остановились машины и автобусы.

И когда Лео стало очевидно, что иных вариантов у него больше нет, что его пальцы, державшие ткань её платья, ослабевают, ещё пару мгновений, и она окончательно вырвется и убежит, он издал нечеловеческий вопль. Низко наклонившись, обхватил её бёдра и одним рывком оторвал Джен от асфальта. Она заверещала, стала царапать ему лицо.

Крепко прижимая её к себе, он сделал три шага — исключительно важных в своей жизни, оказавшись у самых перил.

— А-ах! — раздался коллективный возглас-вдох.

Все прильнули к перилам. Прильнул и Лео, и те, кто его только что держал, и те, кто стоял поблизости, записывая этот реальный триллер на свои мобильники, чтобы выставить в социальных сетях.

Все наблюдали за летевшей с моста вниз головой женщиной в сиреновом развевавшемся платье, которая

в воздухе дрыгала ногами в одной чёрной туфле и хаотично размахивала руками.

— Пусть там тебя сожрут сомы, — сказал Лео, тяжело дыша, в тот самый момент, когда женщина упала в воду вниз головой и скрылась под водой.

На лице Лео играла дикая улыбка, сейчас он был похож на психически больного в состоянии острого психоза. Он ни на миг не отводил глаз от воды, от расходившихся кругов в том месте, куда только что упала Джен. Он поднял кулаки и триумфально затряс ими.

— Отлично! Замечательно! — выкрикивал он, глядя в воду, ещё не веря, что совершил это, что его миссия выполнена.

— У-ух-ух!.. — раздался коллективный возглас-выход, в этот раз — облегчения, когда из-под воды вдруг вынырнула голова женщины с короткой стрижкой.

— А-а... — застонал Лео, как смертельно раненый зверь.

Он вцепился руками в перила, чтобы мигом перемахнуть через них и добить её там, в реке. Но со всех сторон его схватили десятки мужских и женских рук. Сзади кто-то дёрнул его за ноги, и он очутился лежащим на асфальте.

— Полиция! Сюда! Скорей сюда!

Вскоре он стоял недалеко от тех же перил. Четверо карабинеров осматривали его карманы, конфисковали у него бумажник и мобильник. На его руках были надеты наручники. Карабинеры грубо выдернули ремень его джинсов, потребовали поднять сначала одну ногу, затем другую, сняли с него кроссовки, тщательно прохлопали его по всему телу с головы до ног.

А он, покорно подняв руки в наручниках, мрачно смотрел на Тибр, наблюдая, как по направлению к Джен поплыл один из прогулочных корабликов, как ей бросили спасательный круг, а потом вытащили её на борт.

— Она русская шпионка, — повторял Лео, указывая обеими руками в наручниках в сторону корабля. — Арестуйте её тоже.

— Окей, сэр. Теперь идите вперёд, и желательно молча, — велел ему один из карабинеров в униформе, полу-сапогах и зелёном берете. Он был плечист, осанист и весьма мужественен на вид. Одним словом, красавчик.

Они подошли к военному джипу, стоявшему возле въезда на мост. Открыв перед Лео дверцу, ему указали место на заднем сиденье. Двое карабинеров сели впереди, положив автоматы в специальные ячейки. А Лео очутился посередине заднего сиденья, по обе стороны от него сели ещё два красавчика в беретах. Сбоку в машине было место ещё для одного человека — там тоже сел карабинер, положив автомат себе на колени.

Завёлся мотор. Машина поехала со включённой сиреной.

Эта поездка напомнила Лео похожую поездку, случившуюся давно в Киеве, когда его под утро, ещё пьяного, увезли из дома в отделение милиции после того, как они с приятелями избили и ограбили несколько прохожих. Тогда Лео, правда, ехал не в таком роскошном джипе и с не такими бравыми парнями в беретах, а в обычном милицейском бобике с откормленными, мордастыми ментами, сзади в дверце машины было крохотное окошко с металлической сеткой.

Машины разные, времена и страны тоже разные. Но понятие свободы, её высшая безусловная ценность и настоящий шок от её лишения — одинаковые.

Лео поднёс к лицу руки в наручниках и прикрыл ладонями глаза. «И всё — ради чего?»

Крепкая рука сидевшего рядом карабинера грубо оторвала его руки от лица и с силой опустила:

— Сиди и не двигайся.

«Боже, спаси меня от тюрьмы ещё раз».

«Мы не средневековые палачи»

Вотделении полиции он отказался давать какие-либо показания и отвечать на любые вопросы. Сказал, что ему срочно нужно увидеть следователя из отдела национальной безопасности и контрразведки. Отвечать он будет только ему. Он настоятельно уверял, что речь идёт о российском шпионаже, у него, дескать, имеются неопровержимые доказательства, а этим должны заниматься соответствующие органы.

Полицейские сначала усомнились в адекватности задержанного, учитывая его одичавший вид и странный запрос. Однако после короткой беседы с ним пришли к заключению: Лео психически вменяем, это ясно и без психиатра. Посоветовавшись, ему сообщили, что его требование будет удовлетворено.

Через некоторое время его перевезли в машине в другое здание. Двое сопровождавших его крепких мужчин в штатском, придерживая его под руки, провели его с тыльной стороны через большую парковочную площадку, где стояли военные джипы и обычные автомобили.

Затем они проследовали по какому-то коридору, поднялись в лифте на третий этаж. Лео велели подождать возле закрытой металлической двери, лицом к стене. Один из сопровождающих его позвонил кому-то,

о чём-то недолго поговорил на итальянском, вероятно, доложил, что они прибыли.

Вскоре все втроем — Лео и двое в штатском — вошли в просторный кабинет, украшенный итальянским флагом и висевшим на стене большим портретом Джузеппе Гарибальди. Там их встретил сидевший за столом черно-волосый мужчина средних лет в белой рубашке с расстёгнутыми верхними пуговицами. Мужчина был полноват, но в общем в хорошей физической форме. Самым примечательным на его малопримечательном лице был крупный крючковатый нос.

Он представился Лео следователем, не уточняя, правда, какого отдела. Спросил у Лео, чем может ему быть полезен.

— Я связался с российской шпионкой. Мы познакомились с ней в Нью-Йорке перед самым отъездом, но все главные события произошли здесь, в Италии. В моём мобильнике имеются доказательства.

— Хорошо, я готов вас выслушать, — сказал следователь и кивнул головой мужчинам, стоявшим за спиной Лео, которые эскортировали его сюда.

Один из мужчин достал ключи и раскрыл замок наручников на руках Лео. Другой дал ему мобильник, который у него изъяли при аресте.

Положив телефон на стол, Лео размял кисти, которые отекли с того времени, когда на его руках защёлкнулись эти тяжёлые металлические браслеты. Затем взял мобильник и проверил, работает ли, ведь, учитывая все события за последнюю неделю, этому телефону пришлось пройти настоящее испытание на прочность. На удивление, мобильник работал, хотя стекло посередине было треснуто.

— Итак, я вас слушаю, — строго промолвил следователь, при этом посмотрев на часы. Он явно предпола-

гал, что их свидание продлится минут пять, этого будет вполне достаточно, чтобы отправить Лео обратно в полицейский участок. Следователь был уверен, что этот американец принадлежит к категории мужчин-рогоносцев, столь бурно отреагировав на измену любимой женщины. Ещё и манипулятор: сначала затребовал отвезти его в департамент контрразведки, потом у него вдруг разболится сердце или живот, и он потребует везти его в больницу. Знакомая публика.

Лео начал рассказывать про свою связь с Джен — ничего не утаивая, всё как на духу: от их случайного знакомства в нью-йоркском кафе и до момента, когда он сегодня сбросил её с моста.

— Теперь мой друг — тяжело раненый, лежит в украинском госпитале в Сумах. Молю Бога, чтобы он выжил... А эта гадина не утонула. В моём телефоне есть немало улик против неё: наша с ней переписка, её фотографии, даже перевод денег, который она однажды сделала мне через Пейпал, чтобы войти ко мне в доверие. Правда, она эти деньги потом всё равно «отбила», выдурила у меня кольцо за пять тысяч долларов... Ещё я знаю, что она хочет купить квартиру в Тоскани и встречалась там с агентами по недвижимости в Чечине, если не ошибаюсь, так называется тот город. Она заблокировала меня по всем каналам связи, но я уверен, что нашу с ней переписку в моём телефоне вы сможете раскодировать.

Лео умолк.

Следователь тоже молчал. Он неподвижно сидел в кресле, прислонив кулак к своему крупному носу, бросая задумчивые взгляды на этого туриста. Кто знает, какие мысли сейчас проносились в голове следователя и был ли он, повывавший виды зубр контрразведки, че-

му-либо сейчас удивлён. Быть может, ему было трудно поверить, что всё, сейчас им услышанное, — правда. Однако и не верить тоже было трудно, так как Лео был явно в своём уме, говорил складно, все детали логично связывались.

Наконец следователь забарабанил крупными пальцами по столу, что означало — недолгая раздумчиво-лирическая пауза закончилась. Взяв у Лео мобильник, он спросил, по каким адресатам снимать информацию, и отдал телефон стоявшему за спиной Лео мужчине в штатском, сопроводив это каким-то распоряжением на итальянском. Затем стал задавать Лео конкретные вопросы, ожидая получить такие же конкретные ответы.

Весь этот допрос, звонки кому-то, какие-то уточнения заняли более часа. Лео следил за временем по часам на стене с минуты, когда его завели в этот кабинет.

Затем ему вернули мобильник, что он счёл обнадеживающим сигналом.

Следователь отдал какое-то распоряжение своим коллегам, и те покинули кабинет.

— Что ж, картина мне более-менее ясна, — поднявшись и пройдя по кабинету взад-вперёд, чтобы немного размяться, следователь снова сел в кресло. — Воды хотите? — неожиданно предложил он, и тон его голоса стал помягче.

— Нет, спасибо.

— Сейчас я вам расскажу то, на что имею право. Слушайте внимательно, повторять не буду. В последние несколько лет к нам периодически наведывалась некая дама, которая занималась сексуальным шпионажем среди специалистов хайтека с целью похищения наших новейших технологий. В прошлом году мы вышли на её след, но она исчезла. Судя по всему, снова вернулась

в наши края. Её подлинное имя Элис Волф. На кого она работает, понятно. Известно, что у неё несколько телефонов с разными номерами, фейковые банковские счета, и она часто меняет внешность, выдавая себя за других людей. Имеет несколько паспортов, в совершенстве владеет несколькими языками. Скорее всего, она завербовала одного нашего айтишника, который стал работать на Кремль, а потом бежал в Россию. Другой айтишник, работавший на секретном предприятии хайтека, покончил с собой — отравился, и у нас есть все основания подозревать, что это случилось не без её участия. Больше про её амурно-криминальные истории распространяться не буду, но, как говорится, *sapienti sat* — умному достаточно.

— Сегодня на мосту она была вместе с новым ухажёром, тоже из айти-братии, он сам это подтвердил. Неделю перед этим мы с ним случайно столкнулись на улице и обменялись несколькими фразами. Я тогда шёл к ней, к этой гадине, а он... тоже к ней. Только мы с ним шли по разным адресам. В итоге он попал к ней, а я к неграм-драгдилерам.

— Вы помните адрес квартиры, где вас тогда избили?

Лео быстро нашёл в телефоне тот адрес и прочитал вслух. Следовательно сделал какую-то короткую пометку в блокноте:

— А тот айтишник, с которым вы столкнулись на улице. Что известно о нём?

— Ничего примечательного. Он из Австрии, познакомился с ней онлайн, и они решили встретиться здесь, в Риме.

— Как он выглядит?

— Обычный айтишник: в очках, тщательно выбрит, аккуратно подстрижен, в меру накачан. В нашей фирме

в айти-отделе таких лунатиков, зацикленных только на своих компьютерных программах, пруд пруди.

— Потому-то они и становятся лёгкой добычей для сексуальных шпионов, таких как наша с вами общая знакомая.

— Мне она представилась журналисткой из *US Today*, — не унимался Лео. В этой истории ему ещё многое оставалось непонятным. — Я же своими глазами читал несколько её статей об Украине и видел в той газете аватарку журналистки по имени Джен Моррисон. Как вы это объясните?

— Э-э, бросьте, она не имеет никакого отношения ни к тем статьям, ни к той журналистке, всё это шпионская мишура, — следователь шевельнул мышкой стоявшего перед ним на столе компьютера и жестом пригласил Лео взглянуть на повёрнутый к нему монитор.

На разделённом пополам экране крупным планом появились две фотографии одной и той же женщины, причём один из этих снимков Лео сделал сам, когда познакомился с ней в кафе Нью-Йорка.

— Посмотрите внимательно на аватарку в газете и на фото, сделанное вами. Да, они очень похожи, но это две разные дамы. Вы хорошо видите разницу, вам очки не нужны?

— Нет, очки не нужны. Как же она этого добилась?

— Очень просто: помогли профессионалы-визажисты, — следователь повёл мышкой компьютера и выбрал файл. — Полюбуйтесь!

Экран монитора разделился на дюжину окошек с фотографиями одной и той же женщины — в разных обликах. Снимки были любительские, разного качества, сделаны в разное время и, судя по всему, разными людьми (любовниками?): Джен то с длинными волосами, то

с короткими, то она блондинка, то брюнетка, то в одежде, то почти голая.

— Впечатляет?

— Да... Но ведь она была в Украине. Она мне показывала фотографии Киева и хорошо знает этот город.

— Ну и что?! Может, и была там когда-то. Но только не в качестве журналистки *US Today*, а с каким-то шпионским заданием. Можете себе представить, сколько сейчас в Киеве шпионов, причём не только российских. Таковы законы любой войны.

— Но как же такое случилось, что она... почему она приехала сюда, в Италию, в то же время, что и я? Неужели её подослали ко мне со спецзаданием? — Лео был близок к тому, чтобы получить полную ясность, расставить последние точки над «i».

— Вряд ли её кто-то к вам приставлял, и никакого спецзадания насчёт вас у неё не было. Скорее всего, так совпало: ехала в Италию с новым шпионским заданием и случайно познакомилась с вами. И сразу смекнула — только не обижайтесь, — какой типчик ей попался. Вот она и решила совместить приятное с полезным, так сказать, взяла подработку на полставки. А дальше всё было вопросом техники: быстро нащупала ваши слабые места, путив в ход свои навыки и опыт сексуальной шпионки. И отдоила вас по полной, во всех отношениях. Потом вас бросила и взялась за нового, ради кого, собственно, и приехала сюда, — за того айтишника, про которого вы мне сейчас рассказали.

— М-м-м... Да, действительно. Похоже, всё именно так, как вы говорите. Жаль, что эта змея выскользнула из моих рук, жаль, что не утонула... — опустив голову, после недолгого молчания Лео спросил с тихой мольбой в голосе: — А что будет со мной, синьор? Меня отвезут

обратно в отделение полиции и посадят в тюрьму за попытку убийства? Или депортируют в Штаты как преступника с опасной статьёй?

— Ну зачем же так мрачно? Мы ведь не средневековые палачи, — ответил следователь, снова взглянув на часы, тем самым давая понять, что их встреча подходит к концу. — Во-первых, вы нам помогли, причём добровольно. А во-вторых, жертвы покушения нет. Никаких жалоб от неё не поступило и, поверьте мне, не поступит. Про какие-либо полученные ею увечья ничего не известно. То есть нету, ничего нету! — он широко развёл руками над столом. — А если нет жертвы, нет увечий, нет жалоб — то нет и никакого преступления. Правильно?

— Правильно, — ответил Лео, ещё не веря своим ушам.

— Парень, ты когда уезжаешь домой?

— В Нью-Йорк мы улетаем завтра вечером. Или нет... послезавтра утром. А какой сегодня день недели?

— Сегодня пятница, двадцать пятого июля. Сделай так, чтобы завтра, в субботу, двадцать шестого, тебя в Италии не было. Мне всё равно, как ты отсюда уедешь — на машине, на корабле или в подводной лодке. Но чтобы завтра тебя здесь не было.

— Всё понял.

— Вот тебе разрешение, что ты свободен и можешь покинуть это здание, покажешь его на выходе, — следователь передал Лео сделанную заранее пластиковую карточку с вплавленной фотографией Лео. — Заберёшь там и своё портмоне. Телефон мы тебе отдали. Вот моя визитка, на всякий случай. А вот телефон моего коллеги в Штатах, если что, можешь всегда к нему обратиться, — он поднялся.

Лео тоже встал.

— Парень, скажу тебе напоследок между нами: дал ты сегодня жару. Молодец.

Возвращение блудного Лео

Лео подходил к гостинице, где они остановились. Теперь уже ничто не могло помешать его возвращению. Перед этим он кое-как привёл себя в порядок, в очередной раз купил футболку и помылся у фонтана. Всё равно вид имел аховый: истощённый, весь какой-то помятый, пожёванный, не говоря уже о густой щетине на расцарапанном лице и распухшем носе, с жёлтыми синяками вокруг глаз.

Уже спустился вечер. Вдоль дорог зажглись фонари и витрины магазинов. В соседнем с гостиницей доме на первом этаже находился открытый бар, где до глубокой ночи играла музыка, и посетители, в основном молодёжь, под лёгкую закуску пили алкогольные напитки.

— Привет, — поприветствовал Лео сына таким тоном, будто бы они расстались минут пять назад и ничего за это время не произошло.

— Привет, — ответил Марк. Он сидел за столиком и пил пиво из большой кружки.

Марк, разумеется, сильно удивился внезапному появлению отца, о чём свидетельствовали его изогнувшиеся брови над часто заморгавшими глазами. Вид отца — будто тот только что из ночлежки или тюрьмы, тоже крайне удивил Марка. Сделав глоток пива и забросив в рот миндалевый орешек с тарелки, Марк промол-

вил: — Мы с мамой думали, ты уже не вернёшься и мы полетим обратно в Нью-Йорк без тебя.

— А я вот взял и вернулся. Как дела, сынок?

— Всё как обычно.

— Удалось ли порыбачить в Риме?

— Да, конечно. Но в Тибре клюёт слабо, у меня было всего лишь два клёва. Зато рыбак из местных подарил мне старый рыбацкий нож, я тебе покажу, он в гостинице. Классный нож, повезу его с собой в Нью-Йорк.

Подошёл официант, спросил, не желает ли синьор что-либо заказать.

— Бутылку минеральной воды, пожалуйста. И несколько кусков пиццы. Сынок, ты какую пиццу хочешь? С сыром, грибами или ветчиной? И то, и другое, и третье? Окей.

Приняв заказ, официант удалился.

— Понравилась ли тебе Италия? — спросил Лео.

Вечер был тёплым, жара спала, лёгкий ветерок приятно обдувал лицо. Музыка играла негромко, и никто здесь не шумел, не кричал и не ругался, все просто наслаждались июльским вечером в Вечном городе.

— Конечно, понравилось, — ответил Марк, многозначительно поджав губы, тем самым как бы подчёркивая, что даёт стране Италии самую высокую оценку.

— А что понравилось больше всего? — спросил Лео, откинувшись на спинку стула и закинув руки за голову.

— Микеланджело. Он гений, папа, он больше, чем просто художник или скульптор, его работы выходят за рамки человеческих возможностей, где уже начинается Божественное. «Давид». Ещё его «Пьета» в Соборе Святого Петра. Тоже нет слов. Ну а в Ватикане — фрески Рафаэля, конечно, в Сикстинской Капелле, они у меня и сейчас стоят перед глазами. Ну и Леонардо да Винчи.

А мой любимый — «Персей», отрубивший голову Медузе!..

Марк говорил без умолку так, что Лео удивился. Никогда не думал, что Марка может столь сильно задеть за живое скульптура и живопись. Даже больше, чем рыбалка. При этом Марк так жестикулировал, смешивая языки, что Лео уже не сильно вникал в повествование, лишь глядел на сына с улыбкой. Лео стало по-настоящему тепло на сердце от того, что они сейчас сидят вместе, в баре, в Риме, тёплым вечером, беседуют о разных вещах, важных и не очень, и что у них такие прекрасные отношения, а у него такой красивый, умный сын. Ещё и деликатный — не задаёт ему ненужных вопросов. «Слава богу, меня выпустили из полиции. А если бы посадили в тюрьму, и мне пришлось бы с ним надолго расстаться?..»

Подошедший официант расставил на столе принесённые блюда.

— В общем, будем считать, поездка состоялась. Ты теперь крутой специалист по Древнему Риму и Возрождению.

Согласно кивнув, Марк пододвинул к себе первую тарелку с пиццей, над которой вился ароматный дымок. А Лео сделал пару глотков минеральной воды. Поставил бутылку и зачем-то посмотрел по сторонам, будто искал кого-то.

— Да, кстати, а где мама? — спросил он как бы между прочим.

— Мама? Мама пошла прогуляться. Скоро должна прийти. Хочешь, я ей позвоню?

— Нет, не надо. Пусть это для неё будет сюрприз.

Утро отъезда.

— Присядем на дорожку, — предложила Лана и первой села на стул.

Лео и Марк тоже сели. Все вещи были упакованы, чемоданы стояли в коридоре возле двери. Впереди лежала дорога в метро, а оттуда в аэропорт и — в Нью-Йорк.

Недолго посидели молча.

— Всё, пора. Прощай, Италия, — промолвил Лео. Но перед тем, как подняться, пытливо посмотрел на жену.

Лана тоже — впервые со вчерашнего вечера — остановила на муже долгий взгляд.

По дороге Марк попробовал выведать у отца, с кем же он всё-таки сражался, кто разбил ему нос и расцарапал лицо. Лео отделался шуткой: «Сражался с Медузой Горгоной, пытался отрубить ей голову».

А Лана ничего не спрашивала. Её это не интересовало.

Эпилог

Они всё-таки не развелись, попробовали жить вместе. Жили-то вместе, но мужем и женой оставались формально: спали в разных комнатах, ели отдельно и досуг проводили врозь, если Марк к ним не присоединялся. Тем не менее расходиться тоже не хотели.

Однажды так получилось, что, возвращаясь с работы, они случайно встретились по дороге к дому.

Стояли мягкие дни ранней осени, края листьев прихватывала первая рыжина и позолота. Было тихо и безветренно, сама природа настраивала на примирительный лад.

На их лицах ещё лежал загар бархатистой Тосканы.

— Знаешь, я вот о чём подумал, Ланчик, — неожиданно сказал Лео, назвав жену ласкательным именем так, как называл её долгие годы. — Давай родим второго ребёнка. Будем любить его так же крепко, как любим Марка. Будем о нём заботиться, воспитывать. *И все у нас буде добре.*

Покосившись на мужа, Лана остановилась. Стояла, глядя перед собой и молча кивая, будто бы разговаривала сама с собой:

— Говоришь, *все буде добре*? Хорошо...

Неожиданно, широко размахнувшись, она наградила мужа звонкой пощёчиной, вложив в неё всю свою боль

и весь свой гнев на него. А потом — долгим жарким поцелуем, вложив в него всю свою любовь. Затем с огромным облегчением вздохнула и промолвила:

— А теперь, мой дорогой муж, пошли домой. Ты хочешь плодиться и размножаться? Окей. Я — за.

И первой пошла по дорожке к дому, оставив Льва Даниловича в полной прострации. «Женщина, однако... Как мало мы знаем своих жён!»

Вскоре у Ланы набухли груди, она как-то округлилась, стала мягкой и тёплой, все её джинсы и приталенные платья стали ей тесны.

И всё бы хорошо у них в семье, лучшего нельзя пожелать, если бы... не Марк.

У Марка всё шло не так гладко. Учёба в колледже его не захватила, учился он через пень колоду, практически всё свободное время проводил в фитнес-клубе или на рыбалке на заливе неподалёку от дома. Он стал скрытен, погружён в себя. Сделал себе на руке татуировку «Персея с головой Медузы» и не уставал ею любоваться.

На рыбалке он познакомился и сдружился с двумя украинскими хлопцами, старшекласниками, которые жили неподалёку. В Америке они, как и сотни тысяч других украинцев, очутились относительно недавно, бежав от войны. Один из них вместе с семьёй попал под бомбёжку в Херсоне, когда россияне обстреливали ракетами их район, в результате чего были погибшие и раненые. Этот парень уцелел, только стал зайкой. А другой был со Львова, его отец воевал на Запорожском направлении, был награждён орденом «За мужество». Когда во время ротации отец на фронте выходил на огневую, сын в Нью-Йорке очень переживал, становился рассеянным и агрессивным.

На заливе вместе с Марком они пили пиво, курили травку. Парни были неплохими рыбаками, но, видимо, как и Марк, не были прилежными учениками в школе. К тому же им было непросто адаптироваться к новым условиям жизни в другой стране с чужим языком. Зато Марк посвящал их в секреты местной рыбалки. Не без гордости показывал им нож, подаренный ему рыбаками Рима, и свою татуировку. Все дружно костерили Трампа и путина, называя первого «конченным козлом», а второго «хуйлом — лала-ла-ла-ла!..». Когда хлопцы сильно расходились, распугивая рыбу и тем самым вызывая недовольство рыбаков поблизости, Марк, призывая их к порядку, командирским жестом прикладывал к своим губам указательный палец: «Ш-ш-ш». И это имело сиюминутный эффект.

На Марка это знакомство произвело сильное впечатление. Одно дело слушать про войну от родителей или смотреть новости после очередных ракетных ударов по украинским городам, совсем другое — лично познакомиться с тем, кто тебе симпатичен, кто попал под жернова войны и в чьём сердце открылся нескончаемый источник ненависти.

Марка почему-то даже не сильно радовала перспектива, что у него скоро появится младший братик или сестричка. Он как-то быстро повзрослел, впервые стал серьёзно задумываться о собственной жизни.

Приятель Олег более-менее восстановился и, не дожидаясь окончательного заключения медкомиссии, вернулся на фронт. Впрочем, учитывая нынешнюю ситуацию в украинской армии с её дефицитом военных, провалом мобилизации, продолжавшимся дезертирством

и уклонизмом и просто из-за очевидной нехватки украинских мужчин для отражения бесчисленных орд противника, Олега всё равно признали бы пригодным для продолжения военной службы и отправили бы на фронт.

Лео по-прежнему пересылал жене Олега из Нью-Йорка в Киев деньги, кофе и мультивитамины, а она всё это переправляла на фронт. Американские витамины у бойцов дивизиона Олега пользовались большой популярностью, поскольку заметно повышали тонус и улучшали сон. Однажды Лео прислал в одной коробке мультивитамины для мужчин (военным) и для женщин (жене Олега и её подругам). Она не разобралась и всё отправила на фронт. Парни там долго не заморачивались, быстро съели всё содержимое всех бутылок. А когда вскрылась ошибка, переживали, не превратятся ли они из-за этого в транссексуалов, не вырастут ли у них «цыцьки».

Всё это, разумеется, из области курьёзов.

Олег и Лео имели серьёзный прямой разговор. Лео пришлось выслушать от Олега в свой адрес очень нелицеприятные слова. Лео не спорил и не оправдывался, да и оправданий в общем-то не было. В короткой фразе Олега «потерял голову из-за какой-то кудрявой пи...ы», по большому счёту, заключалась голая, неприкрытая, пугающая правда.

С другой стороны, на Олега в армии сначала хотели завести криминальное дело. Однако разобравшись, что к чему, и не обнаружив в его намерениях никаких признаков государственной измены, лишь отчитали за неосмотрительность и вынесли выговор.

Что тут сказать? Будь ты хоть святым с золотым нимбом над головой, всё равно — все мы люди, все мы человеки.

Несмотря ни на что, их дружеские отношения сохранились, выдержав и это испытание. В тяжёлые времена испытания либо быстро разъединяют людей, делают их врагами, либо, наоборот, сближают ещё сильнее.

Лео с Олегом были в постоянном контакте. Иногда переговаривались напрямую. Говорили про политику, про бывших однокурсников. Лео рассказывал ему о ситуации в Америке. А Олег порой жаловался на периодические сильные боли в груди после ранения.

Как и прежде, Олег присылал другу письма, фото и видео о «буднях войны»: про выходы его дивизиона на огневые позиции, про кота Рыжего, отлавливавшего мышей в блиндажах, про разбитые войной дороги, где в грязи вязнут машины и в глубоких лужах отражается холодное осеннее украинское небо.

Неожиданной новостью, из разряда фантастических, был звонок... из Рима от знакомого следователя из Департамента национальной безопасности и контрразведки. Нарушив служебные правила, исключительно из уважения к парню, совершившему столь славный поступок на мосту, следователь сообщил Лео, что они её всё-таки арестовали.

Понятно, он не посвящал Лео в подробности операции, лишь поведал:

— Мы взяли её прямо в её новой квартире в одном из приморских городков Тосканы.

— Получается, вы скрутили ей голову прямо в её гнёздышке, вернее, в змеиной норе?

— Получается, что так. Между прочим, некоторые сведения, что ты тогда сообщил, нам очень пригодились.

Лео попытался разузнать, какая же именно информация помогла детективам выйти на её след, но следователь сухо перебил:

— Не будем вдаваться в подробности. Я и без того рассказал тебе больше, чем имею права. *Sapienti sat* — умному достаточно.

В колледже были рождественские каникулы. Отметив с родителями Новый Год, Марк сообщил им, что едет с друзьями на рыбалку на несколько дней на озёра в горы. Взял спиннинг и снасти.

Но он не вернулся ни через два дня, ни через три. На телефонные звонки вдруг перестал отвечать. Родители забились тревогу. Прежде чем обращаться в полицию и подавать в розыск, они пересмотрели все его вещи и обнаружили, что Марк взял с собой не только рыбацкие принадлежности и тёплую одежду, но и комплекты нижнего белья, и чемодан, и заграничный паспорт. Лео с Ланой ломали себе голову, куда же он поехал. Они оба знали ответ, ну, почти наверняка, но не хотели произносить это вслух. Молча смотрели друг другу в глаза, читая там одинаковую тревогу и готовность в любую минуту услышать эту новость.

Через две недели Марк наконец объявился. Звонил со Львова, приехал туда через Польшу. Потому что сейчас там самый сезон сомов, сомы, понимаете, в это время хорошо клюют, и Марк не мог упустить такой шанс.

— Спасибо, что позвонил, сынок. А мы с мамой уже начали немного волноваться. Что-то поймал? — поинтересовался Лео. Он чувствовал, как земля, которая уходила у него из-под ног последние две недели, стала медленно возвращаться.

— Да, папа. Поймал одного большого сома — красавчика. И двух хороших судаков.

— Очень рад за тебя. Молодец. Когда же собираешься домой?

Стоявшая рядом Лана замерла, ожидая ответа от сына. Она инстинктивно впиалась пальцами в руку мужа.

— Скоро, папа. Недели через две-три, у меня открытый билет. Я тут познакомился с крутым рыбаком Степаном, он предлагает мне съездить с ним ещё пару раз.

— Когда будешь знать точную дату возвращения, сообщи заранее, чтобы я тебя встретил в аэропорту, — Лео ненадолго умолк. Вдруг спросил без обиняков: — Сынуля, ты что, хочешь пойти воевать?

Марк молчал. Он не был готов к такому прямому вопросу.

— Говори прямо: да или нет?

Марк не отвечал. В телефоне было слышно лишь его громкое напряжённое сопение. Наконец произнёс:

— Я связался с твоим приятелем Олегом и спросил его, может ли он взять меня к себе в дивизион. Я пообещал ему, что со мной проблем не будет, что я смыслённый и не боюсь холода, могу ловить рыбу даже зимой.

— Ты связался с Олегом? Г-м... Он мне ничего не сказал об этом.

— Я его попросил не говорить тебе, и он пообещал, что всё останется в тайне.

— И что же тебе ответил Олег?

— Он отказался. Сказал, что они справятся сами, а я должен вернуться в Америку, продолжать учёбу в колледже и делать всё возможное, чтобы спасти Америку от Трампа, если ещё не поздно.

— Вот видишь, видишь, Олег тоже против! Ты же в курсе дела, какое сейчас тяжеленное положение на фронте.

— Да, я знаю. Но Леся сказала, что есть интернациональный легион, куда берут иностранцев, и я могу обратиться туда.

— Леся?! Что ещё за Леся?

— Дочка Олега, она учится здесь, во Львове, в Католическом университете. Мне твой Олег предложил с ней познакомиться. Когда мы недавно гуляли с ней по городу, то завывла сирена, из динамиков зазвучало предупреждение, что в нашу сторону летят российские ракеты и все должны немедленно прятаться в бомбоубежища. Но никто вокруг не реагировал, люди ходили, как ни в чём ни бывало. Леся сказала, что «*кляті москалі хочуть нас зламати*», но украинцы к этим тревогам давно привыкли. А мне, с непривычки, стало немного не по себе, мне казалось, что все эти ракеты летят прямо на меня. Зато в следующий раз уже было не страшно. Здесь в городе много женщин и совсем мало мужчин. Леся мне объяснила почему.

— Леся тебе случайно ничего не говорила обо мне? — спросил Лео. Тот их телефонный разговор в Италии, когда Леся сообщила ему, что Олег тяжело ранен, обругала и прокляла его, он запомнит если не на всю жизнь, то надолго.

— Нет, папа, ничего такого, чего бы я о тебе не знал. Сказала, что вы с её отцом друзья, и что ты *good man*. Она вообще малоразговорчивая и тихая. Но очень, очень красивая, такая, как наша мама.

— Да, мама у нас и вправду малоразговорчивая и очень красивая. А теперь подумай о ней: ведь мама беременная, ей ни в коем случае нельзя нервничать.

— Папа, ты разговариваешь со мной, как с малым ребёнком. Я принял это решение не вчера, а ещё в Италии, когда вы с мамой постоянно ругались, врали и мне, и друг другу, куда-то уходили, а ты вообще пропадал непонятно где. У меня тогда было достаточно времени обо всём подумать. Но всё равно вы для меня лучшие родители на свете.

Возникла недолгая пауза. Лео крепко, до боли, сжал кулак:

— Ты прав, сынок, мы виноваты перед тобой, особенно я. И — да, мы должны были с тобой обо всём этом поговорить, как со взрослым. Но ты также должен понимать, что твой героизм может всем нам обойтись слишком дорого. Или ты хочешь получить медаль? Или ищешь новых приключений на свою голову? Если уж на то пошло, это не твоя война. Твои войны ещё впереди. К сожалению. А сегодня подумай о маме...

С новой силой Лео принялся убеждать Марка немедленно вернуться в Америку.

А Лана, оставив его одного, подошла к иконе евангелиста Марка, стоявшей на книжной полке в углу комнаты. Перекрестившись и положив руку себе на живот, шёпотом стала просить святого, чтобы хранил и оберегал её сына там, в Украине, её родной Украине, охваченной пожаром войны. Просила так, как никогда не просила ни за кого в жизни. Ей уже всё было ясно. Она очень хорошо знала своего сына — своего Марчика.

Февраль, 2026 год

